

Марина Одинаец

Блуждающий
огонек

Россия, 1776 год.

Княжна Екатерина Шехонская была не из тех, кто безропотно мирится с судьбой. Не предсказания цыгана Драгомира сбываются одно за другим: смерть настигает тех, кто окружает ее, и самой Екатерине едва удастся избежать гибели и бесчестия. В этом мире, где самые близкие люди вызывают черные подозрения, где, словно паутина, опутала ложь, лишь двое кажутся истинными друзьями: Драгомир, которому Екатерина обязана жизнью, и отчаянный гвардеец Михаил Бахметьев. Но кто из них пойдет за ней до конца? Кто полюбит так, что преодолеет все преграды на пути? Кто явится под маской в ее первую ночь любви? И кто станет единственным для Екатерины?

Марина Одинец

«Блуждающий огонек»

Глава 1. Предсказание

1776 г.

— Какие чудесные лошади, и барышня хороша. Так и украл бы всех вместе.

Услышав это заявление, княжна Екатерина Шехонская оторвалась от книги и, стараясь не тревожить мирно дремавшую рядом гувернантку, выглянула из кареты.

И семи пядей во лбу быть не надо, чтобы понять, кто перед ней. Катя мысленно хмыкнула, смерив взглядом нахала, который определил ей второе, — после лошадей, — место. Красивый парень, смуглый, прямой, как лучина. Смоляные кудри не умещаются под войлочной шляпой, глаза — точно бездонный омут и шальная, белозубая улыбка, куда ярче этого тусклого солнца. Уже сентябрь на исходе, а этот бедолага мерзнет в потрепанном синем кафтане на рыбьем меху, но зато с золотым позументом. И конь в поводу холеный и резвый, с богатой сбруей. Ну, разумеется, цыган! Да и кому другому мог прийти в голову столь «куртуазный» комплимент?

Катя знала: благовоспитанная девица на ее месте и виду бы не подала, что слышит вздорные речи досужего бродяги. Но промолчать, увы, не смогла.

— Ну и наглец же ты, — сдерживая улыбку, произнесла она, сделав знак слугам, чтобы не трогали цыгана. — Не по себе сук рубишь. Слишком хороши для тебя эти лошади, не говоря уже о барышне.

Цыган Катя не боялась, да и ясно было, что парень просто шутит с ней, чтобы скоротать ожидание. И даже непогода ему нипочем. А меж тем, зябко даже здесь, в уютном салоне, под меховой полостью. И как невыносима скучна и однообразна эта дорога! Скорее бы уже добраться до Москвы...

Ее карета стояла у моста на высоком речном берегу, ожидая своей очереди переправиться через Тверцу на почтовый тракт, ведущий к Торжку. Вековые сосны гнулись от шквалистого ветра, казалось, колышется даже купол покосившейся церквушки, видневшейся за домиками деревни. Сваи моста отчаянно скрипели на разные голоса, ветер гнал по реке бурные, пенные волны.

Кучер с фореитором выжидательно поглядывали на хозяйку, готовясь в любую минуту дать отпор подозрительному бродяге. Но тот не замечал их недовольства. Скрестив руки на груди, прямодушный мазурик несколько мгновений молча смотрел на Катю, прежде чем ответить:

— Так ведь крадут всегда именно то, что не могут получить по праву. Иначе кто бы стал промышлять воровством, княжна?

Чуть встревожившись, Катя в недоумении приподняла выгнутые брови:

— Откуда ты знаешь, что я княжна?

Цыган обвел взглядом сверкающий лаком светло-вишневый дормез, запряженный четверкой цугом и с замысловатым вензелем на дверце. Холеные рысаки, явно не почтовые, да и правит ими не ямщик, а кучер в украшенной галунами ливрее. Барышня ехала на своих, но вряд ли от недостатка средств; скорее всего, просто никуда не торопилась.

— Это как раз самое простое, — отозвался он. — А вот чтобы судьбу узнать, мне нужно взглянуть на твою ладонь.

У него был приятный, низкий голос с мягким молдавским выговором, невольно чарующий самым своим звучанием. Не на шутку заинтригованная тем обстоятельством, что

гадать ей будет мужчина, Катя сняла перчатку и без колебания протянула цыгану руку.

— Ты всегда такая смелая, — усмехнулся тот, — или только пока спит твоя нянька?

— Вот и угадай!

Сильные, загорелые пальцы бережно обхватили узкую руку княжны, и цыган впился пристальным взглядом в линии на ее ладони.

— Уже вижу: всегда. Только к добру ли, красавица? Если женщина слишком смела, это грозит бедой не только ей, но и тем, кто с нею рядом.

— И это все, что ты можешь сказать? — фыркнула девушка, отнимая руку.

— Это все, что я *хочу* сказать, — подчеркнул цыган. — Все остальное я оставлю при себе.

— Станный ты. Неужели не хочешь получить деньги за хорошее гадание?

— Мы и вправду ценим золото больше всего на свете, — медленно отозвался парень, — но от тебя мне золота не нужно, княжна. Лучше прими добрый совет: разворачивай своих лошадей и возвращайся домой.

— Что еще за цыганские штучки? — рассмеялась Катя. — Неужели мор идет?

Но ее смех поневоле замер, когда она наткнулась на острый, как лезвие, немигающий взгляд цыгана. Помолчав, тот произнес небрежно и точно нехотя:

— Ты сама мор и смерть.

Катя отпрянула, едва не толкнув спящую гувернантку и до боли прикусила губу.

— Я не верю тебе. Не знаю, чего ты добиваешься, но я не настолько глупа, чтобы верить первому встречному бродяге!

Она гордо вскинула голову, но высокомерный тон дался ей с трудом. И, похоже, ее смятение почувствовали даже слуги.

— Шел бы ты отсюда, парень, — с угрозой вставил фореитор. — Хватит барышню морочить!

Цыган презрительно засмеялся.

— Ну все, довольно, — Катя внезапно ощутила сильнейшее желание оказаться как можно дальше от прорицателя. — Едем, Аникей.

— Слушаюсь, барышня, — откликнулся кучер.

Фореитор хотел было захлопнуть дверцу кареты, но прежде чем он успел это сделать, цыган без особых церемоний удержал Катю за руку.

— Послушайся меня, княжна, пока не поздно. Возвращайся назад.

Катя жестом остановила уже готового вмешаться фореитора и, стряхнув настойчивую руку цыгана со своих пальцев, со злостью взглянула на него:

— Как тебя зовут, предсказатель?

— Драгомир.

— Ну так вот, Драгомир, — резко отозвалась Катя. — Может быть, мне прямо сейчас лечь и умереть, к чему ждать слишком долго? Или лучше с моста в реку кинуться?

— Это от тебя не уйдет, княжна, — спокойно отозвался Драгомир, которого ничуть не впечатлили гневные всполохи в глазах девушки. — И, может быть, все это случится гораздо раньше, чем ты думаешь.

Он едва успел договорить, как за спиной у Кати послышался полный негодования голос:

— *Qu'est-ce à dire? (Что происходит? (франц.))*

Княжна поспешно обернулась и столкнулась нос к носу с трясущейся от возмущения всем увесистым телом гувернанткой.

— Мадемуазель Дюбуа... — попыталась было оправдаться она, но гувернантка, не слушая ее, взорвалась яростной тирадой:

— Вы разговаривать грязный le Tsigane (*цыган (франц.)*), Кати? Где есть ваш голова? Мы уезжать немедленно, Анике!

Не споря с разбушевавшейся француженкой, Катя отвернулась от окна, за которым маячила фигура Драгомира. На ходу грубо оттолкнув его, форейтор захлопнул дверцу и вскочил на спину первой из лошадей упряжки. Кучер уселся на козлы и взмахнул кнутом.

— О, Кати! — не унималась гувернантка. — Quelle horreur! (*Какой ужас! (франц.)*) Ви сумасшедший совсем есть, бе-се-до-ва-ет с такой человек!

Катя, и без того пристыженная, сочла за лучшее промолчать. Кучер хлестнул лошадей и карета въехала на мост. Не замолкая ни на секунду, мадемуазель Дюбуа продолжала изливать негодование на чудовищной смеси русского и французского языков. Откинувшись на спинку сиденья и прикрыв глаза, Катя молча слушала давно ставшие привычными упреки.

Неожиданно снаружи послышался глухой стук и неведомая сила бросила ее на гувернантку. Открыв глаза, она с ужасом поняла, что карета ощутимо накренилась набок, услышала снаружи вскрик Аникея, дикое ржание испуганных лошадей и раздавшийся в самое ухо вопль гувернантки:

— Non, non! Mon Dieu!

Оставшийся на берегу реки Драгомир увидел, как подпрыгнул на выщербленном настиле тяжелый дормез, и отлетевшее колесо с грохотом покатило под ноги лошадей. Коренной испуганно взвился на дыбы. Спрыгнув с козел, кучер попытался удержать клонившийся набок экипаж, но сил его не хватило. Женские крики и ржание обезумевших лошадей слились в одну, леденящую кровь, дьявольскую какофонию. В следующее мгновение, с треском проломив хлипкое ограждение моста, дормез рухнул в воду.

Стая ворон, хлопая крыльями, взметнулась в небо. Драгомир на мгновение застыл. Он видел, как обломленное от удара дышло освободило упряжку, как выносная[1] сбросила форейтора и взбесившиеся лошади, проскакав по его неподвижному телу, устремились вперед. И тут, с оглушительным скрежетом, от которого, казалось, задрожала земля под ногами, мост обрушился в реку.

Драгомир бросил взгляд на дормез, который еще виднелся из воды. Прыгнул в седло и, прищорив жеребца, поехал по берегу к порогам, куда стремительное течение уносило карету.

* * *

Когда от удара об воду лопнуло стекло, и ледяной поток хлынул в опрокинутую набок карету, Катя пришла в себя. В несколько мгновений одежда промокла насквозь, и обжигающий холод сковал тело. Захлебываясь и хватая ртом воздух, она пыталась подняться. Затылок раздирала тупая боль. Ноги с трудом нашли опору, и макушка уперлась в оказавшуюся наверху дверцу. Ошалевшая гувернантка, которая, мыча, копошилась внизу, мертвой хваткой вцепилась в Катины юбки.

— Ne me jette pas! *Не бросай меня! (франц.)* — истерически завизжала она и, хлебнув воды, страшно захрипела.

Слыша, как трещит обшивка кареты, которую волокло вперед мощное течение, Катя

наконец сумела поставить на ноги свою тяжеловесную спутницу. Вода прибывала быстро, уже больше, чем наполовину заполнив карету. Юбки раздулись и расплылись вокруг, мешая двигаться.

Им оставались считанные секунды. Путь был один — через дверцу над головой, но ее безнадежно заклинило. Дышать становилось все труднее, кровь бешено стучала в висках, и невыносимо жгло легкие. Почти потерявшая разум гувернантка продолжала истощенно кричать, повиснув на девушке, словно камень на шее. Не тратя времени на бессмысленные увещевания, Катя оттолкнула ее с такой силой, что та отлетела к стене. Выпучив глаза и открыв в немом крике рот, гувернантка потеряла сознание и завалилась набок.

Отплевываясь от воды, колыхавшейся уже возле подбородка, Катя отклонилась в самый угол и шарахнула кулаком в оконный просвет наверху. Раздался звон стекла, осколки посыпались в воду, и слабая струя воздуха ворвалась сквозь амбразуру.

Фижмы и тяжелые, мокрые юбки тянули вниз, и Катя, задрав подол платья, принялась поспешно развязывать кулиски, избавляясь от лишнего груза. Потом, в кровь обдирая руки, уцепилась за раму, подтянувшись, прыгнула и, протиснувшись в отверстие, выбралась наружу.

Шум порогов ударил по ушам, свежий воздух едва не разорвал легкие. Распластавшись на обшивке и судорожно дыша, Катя вытянула вниз руки, схватила гувернантку за волосы и потянула к себе. Безжизненная голова с остекленевшими глазами и распахнутым ртом показалась на поверхности.

— Дышите, дышите же! — Катя хлопнула ее по щекам, но женщина была по-прежнему без чувств.

Собрав все силы, Катя начала тащить вверх застывшее тело. Но как бы ни напрягала она мышцы, ей не удавалось приподнять его над водой больше, чем до плеч. Осколки, торчавшие в раме, кололи руки, но Катя продолжала упорно тянуть к себе неподвижное туловище, не желая понимать, что ей это не под силу. А если бы даже хватило сил, узкая рама все равно стала бы непреодолимым препятствием.

И только когда пальцы, почти онемевшие от холода и усталости, отказались повиноваться ей, она бросила непосильную ношу и заплакала. Вода с плавающими в ней осколками, забурлила возле лица гувернантки, медленно опускающейся вниз. Карета закачалась, уходя под воду, и в следующее мгновение Катя оказалась во власти течения.

Погрузившись с головой в бурный поток, она отчаянно забила ладонями, оттолкнулась ногой от каменистого дна и сумела всплыть. И только теперь глаза стали различать окружающее пространство. До берега было не так далеко. Быть может, она еще сумеет спастись...

[1] Выносная — лошадь, припряжённая впереди коренника постромками и тянущая вперёд.

* * *

Поросший лесом берег был высок, — саженой десять. Бросив коня, Драгомир кубарем скатился вниз. На ходу разматывая аркан, побежал вдоль кромки воды в ту сторону, куда река несла остов перевернутой кареты.

Ухо различило звон бьющегося стекла. Увидев, как темноволосая голова высунулась из тонущего экипажа, Драгомир облегченно выдохнул. Он видел, как тонкая фигурка в облепившей тело одежде выбралась наружу, видел ее отчаянные и безуспешные попытки спасти спутницу. Видел и падение в воду. И продолжал ждать.

Девушка плыла к берегу, с трудом преодолевая течение, но плыла. Волны порой захлестывали ее с головой, но она неизменно показывалась на поверхности. И когда расстояние между ней и берегом оказалось примерно равным длине его аркана, Драгомир, скинув кафтан и войдя в воду по пояс, крикнул:

— Эй, княжна! Лови веревку!

Она слышала. Аркан просвистел в воздухе и лег на воде на всю, не менее, чем семисаженную длину. И, видимо, вовремя. Почти парализованное холодной водой тело девушки уже отказывалось двигаться. Теряя силы, она вцепилась в веревку, просунула под руки петлю и Драгомир, стиснув зубы, потянул ее к себе.

Наконец волны вынесли к нему бесчувственное тело, не ушедшее в глубину лишь благодаря спасительному аркану. Драгомир схватил девушку на руки и ее голова безжизненно повисла.

Добравшись до берега, он уложил ее в пожухлую траву и извлек засапожный нож. Быстрым и ловким движением разрезал платье и жесткий корсет, разодрал сорочку, обнажая дрожащее, худенькое тело, стащил с ног чулки и башмаки. Встав на одно колено, положил девушку животом вниз поперек другого и принялся надавливать на ее спину между лопаток. Легкие извергли фонтан воды.

Тщательно закутав спасенную в свою одежду и опустив наземь, Драгомир наклонился к самому ее лицу и принялся дуть в рот.

Наконец княжна хлебнула воздух широко открытым ртом и задышала так, что заходила ходуном маленькая грудь. Глаза распахнулись, незряче глядя на спасителя. Сняв с пояса фляжку, Драгомир влил ей в рот немного водки. Она закашлялась, глотая обжигающую жидкость, но выражение глаз стало более осмысленным. Он вновь приложил горлышко фляги к ее губам, но девушка замотала головой.

— На дар, — засмеялся Драгомир, не заметив от волнения, что говорит на родном языке. — Бравинта жужоры! Сыр ту? (*Не бойся, водка чистойшая! Как ты? (цыганск.)*) То есть, я хотел спросить: как ты?

— Шукар, (*Хорошо (цыганск.)*) — выдохнула Катя, вспомнив единственное, памятное ей цыганское слово, и на глазах у нее выступили слезы.

Драгомир одобрительно улыбнулся.

— Бидытко шей ту, — он погладил ее по щеке. — Пало тыро састышэн! (*Бедовая девушка ты. За твоё здоровье! (цыганск.)*) — в свою очередь приложившись к фляге, он утерся рукавом и, поняв, что она не понимает, объяснил: — Говорю, бедовая ты девушка, княжна. За твоё здоровье пью.

Она слабо кивнула, постепенно приходя в себя. Драгомир вылил воду из сапог, снял и выжал мокрую одежду и снова оделся. К счастью, его рубашка и жилет не слишком промокли, да и он был привычен к холоду.

Поискав что-то среди прибрежных коряг, он снова вернулся к спасенной с неким комком зеленой массы, напоминающим губку.

— Ты что! — опешила Катя, когда он потянул одежду с ее плеч, и попыталась оттолкнуть.

— Это бадяга, — объяснил Драгомир. — Растереться слегка надо, от простуды, чтобы кровь лучше по жилам побежала.

Судя по всему, свойства речной губки были известны княжне.

— Отвернись, я сама, — она вырвала бадягу из его рук. — Ну же!..

С усмешкой покачав головой, Драгомир отвернулся.

— Не перестарайся только, — посоветовал он, — сильно не три, иначе волком взвоешь.

— Да знаю я, — буркнула девушка.

Освободившись от одежды и повернувшись спиной к цыгану, Катя быстро и осторожно провела губкой по груди, плечам, хребту, протерла руки и ноги. Затем так же быстро закуталась.

Но, похоже, немножко она все-таки перестаралась, и действие коварной бадяги, проявившееся вскоре, было сурово. Кате показалось, что тысячи иголочек впились в ее тело, кожа покраснела от мгновенного прилива крови и девушка едва удержалась от желания прыгнуть в ледяную воду.

— Ничего, красавица, все на пользу, не во вред, — засмеялся Драгомир. — А теперь бегом наверх, — он помог подняться девушке, плотнее запахнул кафтан на ее теле. — Костер будем жечь, греться будем и раны твои лечить.

После всего, выпавшего на ее долю сегодня, идти, да еще в гору, было нелегко. Но Драгомир, словно не замечая ее усталости, безжалостно тащил спотыкающуюся девушку наверх. К счастью, склон был не слишком крут. Поддерживаемая своим спасителем, Катя наконец одолела подъем и, задыхаясь, плюхнулась на землю в тени колючих кустов можжевельника. Жеребец Драгомира, который пасся среди подлеска, осторожно выбирая губами траву посвежее, фыркнув, потянулся к хозяину. Тот ласково похлопал его по шее, достал из чересседельной сумки плотно скатанное суконное одеяло и положил его у ног девушки, чтобы она не сидела на голой земле.

— Мост... — неожиданно ахнула Катя, пока Драгомир собирал валежник и ломал колючие ветки на растопку.

Тот мимоходом бросил взгляд на бывшую переправу. К этому времени возле обрушившегося моста собралась толпа зевак, — похоже, большая часть жителей ближайшей деревни. Стояли и несколько экипажей, которым теперь придется ехать обходной дорогой. С того места, где находились Катя и Драгомир, голосов было не слышно, слишком далеко, но о чем разговаривали люди, оставшиеся без сообщения с соседними селениями, можно было представить.

Ничего не сказав, Драгомир бросил на траву охапку хвороста. Достал кресало и коробочку с трутом и, сев напротив Кати, принялся молча высекать огонь.

— Цыган, — окликнула Катя. — А как же... мои люди, они... — она не договорила, с надеждой глядя на него.

Драгомир подпалил тоненькую щепку, осторожно раздул тлеющую искру и сунул ее в грудку приготовленного хвороста. Вскоре ветки негромко затрещали, растущее пламя раскинуло оранжевые лепестки, пожирая топливо. Густеющий белый дымок взвился над ними, повеяло теплом и смолистым ароматом горящего можжевельника.

— Нет больше твоих людей, княжна.

Катя недоверчиво смотрела на Драгомира.

— Как же так, — возразила она, — неужели они не сумели спастись? Аникей и Степан, молодые, сильные, разве так может быть? Ведь я же выплыла...

— Степан — это фореитор? — хмуро уточнил цыган. — Лошадь его сбросила, а остальные, постромки оторвав, прямо по нему и понеслись, в лепешку раздавили. А кучер на мосту был, когда тот рушиться начал. Балками его закидало, где уж тут спастись.

Закрыв лицо дрогнувшими ладонями, Катя долго молчала.

— Пресвятая Богородица, за что? Чем я Бога прогневила? — с каким-то странным удивлением произнесла она и совсем тихо добавила: — У меня же теперь никого не осталось. Даже... даже одежды своей и то нет. Что же делать мне? Как до Москвы добираться? Христареди идти просить?

Драгомир неодобрительно покачал головой:

— Что делать, говоришь? Ну, перво-наперво за новопреставленных помолиться не помешает. А потом и о себе подумаем. Нам, живым, торопиться некуда.

Услышав этот лишь слегка завуалированный упрек, Катя весьма воинственно вскинула на него глаза, но сдержалась. Нелегко ставить на место того, кто только что спас твою жизнь. А ведь она даже спасибо ему не сказала...

— Не могу я сейчас молиться, Драгомир, — отрезала она. — У меня голова болит, душа кричит, пусто мне, не до молитвы сейчас.

Драгомир помолчал.

— Как зовут-то тебя?

— Катериной.

— Ладно, Катерина, давай поглядим, что там с твоей головой.

Пересев поближе к девушке, он положил ладони на ее густые, черные, уже подсыхающие волосы. Катя мучительно напряглась, когда сильные пальцы принялись бережно ощупывать раскалывающийся от боли затылок.

— Нет раны, княжна, — сообщил Драгомир, — повезло тебе. Шишка и только. Еще бы, такая грива! Лучше, чем хвост у моего жеребца. Да и шляпа, думаю, смягчила удар. А теперь расслабься, глаза закрой и помолчи.

Катя повиновалась, сама не зная почему. Может быть, оттого, что в голосе и руках цыгана была некая властная и в то же время умиротворяющая сила. Бережно, едва прикасаясь, он гладил ее голову и мелодично нашептывал по-цыгански что-то, звучавшее как нежная колыбельная.

Сколько прошло времени, она не знала. Завороженная звуками его чарующего низкого голоса, Катя, казалось, грезила наяву и очнулась, только когда Драгомир спросил, замедлив движение пальцев:

— А теперь легче стало, верно?

— Да, — с удивлением сказала Катя, прислушиваясь к себе.

— Вот и хорошо. Глядишь, к вечеру совсем пройдет. Еще что болит?

Катя молча протянула исцарапанные руки. Кровь больше не шла, но мелкие ранки, нанесенные стеклянным крошечком, весьма ощутимо саднили. Драгомир смазал их какой-то горьковато пахнущей мазью, и боль постепенно начала утихать.

— Спасибо, Драгомир, — не глядя на него, выговорила Катя. — За все тебе спасибо...

Ах, если бы душевную боль можно было излечить так же, как телесную! До самой смерти ей не забыть последний, мертвый взгляд мадемуазель Дюбуа. Может быть, потому и кричала она так страшно, что понимала в озарении предсмертном, что ей не спастись? Как замолить этот грех? Даже самая суровая епитимья не поможет...

Драгомир набил табаком трубку, прикурил от горящей ветки и вытянулся у огня.

— Не казни себя, — произнес он, и Катя вздрогнула, пораженная тем, как точно цыган угадал ее мысли. — У тебя не было другого выхода. Или умереть вместе с той женщиной или попытаться выбраться. Никто не упрекнет тебя за то, что ты выбрала второй путь.

Катя хрипло прошептала:

— Ты ничего не понимаешь. Я очень виновата. Она мешала, повесилась на мне, как черт на сухой вербе, и я ударила ее. Да так, что она сознания лишилась, а может быть, от недостатка воздуха с ней это произошло, кто знает? Думала, выберусь сначала сама, потом ей помогу, иначе обе погибнем. Только не вышло... У меня два пути было, а у нее сколько?..

— И у нее два. Одной умереть или тебя с собой на тот свет утащить, — сухо отозвался Драгомир между двух затяжек.

— Стало быть, ты знал, что так будет? — Катя повернулась, вглядываясь в его лицо. — Ты меня об этом предупреждал, да?

— Что теперь говорить... — кашлянув, негромко откликнулся Драгомир.

Он не хотел говорить, но она ясно помнила сказанные на переправе слова: «*Ты сама мор и смерть*». За один день она стала причиной гибели трех человек и чудом выжила сама, но что-то подсказывало Кате, что это лишь первая страница непоправимых бед в едва начавшейся книге ее жизни.

Только об этом она цыгана спрашивать не станет. К чему знать свое будущее? Никому это не приносило счастья.

Некоторое время они сидели молча, глядя в огонь.

— А в Москву ты к кому ехала, княжна? — донесся до задумавшейся девушки голос цыгана.

Катя встряхнула головой, прогоняя черные мысли.

— К родителям и брату.

— Родители в Москве, а ты что же?.. В гости, что ли, ездила?

Катя недовольно передернула плечами, но все же ответила:

— Нет. Я в поместье живу под Новгородом.

— С кем?

Девушка вздохнула.

— С гувернанткой. У меня еще компаньонка была, тетушка моя, только она умерла три недели назад, старая уже была.

— А что же родители?

Катя метнула на цыгана подозрительный взгляд и с независимым видом расправила плечи:

— А что — родители?.. Им нравится жить в Москве, а мне хорошо было в деревне. Просто мне уже шестнадцать стукнуло, засиделась в девках, пора в свет выходить...

— Да женихов искать, — кивнув, закончил Драгомир и, уловив тщательно скрываемое смущение на лице девушки, подытожил: — Ну что ж, краса Катерина, я очень рад, что ты не сирота и тебе есть куда податься. Иначе пришлось бы брать тебя замуж и вести с собой. А я ведь цыган не таборный, изгой, так что нечего мне тебе предложить, кроме костра и бесконечной дороги. Шатра и того нет.

Выслушав эту тираду, Катя невольно фыркнула.

— Ты просто неподражаем, Драгомир. С чего начали, к тому и вернулись. Думаю, что я никогда не дойду до такой крайности, чтобы скитаться с тобой по дорогам, разве только, чтобы до Москвы добраться...

— Я думаю, мы сможем придумать кое-что получше, — проронил Драгомир. — Не к лицу благородной барышне с цыганом кочевать. Найдем тебе попутчиков по чину.

Катя хотела было спросить, каким образом он собирается осуществить это намерение, но внезапно ощутила, как тяжелеют и сами собой опускаются веки. Похоже, Драгомир не только боль снял, но и дрему на нее нагнал, успела подумать она перед тем, как погрузиться в крепкий сон.

* * *

Пока Катя спала, возле костра несколько раз появлялись мужики из ближайшей деревни и, подозрительно приглядываясь к цыгану и его спутнице, завязывали разговор о рухнувшей переправе. Драгомир сдержанно рассказал то, чему был свидетелем, но о том, что вместе с ним находится барышня, слуги и карета которой утонули, упав с моста, распространяться не стал. К чему? Позволить девушке, оставшейся без защиты, продолжать путь на крестьянской телеге, в обществе случайного мужика, едва ли разумно. Драгомир мысленно вздохнул, вспомнив о четверке прекрасных рысаков, которые успели спастись, вырвавшись на свободу до того, как обрушился мост. Где они теперь и кому достанутся?

Выяснив все, что хотели, а также убедившись, что пришлый цыган не лудильщик, не барышник, не торгует никаким диковинным товаром, и жеребец его не украден в их деревне, мужики оставили его в покое и ушли.

Драгомир не сидел без дела. Поймав в кустах крупного ежа, он прикончил и выпотрошил зверька, набрав у берега мягкой глины, тщательно промазал ею колючую тушку так, что она превратилась в гладкий глиняный ком и, вернувшись к костру, положил в огонь. Излюбленное блюдо цыган, — еж, запеченный в глине, готовится долго, но когда княжна проснется, им будет чем утолить голод.

Изредка мимо, звеня колокольчиками, проезжали почтовые кареты. Заслышав звон, Драгомир выходил на дорогу и вглядывался в лица седоков, но никого, кому можно было бы доверить княжну, пока не появилось. Не считать же, в самом деле, подходящим для нее спутником пьяного офицера, который на ходу распекал челядь, едва не вываливаясь из кареты, или проехавшую часом позже купчиху, что сидела в кибитке, испуганно вцепившись в свой дорожный мешок. Такой, как эта, за каждым кустом мерещатся грабители, останови ее — завершит, как поросенок.

День уже клонился к вечеру, когда Катя, проспав несколько часов, наконец пробудилась.

— Что будем делать, Драгомир? — спросила она, сев у костра и пытаясь привести в порядок спутанные волосы.

Чувствовать себя беспомощной, зависящей от посторонней воли, ей было не слишком приятно, но куда деваться, если даже единственная ветхая тряпка на ее теле принадлежит Драгомиру? Она тяжело вздохнула, плотнее запахивая на груди одолженный кафтан, и цыган, окинув ее понимающим взглядом, сказал:

— Прости, но стащить тебе где-нибудь одежду я не мог, не хотел оставлять тебя одну. А денег, чтобы купить, у меня нет.

— Да ты совсем с ума сошел, — вспыхнула Катя. — Разве я тебя на воровство подбиваю?

Она снова вздохнула, вспомнив о теплом плаще, оставшемся в карете, о новеньком платье, которое теперь лежало у воды грудой разодранных лохмотьев. Надо признать, ей фатально не везет сейчас, но, — все-таки, — жива!

— Не подбиваешь, нет, — усмехнулся Драгомир, — хотя, для такой, как ты и луну с неба украсть не жаль. Не печалься, княжна. Найду я тебе попутчиков, а не найду, так сам доведу до почтовой станции в Торжке. Здесь не так далеко, всего верст тридцать будет. А там посмотрим, может и подвернется что в уплату за проезд твой до Москвы.

Катя встрепенулась.

— У меня вот что есть, — сунув руку за кафтан, она вытащила наружу шелковый гайтан, на котором висел маленький золотой крестик.

Драгомир кивнул:

— Да, видел, помню.

Катя покраснела, вспомнив, что цыган видел ее обнаженной во время беспамятства, а тот, не замечая ее смущения, прибавил:

— Ты спрячь пока. Оставим на крайний случай. Последнее дело — нательный крест продавать.

— И еще — вот, — поколебавшись, Катя вытянула вперед руку, на пальце которой сидел тяжелый перстень потемневшего от времени, явно старинного золота.

— Наследство, небось? — понимающе спросил цыган.

— Да. Прабабушка подарила...

Ей явно не хотелось расставаться с подарком, и Драгомир кивнул:

— Ладно, там посмотрим. Может, обойдется еще...

Когда Катя, наведавшись в кустики, снова вернулась к костру, Драгомир, взяв толстую ветку, выкатил из огня затвердевший глиняный шар.

— Ой, — сказала Катя, присев на корточки рядом с цыганом и с удивлением глядя на непонятный предмет. — А это что?

— Запеченная ежatina.

В животе у девушки уже давно жалобно урчало от голода, но слова Драгомира, по ее мнению, можно было воспринять только как неудачную шутку. Тем не менее, она села рядом, с любопытством наблюдая за его действиями.

Драгомир постучал тяжелой рукояткой ножа по каменно твердой глине. Корка пошла трещинами, выпуская наружу обжигающий пар. Цыган начал ловко и аккуратно орудовать ножом, вонзая лезвие в покрытую трещинками жесткую поверхность и откалывая один за другим куски корки, вместе с иглами, которые все до единой остались в ней. И наконец начисто освобожденная от игл ароматная тушка ежа показалась на свет.[1] Дразнящий запах мяса защекотал ноздри Кати.

— Невероятно, — выдохнула девушка, сглатывая голодную слюну. — Боже, как я хочу есть!

Переложив ежа на приготовленные листья подорожника, Драгомир разрезал его. Выбросив ни на что не пригодную голову, поделил пополам оставшееся мясо. И наконец, обжигаясь и торопясь, изголодавшиеся спутники с жадностью приступили к еде.

Кате, увлеченно обсасывавшей и разгрызавшей каждую косточку, показалось, что она никогда в жизни не ела ничего вкуснее. Драгомир с усмешкой подумал, что эта девушка с ее хищными белыми зубками, которые так ревностно трудятся над каждым кусочком, похожа на одичавшую кошку, что устрашающе рычит над уворованным куском мяса, придерживая

его лапой, чтобы никто не отнял.

Пока Катя наслаждалась ежатиной, он спустился к реке за водой, набрал котелок и, вернувшись наверх, приладил над костром рогатину, чтобы вскипятить воду.

Горсть поникших цветочков клевера, брошенных в кипяток, придала воде сладость, и вскоре, завершая трапезу, они уже пили горячий, бодрящий отвар.

Удовлетворенно выдохнув, Катя передала остывший котелок Драгомиру и в очередной раз поймала на себе его пристальный взгляд.

— Ну что ты так смотришь на меня? — пряча внезапное смущение, произнесла она.

— Не бойся, отметину глазами не прожгу, — отозвался Драгомир. — Ты в Москву едешь, на ярмарку невест, так что привыкай, что и смотреть на тебя будут, и все стати твои оценивать, точно у молодой кобылицы.

— Ну хоть в зубы-то смотреть не станут? — пошутила Катя.

— Кто знает... — парень серьезно пожал плечами. — А смотрю я на тебя потому, что хочу понять: нет ли в тебе цыганской крови? Сдается мне, что не обошлось в твоём роду без цыгана.

Кате не надо было смотреться в зеркало для того, чтобы убедиться, что Драгомир прав. Ей с детства были знакомы эти сомнения посторонних людей в отношении ее, и к тому, что все встречные цыгане видят в ней свою соплеменницу, она давно привыкла.

Копна черных, разметавшихся волос и персиковый оттенок кожи придавали ее лицу вид диковатый и экзотический. Из-под длинных бровей смотрели большие, приподнятые к вискам, темно-карие глаза; тонкий нос с чувственно выгнутыми, как у индийского божка, крыльями и родинка в уголке крупного, яркого рта, — все черты типичной цыганской красавицы, но их скульптурная тонкость и изящество были почти безупречны.

Катя покачала головой:

— Едва ли, Драгомир, предки о том умалчивают. А вот кормилица моя действительно наполовину цыганка. И, кстати, очень красивая женщина.

— Жива кормилица твоя?

— Жива, — с улыбкой кивнула Катя. — Вот устроюсь в Москве и ее к себе возьму.

— Что ж сразу не взяла?

— Ой, слава Богу, что не взяла! — Катя с ужасом отмахнулась от него. — Если бы с ней что-то случилось, я бы этого не пережила...

— Пережила бы, — отозвался Драгомир. — Такая, как ты, переживет все, что Бог пошлет. Даже когда мир вокруг начнет рушиться, — все равно выступишь.

Сорвав чахлую травинку, Катя задумчиво затеребила ее, чуть нахмутив соболиные, устремленные к вискам брови. Слова цыгана вновь напомнили ей о предсказании. Но спросила она о другом:

— Не пойму я никак, Драгомир, почему позволяю тебе разговаривать со мной так по-свойски, да еще и «тыкать»? Околдовал ты меня, что ли?

— Сам не знаю, — после долгого молчания сдержанно выговорил Драгомир. — Я когда тебя увидел, подумалось: вот девушка, с которой меня судьба крепкой веревкой связала. Даже если уйду, ни слова ей не сказав, судьба все равно опять вместе сведет. Вот и понимай, как хочешь...

Ей бы возмутиться его речам, ставящим на одну доску наследницу древнего княжеского рода и безымянного бродягу. Но отчего-то на душе стало чуть теплее. Впрочем, меньше всего его слова походили на признание в любви, и Катя ясно видела, что цыган далек от нежных

чувств.

— А свое будущее ты можешь видеть так же, как чужое? — чтобы не молчать, спросила она.

— До сих пор не видел, сегодня первый раз чуток осенило. Да я и чужой судьбы раньше не видел, первый раз так получилось, — отозвался Драгомир. — Так вот оно... Самому удивительно.

Помолчав, Катя нерешительно произнесла:

— Можно спросить тебя? Ты сказал, что изгой. За что же изгнали тебя?

Она невольно поежилась, когда Драгомир устремил на нее холодный взгляд:

— А вот это не твоего ума дело, княжна. Изгнали — значит, было за что.

— Прости, — виновато сказала Катя. — Я не хотела обидеть тебя.

— Ты и не обидела, — сухо сказал Драгомир.

Они замолчали. Еще несколько часов, и совсем стемнеет, мысленно отметила Катя, взглянув на угасающее в небе солнце. И что тогда они будут делать ночью в этом комарином краю?

Словно в ответ на ее мысли, невдалеке послышался звон колокольчика. Драгомир легко поднялся с травы и глянул на дорогу. Пожалуй, уже не имело смысла привередничать. Надо попытаться сбить княжну с рук, пока есть возможность. Иначе, кто знает, не свалит ли ее лихорадка после купания в ледяной воде. Тогда и его умения не помогут, если девушке придется провести ночь в лесу на промозгом холоде.

Нарядный экипаж с почтовым колокольчиком под дугой, ехал вдоль берега, направляясь в их сторону, за ним следовала тяжело нагруженная бричка с откидным верхом. Катя невольно забеспокоилась, видя решимость, с которой Драгомир встал на дороге. Она понимала, что он хочет сделать, но мысль о том, что им предстоит сейчас так неожиданно проститься, вдруг болезненно резанула ее.

Увидев незнакомца, преградившего путь, ямщик натянул поводья и обрушился на цыгана с градом бранных слов:

— Эй, чего надо, прощельга? Милостыню, что ли, просишь? А ну, пошел прочь!

Едущая следом бричка тоже остановилась, и двое здоровенных гайдуков, спрыгнув наземь, с угрожающим видом направились в сторону Драгомира. Но цыган недвусмысленным жестом раскрутил над головой кнут и произнес:

— Назад, парни.

Гайдуки попятились. Нарядная и смазливая, как субретка, горничная, сидевшая в бричке, испуганно ойкнула.

— Что случилось? Почему мы стоим? — из кареты высунулась кокетливо одетая дама средних лет, с недоумением и некоторой опаской посмотрела на возмутителя спокойствия. За ее плечом показалось еще одно заинтригованное женское лицо.

Драгомир, поклонившись очень почтительно, проговорил:

— Сударыня, выслушайте, прошу вас. Здесь барышня в беду попала. Может быть, не откажетесь помочь ей?

— Что за барышня? — осведомилась дама.

— Да не верьте вы ему, барыня, — не сводя с цыгана настороженного взгляда, вмешался ямщик. — Видно же, что мазурик, в засаду какую-то заманивает...

Дама, повелительным жестом прервав ямщика, снова обратилась к Драгомиру:

— Ну же, рассказывай.

— Здесь мост обрушился, видели? — начал Драгомир. — И карета в реку упала. У барышни этой и слуги, и воспитательница погибли, она одна выплыть сумела.

Выслушав его, дама заметила:

— Ну хорошо, может быть, так оно и было. А что же в полицию не обратилась за помощью барышня твоя? Хотя бы волостной пристав где-нибудь поблизости должен быть.

— У нее ни одежды, ни документов нет, — негромко сказал Драгомир. — Кто ей поверит?..

Дама чуть заметно усмехнулась.

— А ты какое отношение имеешь к этой барышне?

— Я — никакого. Просто веревку ей кинул и на берег вытащил. А теперь ей как-то до Москвы добраться надо, где родители ее живут. Может быть, вы возьмете на себя труд до Москвы ее донести? Или хотя бы до ближайшей станции почтовой. Ей хотя бы отлежаться в тепле надо, чтоб не простыла.

Дама кивнула:

— Ну хорошо, показывай, где твоя барышня. Посмотрим на нее.

Один из гайдуков втихомолку ворча, опустил подножку и помог барыне выбраться из кареты. Ее спутница, высокая, рыжеволосая девушка с очень серьезным веснушчатым личиком, пожелала присоединиться к ней. Следуя за Драгомиром, дамы сошли с дороги и двинулись к костру, возле которого сидела Катя. Шествие завершал подозрительно озирающийся гайдук.

При виде незнакомых женщин, Катя, которая не все поняла из разговора, напряглась и до самого подбородка закуталась в одеяло.

— Барышня, говоришь? — не без иронии произнесла старшая из дам, разглядывая ее.

В самом деле, без элегантного платья и модной прически, Катю нелегко было бы принять за девицу дворянского происхождения. А вот за цыганку, как уже было сказано, — очень легко. Поэтому она прекрасно уловила подтекст в словах незнакомки и, вздернув подбородок, надменно проговорила по-французски:

— Вы сомневаетесь в моем происхождении, мадам? Это ваше право. Но ваша помощь, несомненно, будет достойно вознаграждена моими родителями.

— Довольно, мадемуазель, — прервала ее незнакомка. — Я верю вам. Буду рада оказать вам помощь, и не стоит обижать меня разговорами о какой-то плате. Это совершенно излишне между людьми одного круга.

— Благодарю вас, — улыбнулась Катя и неловко поднялась, стараясь, чтобы кафтан надежно прикрывал ее тело.

Дама пристально осмотрела ее с ног до головы:

— Что же, у вас и вправду нет никакой своей одежды?

— Увы, она вся пришла в негодность, ее пришлось разрезать, — Катя ощутила, как вспыхнули щеки.

— Ну что ж, подберем что-нибудь. Дойдем до кареты, а потом отдадите вашему спасителю его одеяние. Он должно быть изрядно замерз, — дама с добродушной усмешкой бросила взгляд на Драгомира. — Кстати, мадемуазель, я еще не знаю самого главного. Ваше имя?

— Княжна Шехонская Екатерина Юрьевна, к вашим услугам.

— О, какой громкий титул! — сказала дама. — Впрочем, он идет вам куда больше, чем маркиза де Карабас, хотя это первое, о чем я подумала, услышав рассказ вашего спасителя.

Если вы, конечно, понимаете, о чем я...

— Я понимаю, мадам, — сухо заметила Катя. — Уверю вас, мой титул подлинный, я не дочка мельника, а мой спутник — не кот в сапогах.

Дама сдержанно улыбнулась:

— Тем лучше для вас обоих. Мое же имя — баронесса Канижай. А это моя дочь, — она обняла за плечи свою молодую спутницу, которая внимательно и без особой радости разглядывала Катю, — мадемуазель Оршола Есенская. Мы родом из Трансильвании, но уже много лет живем в России, — сочла нужным пояснить она.

— Рада знакомству, — не без удивления отозвалась Катя.

Она никак не ожидала, что новая знакомая окажется иностранкой, по-русски та разговаривала почти безупречно.

Баронесса кивнула:

— Идемте же, мы еще успеем познакомиться ближе, когда вы окажетесь в тепле.

Оглядываясь на цыгана и чувствуя неловкость из-за того, что не может поблагодарить его на прощание, княжна неохотно пошла вслед за доброй самаритянкой. Гайдук распахнул перед ними дверцу кареты, и Катя забралась в салон. Нежный запах розового масла, стоявший в карете, показался ей одуряюще неприятным после лесной свежести.

— Разоблачайтесь без стеснения, милочка, — сказала баронесса Канижай, прикрывая дверцу, — и наденьте пока капот, что лежит с вами рядом. А мы подождем снаружи.

Вздрагивая от невольного чувства унижения и едва сдерживая желание убежать из этой уютной кареты, Катя принялась торопливо переодеваться. Накинув предложенный капот из мягкого малинового кашемира, она выбралась наружу. Драгомир приблизился к ней, чтобы взять свою одежду. Катя подняла на него глаза, и он ответил ей сдержанной улыбкой, но прежде чем их руки успели соприкоснуться, сзади на Драгомира с криком прыгнул ямщик:

— Ах ты, паскуда! Чудом узнал тебя, конокрад проклятый!

Катя обомлела. В глазах Драгомира, все еще обращенных к ней, полыхнула жгучая, неистовая ярость.

— Ополоумел, дурак? — цыган попытался сбросить нежданного противника, но тот был слишком тяжел, да и настроен очень решительно.

— Поговори еще мне тут! Забыл, как пару рысаков свел с почтовой станции в Торжке? Вспомнишь, ворюга! Эй, ребята, подсобите, веревку тащите! — крикнул ямщик гайдукам.

— Что здесь происходит?! — совершенно изумленная всем происходящим, баронесса наконец обрела дар речи. — Ты что, с цепи сорвался, голубчик?

— Барыня, да конокрад это, конокрад! — зачастил ямщик. — Тот, что в запрошлом годе коней с почтового двора свел!

Не имея возможности действовать руками, Драгомир затылком ударил в лицо ямщика. Но взревевший от боли и бешенства противник не ослабил хватки и сильным толчком опрокинул цыгана наземь у самых ног Кати.

— Отпусти его, негодяй! — придя в себя, Катя что было сил замолотила кулачками по широкой спине ямщика, безуспешно пытаясь оторвать его от Драгомира.

— И девка, небось, подводчица его! — ямщик грубо оттолкнул Катю и, наступив коленом на поясницу отчаянно вырывающемуся цыгану, начал связывать его руки веревкой, которую передал один из гайдуков.

— А ну, девушку не смей трогать! — гаркнула баронесса.

— Я от своего не отступлю, барыня, как хотите! — сказал ямщик, затягивая на запястьях

Драгомира тугой узел. — Мне ж пришлось из своих денег за тех рысаков выплачивать казне! Я с него все, до последней полушки стребую, убью гада, а не отпущу! На станцию его везть надо, а там за исправником пошлем, пушай с ним разбирается!

Речь ямщика была так искренна и убедительна, что хозяйка кареты невольно заколебалась, глядя на распластанного у ног цыгана.

— Мадам, прошу вас, не верьте ему! — закричала Катя. — Это все неправда, пожалуйста, заставьте этого мерзавца отпустить цыгана, он ни в чем не виноват!

Баронесса озабоченно покачала головой:

— Я, право, даже не знаю, что сказать вам, мадемуазель. Закон есть закон. Я понимаю, что для вас этот юноша — спаситель, но это не мешает ему быть в то же время и вором. Я не могу возражать против того, чтобы его взяли под стражу. Если он ни в чем не виноват, капитан-исправник отпустит его.

Катя с горечью покачала головой, в отчаянии глядя на эту наивную женщину. Чтобы исправник поверил в невиновность цыгана? Да на любого бродягу, даже ни в чем не замешанного, немедленно постараются повесить всех собак. По-другому просто не бывает в этом мире.

— Хорошо, — сказала Катя, поняв, что упрашивать бесполезно.

Она проследила взглядом за ямщиком, который рывком поставил связанного Драгомира на ноги. Подошла и, глядя прямо в глаза своему спасителю, накинула на его неподвижные плечи кафтан, тщательно застегнула верхние пуговицы. Она молчала, но взгляд ее, обращенный к цыгану, был красноречивее слов. И перехватив этот взгляд, ямщик неприязненно проворчал:

— Вы все-таки поглядывайте за ней, барыня, а то не досчитаетесь потом каких-нибудь побрякушек.

Резко развернувшись, Катя от души влепила затрещину в ненавистную физиономию ямщика. Хозяйка кареты многозначительно кашлянула, а мадемуазель Есенская окинула Катю пристальным, не лишенным подозрительности взглядом.

— Ну, что же, едем наконец, — сказала дама, усаживаясь в карету. — И будем надеяться, что все разрешится благополучно.

Устраиваясь рядом, Катя подумала, что ничуть не разделяет оптимизма этой странной женщины. Но оставлять все происшедшее на волю случая она не собиралась...

[1] Аналогичный способ приготовления ежатины описан также в повести Лайфа Эспера Андерсена «Свободный и раб».

Глава 2. Ночь на почтовой станции

Подскакивая на ухабах, карета и бричка, где сидел охраняемый гайдуками, связанный Драгомир, ехали вдоль берега Тверцы. Устроившись рядом с веснушчатой мадемуазель Есенской, Катя неотрывно смотрела в окно. Дочь баронессы время от времени переворачивала страницы книги, которую держала в руках, но Кате казалось, что она делает это только для вида. Сидевшая напротив баронесса с задумчиво-рассеянным видом перебирала янтарные четки.

Это была изящная женщина лет сорока, с пышной прической темных волос, оттененных голубой пудрой. Ее неправильное, широкоскулое, но весьма умело подкрашенное лицо нельзя было назвать особенно красивым, но запоминающимся — несомненно. А выразительные синие глаза, в которых сияли веселые огоньки, и тонкая, ироничная улыбка, временами пробегающая по губам, придавали ей невероятный шарм.

— Как я поняла, вы направляетесь в Москву, княжна? — наконец нарушила она затянувшееся молчание.

— Да, это так, — чтобы не показаться невежливой, Катя была вынуждена повернуться к собеседнице и нервно улыбнулась.

Мадам Канижай покачала головой, глядя на нее:

— Я вижу, вы все еще не пришли в себя. Впрочем, неудивительно. Это чудо, что вы остались живы, мадемуазель. Вас не слишком утомит мое любопытство, если я спрошу, как случилось это несчастье?

Помолчав немного, Катя сказала:

— С вашего позволения, мадам, мне не хотелось бы сейчас касаться этой темы. Возможно, позже я смогу рассказать вам обо всем.

— Хорошо, поговорим об этом позже, — легко согласилась баронесса. — Что же касается вас и этого молодого цыгана... — она сделала многозначительную паузу, — то я даже не знаю, что и подумать. Когда я увидела, как рьяно вы защищаете его, то, признаюсь, усомнилась в том, что вы действительно та, за кого себя выдаете.

При мысли о том, что ее могут в любую минуту вышвырнуть на дорогу, как самозванку, в животе у девушки жалобно заныло, но спустя несколько мгновений злость встряхнула ее, не позволяя размякнуть.

— Я ценю вашу откровенность, мадам, — холодно отозвалась Катя. — Почему же в таком случае вы взяли меня с собой?

Женщина долго разглядывала ее с улыбкой, точно любуясь, и наконец рассмеялась:

— Мне нравится, что вы не спешите оправдываться и убеждать меня. Что касается ответа на ваш вопрос, — с какой же стати я должна отказывать в приюте кому бы то ни было? Благодарение Богу, я добрая католичка, и пока у меня нет доказательств, что вы беглая преступница, как ваш м-м-м... спаситель, я стану относиться к вам, как к благородной девице, коей вы себя называете.

— Благодарю, — сухо произнесла Катя. — Я постараюсь не употребить во зло вашу доброту, мадам.

После всего происшедшего нервы ее были настолько натянуты, что она почувствовала: еще одно, столь же саркастичное словцо из уст этой дамы, и она либо закричит, либо, не дай Бог, заплачет.

— Ну же, успокойтесь! — видимо, ощутив ее состояние, баронесса ободряюще похлопала ее по руке. — Все бывает в жизни, и если мне не встречались до сих пор благородные барышни, которые пускают в ход кулаки, чтобы заступиться за первого встречного бродягу, это не обязательно означает, что их не существует в природе. Вполне возможно, что хотя бы одна такая все-таки есть.

Она искренне улыбнулась, и что-то заставило Катины губы дрогнуть, раздвигаясь в ответной, правда, механической улыбке.

— Все так, мадам. Но вы забываете, что этот бродяга спас мне жизнь.

— О, это как раз самое интересное! Насколько я знаю этих детей природы, они не склонны к таким сентиментальным и жертвенным поступкам по отношению к тем, кого считают чужаками. Должно быть, вы произвели на этого молодого цыгана неизгладимое впечатление, раз он решился рискнуть жизнью ради вас.

— Собственно... не было никакого риска, мадам, кроме опасности замерзнуть. Тем не менее, без его помощи я бы не выжила. Впрочем, выслушайте, если вам угодно.

Катя уже поняла, что эта женщина не оставит ее в покое, пока не узнает все подробности. И смирившись с тем, что ей не удастся отдалить неприятный разговор, собрала волю в кулак, чтобы не заплакать и начала сдержанно излагать обстоятельства недавнего происшествия.

Баронесса слушала внимательно, с видимым сочувствием, и искренний рассказ девушки, должно быть, произвел на нее впечатление. Ее дочь не принимала участия в разговоре, по-прежнему с отстраненным видом читая книгу, но вряд ли хоть одно сказанное слово ускользнуло от ее слуха.

— Стало быть, вот как все было, — отозвалась баронесса, когда Катя замолчала. — Ну что ж, это уже больше похоже на правду. Он фаталист, ваш цыган, но фаталист, который все-таки не гнушается немножко подтолкнуть судьбу в нужном направлении. Что касается вас, княжна, не могу не восхититься вашим мужеством. Такие жизнестойкие люди, как вы, действительно, большая редкость. От всей души надеюсь, что сегодняшнее несчастье и прискорбная гибель вашей гувернантки и слуг — это та цена, которую вы заплатили за будущую счастливую и безоблачную жизнь.

— Благодарю вас, мадам, — тихо сказала Катя, не глядя на нее.

Несмотря на свою недоверчивость, новая знакомая не внушала ей неприязни. Катя прекрасно понимала, что сложившиеся обстоятельства говорят отнюдь не в ее пользу: поверить в то, что все рассказанное — чистая правда, было нелегко. И по сути, ничто не мешает баронессе по приезду в Торжок отдать ее в руки исправника вместе с Драгомиром...

Должно быть, эта мысль так явственно отразилась на ее лице, что баронесса, приглядевшись к девушке, осведомилась:

— Вас что-то еще тревожит, мадемуазель?

— Нет, ничего, — помолчав, ответила Катя. — Надеюсь только, что я не окажусь для вас слишком большой обузой, мадам. Если же это так, мы можем расстаться в Торжке, и я продолжу свой путь, не обременяя вас больше. Но в любом случае я буду благодарна вам за вашу помощь.

Баронесса покачала головой:

— Гордыня — смертный грех, княжна, думаю, вам это известно. Давайте сойдемся на том, что у меня больше нет оснований не верить вам, и переменим тему разговора, хорошо?

Катя не возражала. Некоторое время они вполне мирно беседовали, и девушка сама не

заметила, как выложила баронессе все то, что уже знал о ней Драгомир.

— Я, кажется, встречала вашего отца, — заметила баронесса. — Князь Шехонской — это такой высокий, крупный, импозантный мужчина с голубыми глазами, не так ли?

— Думаю, вы ошибаетесь, — чуть улыбнувшись, отозвалась Катя. — Мой отец, князь Юрий Александрович Шехонской, несомненно, очень импозантный мужчина, но среднего роста и худощавый. И глаза у него — карие.

— О, простите! — баронесса изобразила смущение. — Кажется, меня подвела память.

Катя промолчала. Что это было? Действительно маленькая оплошность, вполне простительная для иностранки, или же собеседница таким нехитрым способом продолжала «прощупывать» ее, дабы окончательно развеять сомнения в происхождении незваной попутчицы? Но как бы то ни было, что-то подсказывало ей, что баронесса руководствуется не столько подозрительностью, сколько обычным женским любопытством и желанием развеять дорожную скуку. Впрочем, подумала Катя, с такой угрюмой молчуньей, как ее дочь, немудрено и заскучать. Они уже около часа в дороге, а та еще не произнесла ни слова. С баронессой они были совершенно не похожи, разве что глаза, но в целом — девушка всего лишь мила, не более того. А любопытно, почему она носит не ту же фамилию, что и мать? Должно быть, она дочь баронессы от первого брака...

— Оршика, — меж тем окликнула баронесса погруженную в чтение дочь, — не веди себя как бука! Княжна тебя не съест.

— Очень на это надеюсь, — процедила девушка, не отрываясь от книги.

У нее был приятный голосок, но интонация не отличалась приветливостью. Возможно, в другой обстановке Катя сочла бы делом чести поставить на место грубиянку, но пока она пользовалась гостеприимством баронессы, об этом не стоило и мечтать.

— Оршоло, — начала отчитывать дочь баронесса. — Что за тон? Немедленно извинись перед княжной.

— Не стоит, мадам, — вмешалась Катя. — Вполне естественно, что мое присутствие не радует вашу дочь. Я не в обиде...

Прервав ее повелительным жестом, баронесса разразилась длинной и пылкой тирадой на неизвестном языке, звучащем своеобразно, но довольно мелодично. Катя не поняла ни слова, но и без того было очевидно, что баронесса выражает дочери свое недовольство. Рыжеволосая девушка, отложив книгу, спокойно выслушала мать, помолчала мгновение и, устремив на соседку взгляд ярко-синих глаз, произнесла:

— Простите, мадемуазель Шехонская. Я не имела намерения обидеть вас.

— Я принимаю ваши извинения, мадемуазель Есенская, — отозвалась Катя. — Но я и вправду не обижена. Меня не так легко обидеть.

— Называйте меня Оршоло, если вам нетрудно, — сухо сказала девушка, вновь углубляясь в книгу. — Мне не по душе официоз, да и вряд ли он здесь уместен.

— Хорошо... мадемуазель Оршоло, — кивнула Катя, начиная ощущать нечто вроде легкого интереса к этой хмурой барышне. — В таком случае и вы можете называть меня по имени.

— Непременно, если в том возникнет необходимость, — присовокупила Оршоло и снова надолго замолчала, погружившись в чтение.

Катя и баронесса обменялись взглядами. Дама снова произнесла несколько слов на том же языке, обращаясь к дочери, и покачала головой:

— Она неисправима. Простите, что говорю в вашем присутствии на неизвестном вам

языке, но на венгерском мне всегда удается быть более убедительной, чем на русском.

— Вы говорили по-венгерски? Очень выразительный язык, никогда не слышала его раньше.

— Ах, если бы он был редкостью только в России! — вздохнула баронесса. — Нам, венграм, куда чаще приходится пользоваться немецким, австрийцы нас к тому вынуждают. Впрочем, я уже столько лет живу в Москве, что неудивительно и позабыть родной язык. А Оршола никогда и не видела своей родины, она родилась в России.

— Зато вы великолепно говорите по-русски, — искренне сказала Катя. — И мадемуазель Оршола тоже. К слову сказать, куда лучше, чем моя тата и ее приятельницы.

— Благодарю вас. В устах русских людей это самый приятный для меня комплимент. Кстати, я тоже замечала, что привычка думать и говорить по-французски в вашем обществе уже очень сильно укоренилась...

Коснувшись общих тем, разговор стал более оживленным, но продолжая слушать баронессу и отвечая ей, Катя ни на миг не забывала о Драгомире. И едва не вздрогнула, когда услышала голос Оршолы, слово в слово озвучивший ее мысли:

— Габриэла, как ты думаешь, а что будет с этим цыганом?

Не сразу поняв, к кому обращается девушка, Катя вопросительно взглянула на баронессу. Та, поняв ее взгляд, с улыбкой объяснила:

— Оршика любит называть меня по имени, а я не возражаю. «Габриэла» всегда будет казаться моложе, чем мама такой взрослой дочери... А что касается цыгана, — я не слишком разбираюсь в законах Российской империи, дорогая, но полагаю, что этот молодой авантюрист пойдет на каторгу.

Ее безмятежно-спокойный тон неприятно резанул нервы Кати. Она промолчала, понимая, что женщина, скорее всего, права, но сердце болезненно сжалось. Что бы там ни было в его прошлом, Драгомир не заслуживал такой участи.

Оршола оторвалась от книги и окинула мать и гостью пристальным взглядом:

— Но к чему такая жестокость? Разве он не может просто выплатить стоимость украденного?

— А где он возьмет деньги, Оршика? — мягко возразила мать. — Украдет других лошадей? Воровство должно быть наказано, надеюсь, с этим ты спорить не будешь. Живи мы на Востоке, этому юноше отрубили бы руки за воровство, вот и все.

— Да лучше быстро умереть от антонова огня[1], чем годами заживо гнить на каком-нибудь руднике в Сибири, — резко сказала Оршола, откладывая книгу. — Так что, — варварство и то, и другое.

— А скажи-ка мне, дорогая моя защитница угнетенных, — с усмешкой отозвалась баронесса Габриэла, мельком глянув на безмолвную Катю, — о ямщике, которому пришлось выплачивать государству стоимость украденных лошадей, ты не подумала? О его детях, которые, быть может, по милости конокрада остались без куска хлеба и теплой одежды?..

Оршола помолчала.

— Я не знаю, что сказать тебе, Габриэла. Будь этот цыган чиновником, ворующим у казны и вымогающим взятки, я бы не жалела его. Но преступления чиновников обычно остаются безнаказанными. А на каторге всегда оказываются те, кого на воровство толкнула крайняя нужда, такие, как этот бродяга без единого гроша за душой.

Габриэла негромко рассмеялась:

— Оршика, ты слишком много читаешь Вольтера и Руссо! И романтические идеи кипят

в твоей голове, не находя достойного применения. Посмотрела бы я на тебя, если бы предметом нашего спора был не красивый молодой человек, а старый, смердящий пьяница, выловленный в дорожной канаве. Думаю, в этом случае, ты бы не так пылко сочувствовала ему.

— Ошибаешься, — буркнула девушка. — Если бы он был человеком, способным на поступок, — а ведь этот цыган именно таков, раз не бросил в беде мадемуазель Катерину, — я бы сочувствовала ему в любом случае, наружность и возраст тут ни при чем.

Катя молча слушала этот странный разговор. Прожив большую часть жизни в провинции, она не особенно хорошо была знакома со столичными нравами. Но даже ей было ясно, что беседа на подобную тему очень нехарактерна для женщин благородного сословия, тем паче когда они беседуют с незамужними дочерьми. К примеру, Катина татап, если бы дочь только посмела намекнуть ей о своем сочувствии к какому-то бродяге, не стала бы дразнить ее, намекая на романтическую симпатию, а просто отхлестала бы веером по щекам и посадила бы под домашний арест на пару месяцев. И это не потому, что татап была дамой какого-то особенно свирепого нрава. Так поступила бы любая мать, охраняя незамутненное чрезмерным свободомыслием сознание незамужней дочери. Конечно, дамы посещали и тюрьмы, и дома призрения, принося милостыню несчастным, но даже в этом случае такие фривольные беседы были уделом людей совсем другого круга...

[1] Старинное название гангрены.

* * *

Карета неслась вперед, полосатые верстовые столбы порой мелькали вдоль дороги и однообразный звон почтового колокольчика неизменно сопровождал их беседу. Уже стемнело, когда на горизонте замерцали в лунном свете церковные купола. Это был Торжок.

Когда въехали на почтовый двор, Катя полностью вошла в придуманную роль. Не обращая внимания на связанного Драгомира, которого ямщики потащили в дом, она вместе со своими спутницами последовала за ними. Неся хозяйский саквояж, вошла в дом и горничная баронессы.

После того, как станционный содержатель[1] прочитал подорожную мадам Канижай и сделал запись в книге, ямщик путано изложил ему свои претензии к пойманному цыгану. Сидя на лавке под образами рядом с Оршолой, Катя украдкой смотрела на Драгомира. Не довольствуясь крепостью веревок, ямщик держал его за шкирку, поминутно пихая и дергая. Но цыган невозмутимо молчал, откинув курчавую голову, и на его лице читалось ледяное пренебрежение.

— Ну что же, пусть посидит в чулане до утра, — равнодушно оглядев Драгомира, решил смотритель. — А с утра за капитаном-исправником пошлем, он и разберется.

— Вот девица тут еще с их сиятельством, — буркнул ямщик, избегая смотреть на Катю. — С цыганом она была, подельница, не иначе.

Катя похолодела. Плечи Драгомира приметно дрогнули. Баронесса Габриэла, которая до той поры молча расхаживала по комнате, резко развернулась и вперила убийственный взгляд в синюшную рожу ямщика, отмеченную затылком цыгана:

— А это не твоего ума дело, любезный. Конокрада ты признал, — допустим, верю, а на

девицу не смей указывать. Девица со мной, — непререкаемым тоном заявила Габриэла, обращаясь к зрителю. — Это благородная барышня, она без попутчиков осталась, я за нее отвечаю.

— Как вам будет угодно, сударыня, — скользнув взглядом по лицу Кати, зритель пожал плечами.

Катя тихонько выдохнула, кутаясь в одолженный баронессой плащ из теплого, ворсистого трипа. Оршоло покосилась на нее, но не сказала ни слова.

Драгомира увели, и Катя насторожила слух. Спустя несколько мгновений, в сенях послышался грохот захлопнувшейся двери и скрежет замка. Похоже, чулан, в котором предстояло провести ночь цыгану, находился здесь же, поблизости.

— Лошади свежие есть, если угодно, — сказал баронессе зритель. — Велите ли закладывать или останетесь до утра?

— Останемся до утра, пожалуй, — кивнула баронесса Габриэла, — время позднее. Только не здесь, — она критически оглядела комнату. — У вас, пожалуй, и спать-то негде, кроме как на полу? В Торжке, как мне помнится, гостиница есть, туда и отправимся.

Катя в отчаянии закусил губу и едва не застонала. Уехать отсюда до утра! Этого нельзя было допустить.

— Оршика, мадемуазель Катерина, — окликнула девушек баронесса. — Собирайтесь, поедем в гостиницу.

Обреченно вздохнув, Катя закрыла глаза и соскользнула с лавки, грянувшись о пол.

Упав, она довольно чувствительно ударилась затылком, и едва не потеряла сознание на самом деле.

— *Istenem!* (*Боже! (венгерск.)*) — ахнула изумленная баронесса, но прежде чем она успела сделать хоть шаг, Оршоло проворно нагнулась над Катей и приложила ладонь к ее лбу.

Катя напряглась.

— Мне кажется, у нее жар, — бесстрастно сообщила девушка, выпрямляясь.

— И ты так спокойно говоришь об этом! — воскликнула баронесса, в свою очередь склоняясь над Катей и щупая ее лоб. — Право, не знаю, жар ли, но... Магда, — окликнула она горничную, — ну что ты стоишь, как истукан! Мои нюхательные соли, скорее! А вы, — прикрикнула она на растерявшегося стационарного содержателя, — помогите же поднять ее!

Совместными усилиями подняли неподвижную Катю и уложили на лавку. Горничная засуетилась, открывая саквояж, и вскоре под нос девушке сунули отвратительно воняющий пузырек. Катя чихнула и, открыв глаза, обвела взглядом встревоженные лица склонившихся над нею людей.

— Как вы себя чувствуете, дитя мое? — участливо спросила баронесса.

— Плохо, — честно сказала Катя (затылок и в самом деле болел). — Так закружилась голова... Я очень сильно ударилась там, в карете, когда она падала.

— Будем надеяться, что это останется без последствий, хотя, конечно, нужно побережись, — кивнула баронесса, еще раз потрогав лоб девушки. — Но лихорадки точно нет. Впрочем, купание в ледяной воде даром не проходит... Что ж, остаемся здесь, не трястись же вам снова в карете в таком состоянии.

И приняв решение, Габриэла Канижай развила бурную деятельность. Приказала послать за доктором, поставить самовар-сбитенник и позаботиться об ужине, затем обследовала заднюю комнату, предназначенную для отдыха проезжающих и, убедившись, что кроме пары

скамеек, стола и горки с посудой в ней нет никакой мебели, отправила гайдуков за своими перинами, сложенными в бричке.

Услышав о докторе, Катя в ужасе зажмурилась, но, поразмыслив, немного успокоилась. Кто знает, когда придет этот доктор и придет ли он вообще. Наверняка у него масса пациентов, да и ночь уже на дворе... Даст Бог, все обойдется.

Сидевшая рядом Оршола негромко кашлянула, и мнимая больная осторожно скосила на нее глаза. Что на уме у этой странной девицы? Катя была готова биться об заклад, что изображая обморок, ей не удалось провести юную венгерскую мадемуазель. Но для чего тогда Оршола поддержала ее вынужденную комедию, так вовремя сказав о жаре? Ответа на этот вопрос не было. А решиться спросить об этом саму девушку, было невысказано. Кто знает, может быть, она все-таки ошибается, и та впрямь приняла все за чистую монету...

Вскоре Катя уже лежала на укрытой мягкой периной широкой скамье в соседней комнате, куда перенес ее один из гайдуков и, прикрыв глаза, вслушивалась в посвистывание закипающего сбитенника. Оршола устроилась с книгой неподалеку от нее и надолго замолчала, погрузившись в любимое занятие. Катя невольно позавидовала непоколебимому спокойствию дочери баронессы. Любопытно, было ли на свете хоть что-нибудь, способное вывести ее из душевного равновесия?

Вскоре поспел ужин, собранный из дорожных припасов мадам Канижай, казенным был только сбитень. Катя мысленно усмехнулась, услышав сетования баронессы по этому поводу. За время своего путешествия она убедилась: на любой почтовой станции творится одно и то же: ни еды, ни места, где приклонить голову усталому путнику. Все приходится возить с собой, если не хочешь спать на голом полу и питаться святым духом. Хорошо, если поблизости есть постоялый двор, где можно снять комнату на ночь, но ведь зачастую приходится довольствоваться сомнительным уютом почтовой избы, единственного жилья на много верст кругом...

Чтобы попутчицы не усомнились в том, что она и вправду тяжело больна, Кате пришлось отказаться от ужина. Есть хотелось невероятно, желудок просто сводило от голода, но единственное, на что она согласилась, — это чашка горячего сбитня, который баронесса собственноручно принесла ей в импровизированную постель.

— Я добавила немного коньяку, — пояснила Габриэла, когда Катя осторожно плотнула непривычно крепкое питье. — Это вас взбодрит. Как жаль, что здесь нет чая, а мой запас вышел...

Катя едва не фыркнула прямо в чашку. Добавлять коньяк в напиток, приготовленный на хмельном меду и травах, могла додуматься только иностранка. Что же касается чая, то обнаружить его на почтовой станции и впрямь было чем-то фантастическим. Дороговизна и непривычность чая и кофе делали их напитками для избранных, — людей высшего общества, да и то не всех, а лишь тех, кого считали оригиналами. Сбитень же, несмотря на хмельную основу, считался напитком куда более пристойным. Но двойная порция алкоголя на пустой желудок явно не пошла ей на пользу: Катя ощутила, что начинает просто расплзаться от усталости и хмеля, как подошедшее тесто из кадушки.

Доктор так и не приехал, но убедившись, что Кате не так уж и плохо и она не собирается отойти на тот свет в ближайшие часы, баронесса и ее дочь начали устраиваться на ночлег. Перин и одеял запасливой Габриэлы хватило на всех троих, к тому же печка источала приятное тепло. Оршола устроилась на соседней лавке, а ее мать, немного пожаловавшись на дорожные неудобства, улеглась на тьюфяке, расстеленном на полу.

Горничная погасила свечу и ушла, должно быть, найдя себе местечко в соседней комнате. Еще негромко переругивались ямщики за стеной, шаркал усталыми ногами содержатель, потом прогрохотал по двору, сопровождаемый звоном колокольчика, приехавший экипаж. И снова скрип половиц под тяжелыми шагами, хриплый мужской бас в соседней комнате, требующий немедленно закладывать лошадей и монотонное бормотание почт-комиссара, переписывающего подорожную.

Шло время, негромко шуршали в деревянном футляре часы. Полная луна мягко светила в маленькое оконце. Вытянувшись на лавке, Катя молча прислушивалась к голосам, доносившимся со двора. Припозднившийся проезжий, получив свежих лошадей, снова собирался в путь, и можно было надеяться, что после его отъезда содержатель отправится на покой. Время, похоже, уже давно перевалило за полночь.

Судя по ровному дыханию Оршолы и негромкому похрапыванию баронессы, обе спокойно спали. Но Катя и не думала спать. Мысль о Драгомире по-прежнему не давала ей покоя. Что станет с ним? Неужели ему суждено оказаться в остроге или умереть под кнутом? Катя не задумывалась о том, насколько справедливы обвинения, которые предъявил Драгомиру ямщик. Какое ей дело? Она в долгу перед ним, — вот единственное, что имеет значение.

Но так ли велик этот долг? Девушка поморщилась и встряхнула головой, словно пытаясь прогнать непрошеную мысль. Да, похоже, Драгомир и пальцем бы не пошевелил, если бы она сама не выбралась из тонущей кареты. И в воду за ней он бросаться не собирался. Выплыла — хорошо, не выплыла — значит, не судьба. Но и мимо не прошел. Без его аркана и помощи на берегу едва ли ей удалось бы остаться в живых. Так что, — все-таки спас. Да и в любом случае, — сделал Драгомир для нее ровно столько, сколько смог. И она ему за это будет благодарна по гроб жизни. Но одной благодарностью тут не отделаться...

Так почему же она продолжает лежать? В доме и на дворе давно все стихло, не слышно ни шагов, ни голосов. Пора действовать.

[1] Так называлась в то время должность станционного смотрителя.

* * *

Катя осторожно села и спустила ноги с лавки, нашаривая башмаки. Затем поднялась и застыла, прислушиваясь к дыханию спящих. В полосе льющегося из окна лунного света, она видела рыжие локоны и мерно вздымавшуюся и опадающую под одеялом грудь Оршолы. Похоже, девушка и вправду безмятежно спала, и Катя усмехнулась. После разыгранного обморока у нее на какое-то мгновение мелькнула безумная мысль, что пожалевшая цыгана барышня играет в ее игру с далеко идущими намерениями, но, похоже, она была о ней слишком высокого мнения.

Стараясь ступать как можно легче, Катя обошла спящую на тюфяке баронессу и приблизилась к столу, на котором стоял саквояж. До сих пор ей не приходилось рыться в чужих вещах (исключением был домашний буфет с запретными сладостями), но сейчас выбирать не приходилось. Очень медленно и осторожно она раздвинула латунные защелки саквояжа и, встав так, чтобы свет из окна падал на его содержимое, принялась перебирать дорожные мелочи баронессы.

Ладони и спина между лопаток сразу взмокли от холодного пота, сердце заколотилось, как молот кузнеца. Ей казалось, что если ее застигнут в этот момент, она умрет на месте от позора, не перенеся обвинения в воровстве. Но, вслушиваясь в каждый шорох, Катя все-таки продолжала искать. То, что ей было нужно, к счастью, наконец отыскалось и, подавив вздох облегчения, она извлекла на свет хрустальный флакончик, наполненный розовым маслом, — тем самым, которым благоухала сама баронесса и ее экипаж. Открутив пробку, Катя мазнула палец. Убедившись, что это именно масло, а не духи или кельнская вода, сунула флакон в карман капота. Все, первый этап закончен. Пора переходить ко второму.

Постояв несколько мгновений у двери, она тихонько потянула ее на себя и вышла в соседнюю комнату. Здесь тоже было темно, только тусклый огонек лампадки светился в углу перед иконами. За пологом слышался мерный храп содержателя, на лавке у окна свернулась уютным клубочком горничная баронессы. Ямщики, — те, кто не был в разъезде, спали в другой половине дома, и можно было не опасаться, что здесь окажется кто-нибудь еще.

На цыпочках, чтобы скрип половиц не выдал ее, Катя неслышно приблизилась к конторке. Скользнула вовнутрь и, на ощупь сняв с крючка связку едва слышно звякнувших ключей, которые заметила еще с вечера, положила в карман. Возле чернильного прибора стоял подсвечник со сгоревшей наполовину свечой. Взяв его, Катя зажгла свечу от пламени лампы и постояла мгновение, вглядываясь в изможденный лик Богоматери. Ей показалось на миг, что Пресвятая Дева смотрит на нее с упреком. Сложив щепотью дрожащие пальцы, Катя быстро перекрестилась и направилась к сеням.

Тяжелая дверь громко закрипела под ее рукой, и девушка замерла в испуге. Но вокруг было по-прежнему тихо и, собравшись с духом, она, наконец, юркнула в узкий проем. Оказавшись в сенях, прикрыла ладонью заколебавшееся от сквозняка пламя свечи и остановилась, глядя на дверь чулана, украшенную довольно увесистым замком. Изнутри не доносилось ни звука, но Катя надеялась, что Драгомир находится именно здесь. Не раздумывая, пока страх не подточил ее решимость, она обильно смазала замочную скважину розовым маслом и начала подбирать ключ.

Наконец с чуть слышным щелчком замок открылся и дужка отошла. Медленно приоткрыв дверь, девушка переступила порог крохотной, темной каморки, и дрожащий огонек свечи выхватил из мрака фигуру цыгана.

Связанный по рукам и ногам, Драгомир неподвижно сидел на охапке соломы, прислонившись к стене. Казалось, спал. Густые, черные ресницы прикрывали веки, спокойное, мерное дыхание вздымало широкую грудь, полуприкрытую рваной алой рубашкой. Но едва Катя затворила дверь, тишину нарушил его низкий, приглушенный голос:

— Зачем ты пришла?

Слегка уязвленная, девушка кинула на него взгляд исподлобья:

— Мне казалось, это так очевидно.

Не дождавшись ответа, Катя поставила подсвечник на пол и, опустившись на корточки рядом с Драгомиром, нащупала узел на веревке, стягивавшей его запястья за спиной.

— У тебя что, нет ножа? — угрюмо любопытствовал парень, когда она начала распутывать веревку.

— Нет, — сердито бросила Катя, продолжая свою работу, — а жаль, стоило бы подрезать твой язычок.

Драгомир усмехнулся:

— Обиделась, глупышка? Зря.

— Послушай, цыган, — вспыхнула девушка, перестав терзать намертво затянутый узел, — хватит уже! Я тебе не красотка из табора, чтобы разговаривать со мной в подобном тоне. Так что, выбирай выражения.

Драгомир не ответил. Поняв, что не дожидется ни извинений, ни оправданий и проклиная про себя дьявольскую гордыню цыгана, она снова взялась за дело. Постепенно узел начал поддаваться, и вскоре парень, едва слышно застонав сквозь зубы, положил перед собой покрытые синяками, затекшие руки.

Когда Катя принялась распутывать веревку, связывавшую его ноги, Драгомир негромко произнес:

— Зачем тебе это нужно, княжна?

Та метнула на него насмешливый взгляд:

— Не люблю оставаться в долгу, знаешь ли.

— А если то, в чем меня обвиняют, — правда?

Бросив веревку наземь, Катя принялась растирать руки цыгана.

— Ну, в том, что ты матерый конокрад, я нисколько не сомневаюсь. Но какое мне до этого дело, учитывая, что ты спас мне жизнь?

— Сам не понимаю, зачем сделал это, — после паузы отозвался Драгомир. — Одной девчонкой больше, одной меньше — Господу все равно. Не связался бы с тобой, не сидел бы сейчас в этой дыре, дожидаясь исправника!

— Так не сиди и не жди! — она поднялась, со злостью отшвырнув ногой валяющуюся на земле веревку. — Дверь открыта, вставай и иди на все четыре стороны!

Что происходило? Почему он не чувствовал благодарности за то, что она, презрев многие опасности, пришла освободить его? Это было неправильно, и только мысль о том, что она обязана ему жизнью, сдерживала возмущение.

— Пойду, когда смогу, — отозвался цыган и, пробормотав вполголоса некое витиеватое ругательство, принялся ожесточенно массировать онемевшие ноги.

Приблизившись, Катя молча стала помогать ему. Мало-помалу конечности обрели чувствительность, и Драгомир медленно поднялся, держась за стену. С трудом сделал несколько шагов и тяжело вздохнул.

— Коня моего не видела? — осведомился он.

— Тебя только конь волнует, да? — прошипела Катя. — Не знаю я, где твой конь. В конюшне, должно быть, заперли. Надеюсь, ума хватит туда не соваться?

— Там посмотрим, — проронил Драгомир. Помедлив мгновение, он неожиданно притянул девушку к себе и положил ладони на ее худенькие плечи. — Ну что, Катерина, будем прощаться.

— Ты что, ошалел совсем? — Катя уперлась кулачками в широкую грудь цыгана, пытаясь оттолкнуть его. — Убери руки!

— Повремени немного, красавица, — усмехнулся он и не подумав отпустить ее. — Дай хоть поглядеть на тебя напоследок. Ведь, может статься, больше не увидимся никогда.

— Да глаза б мои тебя не видели! — сказала, точно сплюнула, Катя, но сердце, невесть отчего, замерло.

Может быть, оттого, что эти объятия, которых она не желала, оказались такими волнующе крепкими и теплыми... Или оттого, что в хриплом голосе цыгана звучала неумелая, но против воли трогаящая ее нежность. Он был первым мужчиной, который осмелился обнять ее. И даже не решаясь признаться себе в этом, Катя желала сейчас только

одного: чтобы эта минута, когда сердце отчаянно бьется о ребра, выбрасывая в кровь огненный поток пугающего блаженства, продолжалась как можно дольше...

Она затихла. Приподняв ее голову за подбородок, Драгомир с печальной улыбкой взгляделся в смятенное личико.

— Жаль, — тихо сказал он. — Жаль, что дороги расходятся...

— Я не для тебя, — отозвалась Катя. — Неужели ты еще не понял?

Он покачал головой:

— Это пока только Богу ведомо.

Драгомир наклонил голову, и его губы соединились с дрогнувшими губами Кати в прямом и обжигающем поцелуе, который пронзил все ее тело насквозь, точно удар молнии. Преодолевая слабое сопротивление, его рука легла на ее затылок, зарывшись в ворох распущенных волос и не позволяя отдалиться от себя, а губы целовали все более властно, все более настойчиво. Катя уже не сопротивлялась, робко принимая эти ласки, которые против воли пробуждали в ее теле неведомые прежде желания.

Но неожиданно все кончилось, и она едва устояла на ослабевших ногах, когда Драгомир отпустил ее.

— До встречи, Катерина, — сказал он, тихо отворяя дверь. — Я еще найду тебя...

В последний раз его темный силуэт мелькнул в тусклом свете, и заунывно скрипнувшая дверь скрыла все. Сквозняк задул свечу. Оказавшаяся в полной темноте, ошеломленная девушка услышала, как цыган, ступая легко, как кошка, вышел из дома. И наступила тишина, только где-то вдалеке сонно заворчал цепной пес.

Катя провела дрожащими ладонями по пылающим щекам, точно это могло их охладить. Перед глазами все еще стояло лицо Драгомира. Жгучие, словно горячие угли, глаза, грустная усмешка, нежные губы и сильные руки, лишившие ее воли своей лаской. Ей хотелось и бежать вслед за ним, и плакать, и бить себя по щекам за все происшедшее. Немудрено, что он так осмелел, после всего, что было между ними, но как она могла допустить такое?..

Он не нужен ей. Безродный бродяга, вор, конокрад! И между ними не может быть ничего общего. Но почему так тяжело на душе? Уже успевшая намертво прижиться в ней частичка жизни безжалостно вырвана с корнем и развеялась в ночном сумраке вместе с Драгомиром, оставив после себя чувство неизбежной потери...

Подняв с пола подсвечник, Катя выскользнула из чулана и на ощупь заперла замок. Растворила дверь, ведущую в комнаты, и испуганно отшатнулась при виде темной фигуры, которая стояла на пороге.

— Зачем вы рылись в наших вещах? — негромко и спокойно спросила Оршола Есенская.

Глава 3. Перстень

— Тише! — Катя с ужасом оглянулась на шевелящийся полог и повторила, с мольбой глядя на Оршолу: — Тише, прошу вас...

Из-за полога, позевывая, выбрался смотритель и, шаркая ногами, направился к сениям. Заметив силуэты девушек, подтянул кальсоны и любопытствовал:

— Вам что-то угодно, барышни?

Катя молчала, Оршола тоже. Старик ждал ответа, с недоумением приглядываясь к девушкам. Если он сейчас подойдет к конторке и заметит отсутствие ключей, холодея, подумала Катя, это будет конец.

— Мы... по надобности выходили, — с трудом выговорила она.

— А, ну и я туда же, — закивал смотритель и, видимо сочтя, что их долгое молчание было вызвано стыдливостью, с успокоенной душой направился на двор.

Когда он скрылся в сениях, Катя молнией метнулась к конторке, повесила на место ключи, поставила подсвечник и отворила дверь, ведущую в спальню.

Венгерская мадемуазель вошла следом, захлопнула дверь и остановилась рядом. При лунном свете Катя не слишком отчетливо различала ее лицо, но презрение в голосе не заметить было невозможно:

— Стало быть, это все обман? Для каких же целей вы воспользовались нами? И что еще, кроме побега для вашего сообщника, собираетесь устроить?

Несколько мгновений Катя, не отрываясь, смотрела на эту притворщицу, которая давеча так искусно усыпила ее бдительность.

— Почему же вы сразу не остановили меня, если не спали? И зачем подыграли мне, когда я... упала в обморок?

— Я хотела знать, что вы задумали. И заметьте, если я не устраиваю сейчас скандал, то только потому, что это неизбежно бросит тень на мою мать. Но это не значит, что я хоть сколько-нибудь сочувствую вам и вашему любовнику. Не выношу лжецов и обманщиков!

— Он не любовник мне, а я не взяла из вашего саквояжа ничего существенного! — взорвалась Катя, взбешенная этими обвинениями. — А то, что взяла, собиралась вернуть назад!

Вытащив из кармана флакон с розовым маслом, она с приступком поставила его на стол.

— Что еще? — выпалила она, вперив убийственный взгляд в безмолвную Оршолу. — Может быть, мне вывернуть карманы? Или раздеться догола?

— Перестаньте паясничать, — прошипела венгерка, оглядываясь на безмятежно спящую баронессу. — Имейте в виду, вам придется рассказать мне все.

Катя устало вздохнула.

— Что вы хотите услышать, мадемуазель Оршола?

— Не смейте называть меня по имени, вы, бессовестная лгунья! — вскипела барышня. — Всё — это значит всё! Если у вас не было тайных намерений, зачем надо было обманывать нас, выдавая себя за княжну? Неужели бы мы не помогли вам, окажись вы простой девушкой, попавшей в беду?

— Да как же доказать вам, что я вас не обманывала, — с тоской сказала Катя. — Вы же меня даже слышать не хотите.

— Потому что больше доверяю поступкам, нежели словам! Если вы не сообщница этого

цыгана, зачем вам понадобилось освободить его? Имейте в виду, я слышала почти все, о чем вы говорили! И делали, — прибавила она после паузы.

— А если бы вы слышали не почти все, а все, — со злостью сказала Катя, — то поняли бы, что мы совсем чужие друг другу люди и ничего общего между нами нет.

Оршоло немного смутилась.

— Ну, может быть, — не слишком уверенно отозвалась она. — Но это ничего не меняет. Зачем вы освободили его? Даже больной притворились, чтобы остаться здесь на ночь. Для чего?

Катины щеки невольно вспыхнули, но в ответ на вопрос Оршолы она с вызовом взглянула ей в лицо:

— А вы когда-нибудь чувствовали себя в долгу перед человеком, который спас вам жизнь? Или вы можете только рассуждать о несправедливости наказания, пальцем о палец не ударив для того, чтобы хоть что-то изменить?

Покачав головой, Оршоло негромко рассмеялась и даже слегка поаплодировала:

— Bravo, мадемуазель-Как-вас-там. Вы не только авантюристка и самозванка, вы еще прирожденный демагог! Примите мои комплименты!

Катя шагнула к ней, чувствуя, как ударяет в голову холодное бешенство.

— Я не авантюристка, — тихо и со зловещим спокойствием отчеканила она, — не самозванка, не мадемуазель-Как-вас-там и, уж тем более, не демагог! Я — природная княжна Шехонская, и мой род ведет начало от Владимира Мономаха! Вы не смеете так разговаривать со мной! Сами-то вы кто такая? Худородная выскочка из рабской страны, которой управляют австрияки!

Последнее слово едва замерло на ее губах, когда щеку обожгла хлесткая пощечина. Катя на мгновение опешила, но в следующую секунду бросилась на Оршолу и вцепилась ей в волосы.

Она ожидала, что та завизжит, начнет звать мать, но девушка молча отбивалась от нее, пытаясь высвободить свои рыжие кудри. Она была гораздо выше и крупнее Кати, но княжной овладела такая сокрушительная ярость, что совладать с ней оказалось нелегко.

— И вы еще говорите, что вы княжна? — задыхаясь, сказала Оршоло, когда ей все-таки удалось скрутить противницу, вывернув ей руки, но и тогда Катя упорно пыталась вырваться, не обращая внимания на боль в суставах. — Вы же ведете себя хуже базарной торговки!

— А об этом не вам судить! — прошипела Катя. — В чем, по-вашему, заключается дворянская честь? В том, чтобы молчать в тряпочку, позволяя безнаказанно оскорблять себя?

Оршоло оттолкнула ее:

— Я думаю, в том, чтобы вести себя так, чтобы никому не пришлось усомниться в наличии этой чести!

За их спинами заворочалась на тюфяке баронесса Габриэла, и вздрогнувшие девушки услышали ее сонный голос:

— Девочки, ну что это такое? Вы же совершенно не даете мне спать! Все время какие-то разговоры, скрип, хождения туда-сюда! Почему нельзя отложить все это до утра?

Катя тревожно застыла. Оршоло резко обернулась к матери:

— Габриэла, я не думаю, что это стоит откладывать до утра. Потому что утром нам скорее всего придется объясняться с исправником. Из-за того, что мы с тобой, — как это русские называют? — пригрели змею на груди.

— Что-что? — мадам Канижай села на постели. — Оршика, запали свечу и повтори мне

все, что ты сказала.

Девушка молча выполнила просьбу матери. Когда пламя свечи озарило комнату, Габриэла бросила задумчивый взгляд на выглядевшую вполне бодро Катю и повторила:

— Ну же, Оршика. Рассказывай.

— Она, — Оршола мотнула головой в сторону Кати, избегая называть ее по имени, — выпустила цыгана.

— О нет! — Габриэла схватилась за голову, и с ее губ сорвалось несколько венгерских слов, заставивших Оршолу покраснеть.

С упреком взглянув на Катю, Габриэла сокрушенно покачала головой:

— Ах, мадемуазель Катерина, как это все не ко времени. Стало быть, ваша болезнь — притворство? Вам просто нужно было остаться здесь?

Катя невольно потупилась.

— Да, мадам, простите.

Оршола метнула удивленный взгляд на мать:

— Ты называешь ее... ты что, все еще веришь, что она княжна?

— А почему бы и нет? Мало ли на свете глупых барышень, готовых прошибить лбом стену ради смазливового парня, кем бы он ни был?

— В таком случае, что ты скажешь, если я сообщу тебе, что она копалась в твоём саквояже?

— Зачем? Я не держу там ни денег, ни ценностей, ты же знаешь, они в другом месте.

— Я-то знаю, — усмехнулась Оршола. — Но ей откуда об этом знать?

— И что же она украла?

Оршола не успела ответить, Катя ее перебила:

— Я ничего не крада, мадам. Просто взяла на время розовое масло, чтобы смазать замок.

— Смазать замок? — ахнула Габриэла. — Да вы знаете, дитя мое, сколько оно стоит?

— Габриэла!! — Оршола драматически покачала головой, выражая изумление словам матери. — Ну при чем здесь это!

— Дева Мария! — резко поднявшись, мадам Канижай запахнула пеньюар. — Вы сведете меня с ума обе.

— А чем виновата я? Может быть, ты наконец проснешься и поймешь, что у нас неприятности? Утром здесь будет исправник. И если нам не удастся уехать до того, как обнаружится побег, то придется объяснять, почему мы возим с собой эту преступницу.

«А ведь у Драгомира даже мысли не возникло о том, что мне придется отвечать за последствия, — угрюмо подумала Катя. — Ни единой мысли».

И произнесла вслух:

— Я не преступница.

— Помолчите, барышня! — отмахнулась от нее баронесса. — Вы уже натворили столько, что лучше не вмешивайтесь, пока вас не спросят. Я начинаю жалеть, что взяла вас с собой.

Этого гордость Кати перенести не могла.

— Я бы ушла сию минуту, чтобы не обременять вас своим присутствием. Но я останусь для того, чтобы объяснить исправнику, что вина полностью на мне, а вы ни в чем не замешаны.

— Я не думаю, чтобы исправник осмелился обвинить меня в чем-либо, — отозвалась

баронесса. — А что касается вас, вы никуда не уйдете. Раз я дала обещание отвезти вас в Москву, я его выполню.

— Габриэла, — не выдержала Оршола, — и ты говоришь это после всего того, что я тебе рассказала?

Габриэла пожала плечами:

— Я, собственно, не вижу здесь состава преступления, Оршика. Мне чутье с самого начала подсказывало, что наша гостья не оставит на произвол судьбы своего друга-цыгана. Если на то пошло, я даже могу ее понять. А когда мы наконец приедем в Москву, я отвезу ее в дом Шехонских, и там выяснится, — та ли она, за кого себя выдает.

— Если она не сбежит по дороге с нашими вещами, — буркнула Оршола.

Катя вспыхнула, но вместо нее ответила Габриэла:

— Вот и следи за ней вместо того, чтобы утыкаться в книгу. А теперь — спать. Не о чем говорить больше.

Но Катя привыкла к тому, чтобы последнее слово всегда оставалось за ней.

— Дамы, — с холодным достоинством произнесла она. — Утром, когда все выяснится, мы расстанемся, и каждый пойдет своей дорогой. Не стану спорить, я причинила вам много ненужных хлопот, за что прошу прощения. Но терпеть незаслуженные оскорбления, которым вы меня подвергаете, я не собираюсь ни в каком случае.

Габриэла бросила на девушку иронический взгляд:

— Голой будете ковылять по дороге?

Катя надменно откинула голову:

— Это мое дело.

Не слушая ее, баронесса задула свечу и вновь вытянулась на тюфяке.

— Все, довольно, не хочу больше ничего слушать. Ложитесь спать.

Оршола молча легла на свою лавку и, закутавшись в одеяло, отвернулась к стене. Помедлив немного, и Катя вернулась в свою постель.

Но сон не шел. Судя по тому, как ворочались и вздыхали ее спутницы, не спалось и им. Должно быть, боятся, что она обчистит их, пока спят, зло подумала Катя. Вся во власти оскорбленной гордыни, она не чувствовала ни малейших угрызений совести из-за того, что втравила баронессу и ее дочь в неприятную историю. Обвинения в воровстве и самозванстве погребли под собой воспоминание о доброте мадам Канижай. Увы, Катя еще не знала тогда, что Габриэла и ее дочь — отнюдь не единственные люди, которым ей придется доказывать, что она и вправду княжна Шехонская...

И что же теперь? Если побег Драгомира обнаружится до их отъезда, — а скорее всего, так и будет, — мадам Канижай, возможно, уже не станет возражать против того, чтобы передать ее в руки правосудия. В глубине души Катя понимала, что баронесса до этого не опустится, ведь она обещала отвезти ее в Москву, но кто знает, как сложатся утром обстоятельства? Быть может, чем покорно ждать почти неминуемого ареста, разумней улизнуть сейчас, пока есть возможность?..

При этой мысли спина Кати вновь покрылась холодным потом. Одна, ночью, на безлюдной дороге? И куда ей идти? До Москвы теперь ближе, чем до Новгорода, но надеяться добраться туда пешком и в одиночку, было немислимо, Катя это понимала.

Но сейчас или утром, ей все равно придется уйти, как она гордо пообещала. А что дальше? Снова искать попутчиков, терпеть унижения и необоснованные подозрения? Если даже мадам Канижай, при всем ее великодушии (а то, что она ведет себя на редкость

великодушно, Катя вынуждена была признать) отнеслась к ней с недоверием, то что говорить о других? Да и найдутся ли эти другие?

Впрочем, можно было обратиться за помощью в один из монастырей или церковь, вряд ли ей там откажут. Ссудят какую-нибудь одежду и найдут провожатого, хотя бы на крестьянской телеге. Но при мысли о том, что любой, к кому она обратится, неизбежно примет ее за нищенку или воровку, Катю затрясло. После всех пережитых за последний день унижений, ее и без того уязвленная гордость возмутилась одному предположению, что ей придется ПРОСИТЬ О ПОМОЩИ.

Да лучше она пойдет по дороге босой и в лохмотьях, умирая от голода и усталости, но НИКОГДА не станет ни перед кем ломать шапку. «И те, кто однажды найдут на обочине дороги истощенный и истерзанный бродячими псами трупик княжны Шехонской, никогда не узнают, что хоронят в общей яме для бродяг княжну из рода Мономаха», — с мрачным юмором подумала Катя. И родители до конца своих дней останутся в неведении, какая судьба постигла их бесследно сгинувшую дочь...

Ну почему, почему Драгомир не позвал ее с собой? Насколько все оказалось бы проще! Она понимала, что с самого начала была обузой для парня, но в эту минуту упущенный выход из положения представлялся ей единственным не унижающим достоинства. И сердце сжалось от тоски, когда она вновь вспомнила о цыгане. В эту минуту он был так отчаянно близок и необходим ей, что на глазах едва не выступили слезы. И в мыслях был не поцелуй и крепкие объятия, а стойкое ощущение, что их свело друг с другом некое родство душ, что если когда-нибудь еще им суждено будет встретиться, он станет для нее близким другом и никогда, никогда не предаст ее...

Катя тихонько шмыгнула носом, прислушиваясь к ровному дыханию заснувших попутчиц. А ведь Драгомир даже спасибо ей не сказал, подумалось вдруг. Она знала, что ждать благодарности от цыган, — так же бессмысленно, как снега посреди лета, но все равно обида чувствительно царапнула сердце. Можно было сказать, что они квиты, но что могло сравниться с риском, которому подвергалась она, выручая его?

«Да ведь он попал в беду, пытаюсь помочь тебе!» — возразил внутренний голос. Да, с этим не поспоришь. Ну что ж, значит, все-таки, квиты...

И это была ее последняя мысль перед тем, как погрузиться в сон.

Но и в сновидениях тревоги и страх не оставляли Катю. Она увидела Драгомира ясно, словно наяву. Цыган держал ее за руку и смотрел на ладонь, печально качая головой. «Что? — спросила она. — Что ты видишь?». «Ничего, — ответил Драгомир, отпуская ладонь. — Ничего, что могло бы спасти тебя и тех, кого ты любишь...» Его фигура начала таять в воздухе, еще мгновение, и он исчезнет. Катя пыталась окликнуть его, но не могла издать ни звука. Но когда его силуэт развеялся и не осталось ничего вокруг, кроме давящей, беспросветной тьмы, она снова услышала его далекий, словно принесенный эхом голос: «Берегись мертвой невесты...»

* * *

Кате показалось, что она только-только закрыла глаза, когда хлопанье двери, крики и шум вырвали ее из забытья. Но в окна уже светило солнце.

— О Дева Мария, — приподнявшись на локте, вздохнула Габриэла.

Оршола села на постели, протирая сонные глаза, и обернулась в сторону Кати, словно желая убедиться, что «самозванка» на месте. Та ответила ей холодным взглядом и выбравшись из-под одеяла, принялась приводить себя в порядок. В комнату влетела горничная баронессы:

— Барыня, что творится-то! Цыган сбежал! Ямщик наш барышню требует, — она боязливо кивнула на Катю, — говорит, что это она во всем виновата...

— Ничего, подождет, — отозвалась Габриэла, прикрывая ладонью зевающий рот. — Впрочем, давай одеваться, все равно пора ехать.

Не обращая на них внимания, Катя вышла из комнаты и нос к носу столкнулась с озверевшим ямщиком, за спиной которого, безрезультатно пытаясь утихомирить его, топтался смотритель.

— Цыган где? — сипло выкрикнул ямщик при виде девушки и затряс огромными кулачищами у нее перед лицом. — Я ж говорил, что подельница! Ключи украла, да выпустила!

— Еремей, — смотритель дергал его за рукав, но ямщик только отмахивался, продолжая наступать на девушку и орать. — Да угомонись же ты! Никто того не видел, не докажешь!

Похоже, эпизод ночной встречи в старческой памяти не остался. Но Кате его заступничество было ни к чему. Доказывать свою невиновность она не собиралась, — меньше всего ей хотелось подвергать опасности репутацию баронессы. Молча обойдя ямщика, она приблизилась к конторке, сняла с пальца кольцо и положила на столешницу.

— Этого хватит? — холодно спросила она.

Ямщик смолк, точно захлебнувшись. Подошел ближе и глянул на украшение.

Золото стоило недорого, и возраст его не имел значения — ценить антиквариат пока не научились. Но вставленный в оправу перстня крупный, овальной формы изумруд-гемма, был хорош. Тем более, что своих изумрудов Россия не имела.[1] И Катя прекрасно понимала, что один такой камешек стоит небольшого табуна. Но для нее ценность этого кольца заключалась совсем в другом, и расстаться с ним было очень трудно. Но что делать? Крестиком тут не обойтись.

Ямщик заграбастал кольцо, повертел его в руках и посмотрел камень на свет. Осталось еще на зуб попробовать, как фальшивую монету, подумала Катя и непроизвольно сжала кулаки так, что ногти впились в ладони. Видеть этот перстень в чужих руках, в руках ненавистного ей, грубого мужлана, было невыносимо. Кашлянув, подошедший смотритель не без интереса уставился на кольцо.

— Тоже, поди, украла, — проворчал ямщик, исподлобья глянув на девушку.

— Да как ты смеешь! — вспыхнула Катя.

— Не годится! — ямщик бросил перстень на столешницу. — Кто знает, может, стекляшку никчемную подсовываешь. Еще что есть?

— Больше ничего, — холодно сказала Катя.

— А в острог хочешь? — осклабился ямщик. — Как поволокут в цепях по Владимирке, [2] быстро с тебя вся спесь сойдет!

— Зря пугаешь, я не из пугливых, — процедила девушка, хотя упоминание о каторжной *via dolorosa*[3] острой бритвой прошло по ее нервам. — Бери, что есть. Если меня в острог отправят, ты вообще ничего не получишь.

Похоже, эта вполне здравая мысль не приходила ямщику в голову. Он озабоченно нахмурился, снова зажал в пальцах перстень, а налитые кровью, насквозь пропитые глазки

быстро заморгали, словно пытаясь взвесить все плюсы и минусы предлагаемой сделки.

— Ладно! — сказал он наконец, сгребая в ладонь кольцо. — В расчете. Живи, так и быть.

— Не в расчете, — быстро возразила Катя. — За кольцо найдешь мне одежду, — хотя бы сарафан с армяком и платок на голову, а можно и что получше, если есть. И еды в дорогу.

Ямщик неопределенно хмыкнул и внимательнее взглянул на девушку:

— Что, турнула тебя барыня? Ладно, раздобуду что-нибудь. Не ходить же голяком такой пригожей девке. — он обернулся к зрителю: — Так что вот, Илларион Кондратьич, без исправника мы разобрались, все полюбовно решили.

— Ну и добро, — равнодушно кивнул зритель.

Протерев изумруд о рукав форменного красного кафтана, ямщик в последний раз полюбовался его сиянием и, удовлетворенно крикнув, уже хотел было спрятать за пазуху. Но в это мгновение дверь, ведущая в заднюю комнату, распахнулась, Габриэла шагнула вперед и звонко окликнула ямщика:

— Эй, что это у тебя там, любезный? Ну-ка, дай сюда!

— Тьфу, ты, Господи! — сплюнул Еремей, и бросил на Катю возмущенный взгляд: — У барыни, что ли, стащила?

— Это мое кольцо!!! — взвилась Катя, уже потеряв всякое терпение.

— Никто ничего не крал, просто дай взглянуть и все! — едва ли не силой Габриэла вырвала перстень из руки совершенно сбитого с толку мужика и принялась неторопливо рассматривать. Затем осведомилась: — Откуда у вас это кольцо, мадемуазель?

— Это фамильная драгоценность моей семьи, — сухо отозвалась Катя. — Мне подарила его моя прабабушка, княгиня Наталья Ильинична Шехонская.

Ямщик взволнованно переступил с ноги на ногу:

— Мое кольцо-то таперича, барыня. Это, как его, убытков возмещение.

— Подождешь, — отмахнулась от него Габриэла, продолжая внимательно изучать вырезанный на гемме рисунок. — Красивый смарагд! Что это? Похоже на герб.

— Это и есть герб, — неохотно сказала девушка. — Герб рода Шехонских — серебряный волнистый пояс и два золотых креста — сверху и снизу.

— Странно. Каким образом этот герб попал на такое древнее кольцо? Ему явно не менее двухсот лет, а гербы у русских дворян, насколько я знаю, появились лишь в конце прошлого столетия.

Дотошность Габриэлы уже начала вызывать раздражение у Кати. Много ли эта дама видела старинных украшений, сохранившихся в первоизданном виде? Металл многократно переплавляют, камни вынимают, чтобы вставить в другую оправу, когда фасон украшения выходит из моды, да мало ли что еще приходит в голову владельцам?

— Я ничего не знаю об этом, мадам. Герб мог быть вырезан и позже, разве нет? Мне известно только, что перстень этот — единственная древняя реликвия, которая передается от поколения к поколению в нашей семье. Не знаю, известно ли вам, что род Шехонских официально пресекся больше ста лет назад, но тогда царь Алексей Михайлович передал право наследования незаконному сыну последнего князя Шехонского и это кольцо — подарок ему государя за заслуги. Помнится еще, прабабушка говорила, что камень этот из португальской Америки.

— Да, похоже на то, — прищурилась Габриэла, разглядывая лучистый зеленый камень на свет. — Он отликает золотистым, как бразильские смарагды. Не так хорош, как те, что из

Новой Гранады[4], но размер вполне впечатляет. — она примерила кольцо на палец и, вытянув руку, полюбовалась сиянием камней.

Катя тихонько вздохнула, вспомнив, как великолепно сверкал этот изумруд при свечах. Но перстень, — прабабушкин перстень! — уже не принадлежал ей и какое ей дело, что в мыслях у баронессы?

— А разрешите узнать, — спросила между тем Габриэла, — почему это перстень находится у вас, а не у вашей матери?

— Так пожелала прабабушка, — сдерживаясь из последних сил, сказала Катя. — А вот почему — если вас это интересует, вы можете узнать у нее сами!

— Я беру его, — заявила Габриэла, и ямщик замер с открытым ртом. — Тут, правда, есть трещинка, так что, это существенно снижает стоимость, — думаю, триста пятьдесят рублей серебром за него будет довольно.

— Триста пятьдесят! — возмущенно завопил ямщик.

— Что, неужели мало? — усмехнулась баронесса. — А не умрешь ли ты от жадности, голубчик? Тебе ведь еще конь этого цыгана достался, так что поимей хоть немного совести!

— Да если бы, барыня! — прорычал мужик. — Свел он коня своего, ворюга! Как сумел? Даже сторож в конюшне не проснулся!

Не сдержавшись, Катя негромко фыркнула и тут же закашлялась, чтобы скрыть свое неуместное веселье.

— Ах вот как? — Габриэла с восхищенной улыбкой покачала головой. — Ну что ж, набавлю еще двадцать пять рублей ассигнациями, и хватит с тебя.

Еремей раздумывал недолго: цена была божеская. Правда, по его вытянувшейся физиономии было видно, что ему жаль красивого перстня, — раз дама так упорно хочет купить его, значит он и вправду не фальшивый. Но поразмыслив, ямщик смирился. На перстень еще нужно найти покупателя, а здесь дают живые деньги.

Когда баронесса ушла в комнату за деньгами, Катя обратилась к ямщику:

— Одежду когда мне достанешь? Вам уезжать скоро, поторопись.

— Не бойсь, не обману. Подожди чуток, пока барыня позавтракает, да лошадей запрягут, я к бабе своей сгоняю, она тут недалече.

Похоже, мужик ничего не понял из разговора Кати с ее спутницей, он по-прежнему тыкал ей, как какой-нибудь бродяжке. Но на это, пожалуй, стоило махнуть рукой.

— Хорошо, — надеюсь, что не окажется обманутой, Катя вернулась в комнату, столкнувшись с выходящей баронессой.

Горничная складывала перины, Оршола, сияя свежим платьем и заново причесанными волосами, стояла у окна. Появление Кати она проигнорировала. Княжна молча опустилась на лавку, пытаясь разобрать пальцами спутанные космы. Желудок больно сдавило от голода.

Вернулась баронесса, подойдя к дочери, продемонстрировала ей кольцо. Оршола произнесла в ответ по-венгерски что-то, и в ее голосе прозвучало явное осуждение. В ответ на ее слова Габриэла засмеялась и, сняв кольцо с пальца, уложила его в изящный несессер. И если пару минут назад в сердце Кати еще жила безумная надежда, что баронесса выкупила кольцо, чтобы вернуть законной владелице, то теперь эта надежда испарилась. Похлопав Оршолу по плечу, Габриэла оглянулась на Катю и, увидев, что та возится с волосами, вынула и протянула ей щетку:

— Возьмите, княжна! Впрочем, если хотите, вас причешет моя горничная, Магда прекрасный куафер. А потом, после того, как мы перекусим, заедем по дороге в какую-

нибудь модную лавку в Торжке и наконец купим для вас одежду.

— Благодарю вас, мадам, но мне ничего не нужно, — ледяным тоном произнесла Катя. — Еще немного терпения и я верну вам ваши вещи и навсегда избавлю вас от своего присутствия.

— Это еще что такое? — Габриэла изумленно округлила глаза и в замешательстве оглянулась на дочь. — Оршика, ты снова обидела мадемуазель Катерину?

— Я не сказала ни слова, — буркнула Оршола.

— Тогда в чем дело? — мадам Канижай приблизилась к Кате и попыталась заглянуть ей в лицо. — Я думала, что все наши распри позади. Тем более, что это кольцо окончательно убедило меня в том, что вы действительно княжна Шехонская.

— Знаете, мадам, — сказала Катя, — эта внезапная доверчивость поражает меня так же, как ваше прошлое недоверие. Я не могу понять причин ни того, ни другого. На основании ваших собственных, непонятных для меня умозаключений, вы вместе с вашей дочерью то объявляете меня самозванкой, то вдруг неожиданно проникаетесь верой в мою честность. Что, собственно говоря, может доказывать это кольцо? Быть может, я его украла, а вам продолжаю лгать?

Габриэла негромко рассмеялась:

— Мадемуазель Катерина, вы не перестаете удивлять меня своей оригинальностью! Никогда прежде не встречала такой своеобразной девушки, а уж поверьте, я их повидала немало. Бьюсь об заклад, что когда вы выйдете в свет, вся Москва будет у ваших ног!

— Спасибо, мадам, — Катя иронически поклонилась. — Если мы еще когда-нибудь встретимся, я непременно сообщу вам, насколько близки вы оказались к истине.

— Ну все, довольно, мадемуазель Катерина, — лицо баронессы стало серьезным. — Я знаю, что мы виноваты перед вами, и я, и Оршика. Я от всего сердца прошу у вас прощения за все причиненные обиды и недоверие, и спрашиваю вас: что я могу сделать для того, чтобы вы нас простили? Я уверена, — она оглянулась на дочь, — что и Оршика тоже захочет принести вам свои извинения.

Оршола покраснела так, что веснушки начисто исчезли под багровым румянцем, и метнула на мать недовольный взгляд. Но едва она открыла рот, Катя перебила ее:

— Не трудитесь, мадемуазель. Все, что вы обо мне думаете, вы уже высказали ночью. Не стоит повторяться. Сердечно благодарю вас, и не поминайте лихом!

И княжна вышла из комнаты, едва удержавшись, чтобы не хлопнуть дверью. Прошла мимо смотрителя в сени и без сил прижалась лбом к двери чулана, где еще несколько часов назад сидел под замком Драгомир.

Ну почему она такая стоеросовая дура, почему?! У нее просят прощения, обещают довести до дома, а она, вместо того, чтобы спрятать подальше свою идиотскую гордыню, срывается и сжигает за собой мосты. После всего, что было сказано, ей и вправду остается только одно: идти, куда глаза глядят, в надежде, что долгий путь все-таки приведет ее в Первопрестольную...

Но ведь именно это решение она и приняла еще ночью. Что изменилось?.. Баронесса верит ей сейчас, но кто даст гарантию, что в ближайшем будущем очередной каприз не заставит ее снова изменить мнение?

[1] Изумрудные копи Урала были обнаружены только в 1830 году.

[2] По Владимирскому тракту — пути, которым проходили по этапу осужденные на

каторгу в Сибирь.

[3] Via Dolorosa, букв. «Путь Скорби» (лат.) — улица в Старом городе Иерусалима, по которой пролегал путь Иисуса Христа к месту распятия.

[4] Нóвая Гранáда — испанское вице-королевство в Южной Америке, существовавшее на территории современных Колумбии, Венесуэлы, Панамы и Эквадора до 1821 г.

* * *

Снаружи послышались тяжелые шаги, входная дверь скрипнула за ее спиной. Но Катя даже не пошевелилась. И лишь когда тяжелая рука опустилась ей на плечо, боязливо выпрямилась, бросив взгляд за спину. Ямщик, сопя, протянул ей узел с одеждой и корзинку, из которой весьма соблазнительно пахло.

— Спасибо, — сказала Катя, поворачиваясь к нему и протягивая руку.

— Погодь, — ямщик мотнул головой, указывая на выход. — Идем, в амбаре одежду наденешь, а потом я тебя на дорогу выведу.

Немного удивленная миролюбием своего врага, Катя молча последовала за ним. Выйдя из дома, они прошли по двору, где с квохтанием бродили куры, и приблизились к амбару. Еремей опустил наземь корзинку и, отодвинув засов, распахнул перед девушкой тяжелую дощатую дверь:

— Иди.

Катя скользнула в пахнущее сеном и мышами полутемное пространство. Ямщик затворил дверь, но солнечные лучи, слабо пробивавшиеся сквозь щели, все-таки давали немного света.

Торопливо разложив узел на огромном бревне, Катя вытащила и развернула синий косоклинный сарафан с застежкой из затейливых медных пуговиц и льняную рубаху с вышивкой, — все вполне чистое и пристойного вида, но немного слежавшееся и пахнущее горьким запахом полыни[1], - видимо, долго хранилось в сундуке. Еще в узелке, который оказался яркой, цветастой шалью, лежали обшитая пестрой тесьмой душегрейка, армяк из плотной черной сермяги, пара лаптей и шерстяные онучи, а также, к большой радости девушки — деревянный, тщательно выструганный гребешок и алая лента.

Катя начала переодеваться. Надев сарафан и душегрею, она немного поколебалась, глядя на свои башмаки, но решив, что костюм крестьянки будет смотреться на ней естественнее, если она наденет все детали, прикинула чуть великоватые лапти и принялась обертывать ноги онучами. Как ни странно, ей уже приходилось когда-то делать это, еще в детстве из любопытства научилась этому искусству у кормилицы. Закончив и обувшись, она наскоро расчесала волосы, заплела косу, повязала голову платком и накинула армяк. Вся одежда показалась ей немного широковатой, но довольно удобной, а главное — теплой. Жаль только, что зеркала нет.

Аромат съестного из корзинки не давал покоя и, несмотря на то, что ямщик многозначительно покряхтывал за дверью, давая ей понять, чтобы поторапливалась, Катя поспешно развернула лежавшую сверху тряпицу, схватила еще теплую лепешку и начала торопливо и с наслаждением жевать. Кроме лепешек в корзинке оказалось с десятков вареных яичек, здоровый ломоть солонины и три больших печеных репки.

— Эй, скоро ты там? — послышалось за дверью.

Запихнув в рот последний кусок лепешки, Катя поспешно облизала пальцы, схватила корзинку и аккуратно сложенный капот баронессы, и вышла наружу.

Ямщик внимательно оглядел ее:

— Совсем другое дело! — объявил он, ухмыльнувшись. — Красивая ты девка, жаль, тоща больно, ну да найдется, кому откормить. Идем, что ли?

— Подожди, — сказала Катя, приметив стоявший под навесом экипаж баронессы и копошившуюся возле него Магду. — Одежду верну...

Она приблизилась к горничной и та вскинула голову, не сразу узнав в молоденькой крестьянке гостью своей госпожи. В глазах мелькнуло недоумение и что-то вроде испуга. Катя протянула ей свернутый капот:

— Магда, пожалуйста, верни это баронессе.

— Госпожа спрашивала о вас... — пролепетала горничная и боязливо, словно ее могли укусить, приняла одежду хозяйки из рук Кати. — Вы уходите?

— Да, — Катя постаралась улыбнуться как можно лучезарнее. — Пожалуйста, передай своей госпоже, что я сохранию о ней и ее гостеприимстве самые лучшие воспоминания.

И не дожидаясь ответа горничной, девушка поспешила за Еремеем, который уже шел через двор к воротам. Идти в лаптях было очень непривычно и не слишком комфортно, но Катя понадеялась, что постепенно привыкнет. Они вышли на дорогу. Впереди расстилалась река, и спускавшийся к воде город, огни которого она видела прошлой ночью, оказался совсем рядом. Белые стены и купола монастыря мягко светились в лучах слабого осеннего солнца.

— Значит, слушай, — сказал Еремей, — в Торжок не ходи, неча там делать. Иди вдоль берега, — он махнул рукой в сторону от города, — с полверсты пройдешь, будет там деревня Ильинка, где мужики извозом занимаются. Спросишь там Федьку Новоторжанина, это кум мой, скажешь, что от Еремы и что я просил тебя до Москвы отвезти.

— И он... отвезет? — спросила недоверчиво слушавшая его девушка.

Ей страшно было поверить в то, что не придется брести по дорогам в одиночестве. Но Еремей спокойно подтвердил:

— Отвезет, куда он денется! А не хочешь с ним, можешь на станции остаться. Через два дня фура почту в Москву повезет, могу тебя туда пристроить.

Ждать еще два дня? Катя замотала головой:

— Нет, я лучше в Ильинку пойду.

— Добро, — кивнул ямщик. — Ты не сумлевайся, Федька мужик совестливый, не обманет. — Помолчал немного, помялся и вынув из кармана что-то звякнувшее, раскрыл заскорузлую ладонь, на которой лежали три серебряных рубля и несколько алтын. Покраснел, смущенно почесал макушку кнутовищем и пояснил: — Ежели что, хватит на проезд до Москвы, да на прокорм.

Катя растерянно молчала. В голове мелькнула невольная мысль, что получив ее кольцо, не только с лихвой возместившее убытки, но и обогатившее его, он мог бы быть и щедрее. Хотя, на дорогу до Москвы этих денег должно было хватить. Но когда она представила, что возьмет из его рук эту так походившую на подавание мзду, ее едва не замутило.

Видя, что девушка не двигается с места, глядя на него, точно кролик на удава, ямщик посопел еще немного, потом, взяв руку Кати, втиснул в нее монеты и, развернувшись, молча пошел прочь.

И только у ворот почтового двора на миг обернулся, и вздрогнувшая Катя услышала его

Оклик:

— Ильинка, Федька Новоторжанин, не забудь, слышь!..

Мощная фигура в красном форменном кафтане скрылась за воротами. Дрогнувшие пальцы Кати разжались и монеты, зазвенев, упали в прелую траву. Несколько минут она стояла на берегу, тупо глядя на мутную, серую, быстро бегущую воду. Ухо уловило звон почтового колокольчика, и Катя вовремя сошла с дороги, увидев надвигавшуюся на нее усталую тройку, которая ехала к почтовой станции. Увиденное напомнило ей о баронессе. С минуты на минуту здесь может появиться ее экипаж, пора уходить.

Уже не колеблясь, Катя быстро собрала раскиданные в пыли колесами кибитки монеты, отряхнула ладошки и, перекрестившись на монастырские купола, пошла по дороге.

Ей удалось благополучно миновать заставу на выезде из города: дежуривший там пожилой офицер благосклонно принял алтынник, застенчиво вложенный ему в руку Катей и, не задавая лишних вопросов, пропустил девушку. И, невольно окрыленная своей первой удачей, она подумала, что не так уж и сложно путешествовать без бумаг. Были бы деньги...

Дорога вовсе не была безлюдной. Люди, пешие и конные, крестьянские подводы, кибитки, дребезжащие почтовые кареты время от времени проскальзывали мимо, обдавая девушку облаком пыли. У спешащей, как видно, на рынок торговки, что проехала на нагруженной товаром телеге, Катя купила шипучих кислых щей[2] в баснословно дорогой бутылке, и вскоре, когда городские стены растаяли за поворотом дороги, нашла себе укромное местечко на опушке леса, чтобы основательно перекусить.

Несмотря на свою худощавость, Катя была девушкой весьма прожорливой, и голод переносила очень тяжело. Поэтому корзинка опустела почти наполовину, когда она наконец почувствовала себя сытой. Но холодная еда и питье отнюдь не согрели, да и от земли тянуло промозглым холодом, и вскоре Катя уже снова шла по дороге.

День был хмурый, тучи закрывали солнце, пару раз вдалеке послышались раскаты грома. В любую минуту мог начаться дождь, и Катя прибавила шагу. Лес сменился лугом, за ним потянулись опустевшие поля и наконец домики деревни показались вдалеке.

Надеясь, что это именно нужная ей Ильинка, Катя ступила на деревенскую улицу. Почуввав чужака, забрехали за заборами собаки. У распахнутых ворот дома, откуда доносился перестук кузнечных молотов, стояли, разговаривая, трое-четверо явно нетрезвых мужиков. Все они как по команде уставились на приближавшуюся девушку.

— Отколь такая будешь, красавица? — услышала Катя, проходя мимо и, на всякий случай, прибавила шагу.

Не хватало только, чтобы они привязались к ней. Но к счастью, мужики остались на месте, только крикнули вслед что-то еще, разразившись взрывом грубого хохота. Не дай Бог, Новоторжанин окажется одним из них, подумала Катя. Такие, чего доброго, завезут в лес, надругаются и убьют...

Между тем на глаза ей попала молодница, несущая коромысло с полными ведрами.

— Да вон он, дом Новоторжанина, — отвечая на вопрос Кати, та мотнула головой, указывая в конец ряда.

Поблагодарив ее и не замечая, что молодница с любопытством смотрит ей вслед, Катя добралась до указанного дома и толкнула тяжелую калитку. Едва она успела сделать несколько шагов по двору, раздался бешеный лай цепного пса, и Катя нерешительно остановилась.

На шум из дома выскочила баба в сбившемся повойнике, с плачущим младенцем на

руках:

— Ну что зашелся опять, ирод? Только дите укачала...

Она осеклась, увидев Катю, помолчала мгновение, пристально разглядывая незнакомку, и сердито сказала:

— Чего надо?

— Доброго вам здоровья, — сдержанно сказала девушка. — Мне Федя Новоторжанин нужен, меня его кум Еремей отправил.

— Опять Еремка, прости Господи! — хмыкнула баба и принялась трясти плачущего ребенка, не спуская с Кати хмурого взгляда. — Ну и чего?..

— Ничего, — процедила Катя. — Мне в Москву надо, Еремей сказал, что Новоторжанин может меня довести. Деньги есть, так что заплачу.

Баба потопталась на крыльце, ее хмурое лицо чуть разгладилось, став виноватым.

— Так нет его дома. Уехал еще спозаранку, повез кого-то. Раньше чем через три дня, сказывал, и не жди.

Это был удар, которого она никак не ожидала...

За те мгновения, пока Катя пыталась собраться с мыслями, хозяйка окончательно рассмотрела ее с ног до головы и, похоже, увиденное ей не понравилось. Непонятная какая-то девка. Держится странно, говорит еще страннее и черномазая, словно цыганка. Пусти такую на порог, потом ночью последнее вынесут из клетки. Да и как пускать чужого, ежели мужика дома нет?

— Через три дни приходи, — буркнула баба, настойчиво тесня Катю к воротам.

Устало понурившись, девушка молча вышла за калитку.

* * *

Мощным, нескончаемым потоком хлынул дождь, и деревенская улица мгновенно опустела. Катя приткнулась возле какого-то забора, под ветвями старой яблони, что свешивались наружу, и опустила на корточки, сжавшись в комочек. Изломанная стрела молнии с грохотом расколола небеса, ударив, казалось, над самой головой. Катя содрогнулась, инстинктивно вжимая голову в плечи.

— Пресвятая Владычице моя, Дево Богородице, — по привычке зашептали губы и ту же, прервав молитву, Катя в отчаянии разрыдалась: — Драгомир... Драгомир, черти чтоб тебя взяли! Почему ты ушел один? Почему не взял меня с собой?!..

Если бы на свете еще могли случаться чудеса! Если бы Драгомир вдруг оказался рядом... Что бы только ни отдала она, чтобы увидеть перед собой гибкую фигуру цыгана, его светлую, как солнце, улыбку и услышать родной голос с мягким акцентом:

— Ну вот и я, княжна. Заждалась меня?

Но нет никого и ничего вокруг, только стена бесконечного дождя и полная безысходность. Катя плакала, захлебываясь от рыданий, и слезы текли по ее лицу, смешиваясь со струями дождя. Она осталась совсем одна. И ей отсюда не выбраться...

[1] Листья полыни использовали как средство от моли.

[2] Кислые щи — старинный русский медово-солодовый напиток, разновидность шипучего кваса.

Глава 4. Ангел Смерти

За околицей деревни, там, где проселочная дорога уходила под уклон в сторону леса, виднелся среди сосен мокро блестящий купол узкой, стрельчатой часовни.

Едва кончился ливень, но дождевые капли еще срывались с ветвей на проходившую мимо девушку. Катя давно вымокла до нитки и продрогла, и хотелось ей сейчас только одного: найти хотя бы ненадолго крышу над головой, где можно согреться и отдохнуть.

Часовня стояла возле небольшого кладбища. Увидев ряды могильных крестов за деревьями, Катя с досадой покачала головой и мысленно вознесла краткую молитву Богородице с просьбой уберечь от неприятной встречи. Взошла на залитое водой крылечко и толкнула отпертую дверь часовни.

В ноздри сразу ударил аромат ладана и горящего воска. Пылали свечи, зажигая золотистые блики на окладах икон, а посреди маленького помещения стоял на возвышении гроб.

Отпрянув, Катя торопливо осенила себя крестным знаменем. И тут же, не смущаясь святостью места, тихонько выругалась сквозь стиснутые зубы.

Гроб. И наверняка, не пустой. Она должна была догадаться об этом сразу, как только увидела, что дверь незаперта. Для чего же еще использовать кладбищенскую часовню, как не для того, чтобы содержать там покойника до погребения?

Но почему никого нет возле усопшего? Катя выглянула наружу, предположив, что человек просто отлучился на минуту, но поблизости никого не оказалось. Подождав несколько минут, она все-таки переступила порог и, собравшись с духом, приблизилась к постаменту.

В сколоченном из сосновых досок гробу лежала совсем юная девушка лет четырнадцати-пятнадцати. На ней был надет красный свадебный крестьянский наряд, расшитый мелким речным жемчугом. Из-под украшенного перламутром венца спускалась на грудь великолепная белокурая коса. Кукольно-хорошенькое личико было таким белым и нежным, что едва ли могло принадлежать крестьянке. Холеными оказались и сложенные на животе руки с длинными, изящными пальчиками, меж которыми была вложена зажженная свеча.

Катя смотрела на покойницу, не в силах отвести взгляда. Казалось, с каждым ударом сердца кровь все сильнее вымораживается в жилах и скоро застынет совсем, скованная леденящим, слепым страхом. И внезапно воспоминание об увиденном ночью сне яркой вспышкой озарило мозг: «Берегись мертвой невесты...»

Этого не может быть. Просто не может! Она бы никогда не поверила прежде. Но с прошлого дня, когда Смерть дышала ей в лицо, ожидая новую жертву, привычный мир рухнул. И детская уверенность в том, что она хозяйка своей судьбы, рухнула вместе с ним. «Mene, tekel, fares». И нет смысла льстить себя надеждой, что это не так. Вот она, мертвая невеста. Недолго же пришлось ждать встречи...

Катя встряхнула головой, пытаясь прийти в себя, и отступила на несколько шагов, тяжело переведя дыхание. Чем же может навредить ей эта несчастная, похожая на ангела малышка, которую так рано прибрал Бог? Почему нужно беречься ее? До сих пор она не верила в вещие сны, да никогда и не видела их прежде...

Разум был в полном смятении, суеверный страх и природная рассудительность

безуспешно боролись в нем. Как быть? Уйти, не тревожа покой усопшей, или все-таки остаться, отдохнуть и обогреться, как собиралась?.. Спаситель бесстрастно смотрел на нее с иконы. Ее мелкие, суетные метания не имели для Него никакого значения. И как бы ни поступила она — Господа и судьбу не обманешь...

И вместе с невероятной усталостью на Катю неожиданно навалилось чувство обреченности. Что ж, будь что будет...

Шагах в трех от гроба, у самого входа, стояла узенькая лавка. Распустив мокрые волосы, Катя улеглась на ней, повернувшись лицом к гробу. Жар от свечей, накаливший крохотную часовню, уже начал понемногу согревать ее, но, несмотря на это, она едва сдерживала колотящую все тело произвольную дрожь.

Сквозь неплотно прикрытые ставни струился тусклый дневной свет, но даже это не ослабляло цепкие объятия страха, которые сжимали ее сердце при каждом шорохе. Снаружи капли дождя время от времени вновь начинали барабанить по крыше, ветер с шумом гнал по земле опавшую листву. Здесь едва слышно потрескивали свечи и, глядя на этот магический квадрат из подсвечников, с четырех сторон окружавших гроб, Катя поняла, что не осмелится даже сомкнуть веки, чтобы подремать хоть четверть часа.

Она неотрывно смотрела на луч света, врывающийся в щель между ставнями, и думала о той, что лежит в нескольких шагах от нее на последнем смертном ложе. Несмотря на то, что незнакомка вполне могла оказаться крепостной, лишь воспитанной хозяйевами как благородная барышня, какое-то внутреннее чутье подсказывало Кате, что перед нею дворянка. Как ни странно сознавать это, но между ними было что-то общее. Они почти ровесницы, — Катя, должно быть, лишь чуть старше. И обеих жестокая судьба, презрев благородное происхождение, заставила одеться в крестьянское платье. А если бы не Драгомир, лежать бы и ей сейчас мертвой, — только на дне реки...

Так для чего же свела их судьба, — двух девушек дворянского сословия, попавших между Сциллой и Харибдой житейского моря, только одну живую, а другую мертвую? И как нашла свою смерть эта бедняжка?

Ответа не было. Суждено ли ей когда-нибудь раскрыть эту страшную загадку?.. И если все это — происки Лукавого, то избави Бог их души, — и свободную, и обремененную телом, — от вечного огня...

И хотя Катя не знала, умерла ли незнакомка внезапной смертью или же болела перед кончиной, на устах сама собой возникла молитва, которая не покидала ее мысли со вчерашнего дня:

— Неисповедимы судьбы Твои, Господи... Неизследимы пути Твои... Даяй дыхание всякой твари и вся от не сущих в бытие приведый, Ты овому посылаеши Ангела смерти в День, егоже не весть, и в час, егоже не чаает...

Но раньше, чем молитва была произнесена до конца, бессонная ночь и усталость все-таки взяли свое. И Катя сама не заметила, как заснула...

Она пробудилась, как от резкого толчка, как ей показалось, — в ту же самую минуту и, испуганно встрепенувшись, села. Сердце бешено колотилось. На первый взгляд, ничего не изменилось в часовне. Все так же сияли свечи, и домовина стояла на месте, но запах... Откуда этот запах гари?

На негнущихся ногах Катя с опаской подошла к гробу и бросила взгляд на тело девочки. Так и есть! Оплывшая свеча в ее руках прогнулась от жара, и огонек жадно лизал массивный серебряный браслет, обжигая и нежную, белую кисть. Торопливо, пока не занялась ткань

савана, Катя задула свечу и, выдернув ее из плотно сведенных пальцев умершей, отбросила прочь. Поколебавшись, нагнулась, чтобы заново аккуратно сложить ее руки. Но когда она, пересиливая страх и брезгливость, взяла эту изувеченную огнем ладонь, та неожиданно раскрылась, совершив едва заметное, но вполне ощутимое движение.

Катя похолодела. Не веря своим глазам, уставилась на пальцы мертвой девушки, которые задрожали и ожили, скользнув по ее руке.

С криком отшатнувшись от гроба, она опрокинулась на пол. И в наступившей тишине услышала тихий всхлип и серебристый голос, звук которого объял все ее тело беспредельным, мертвящим ужасом:

— Как больно... жжет...

* * *

Сердце готово было разорваться, но Катя не могла даже сдвинуться с места: руки и ноги не слушались ее, точно парализованные. И только сдавленный хрип вырвался из онемевшего горла, когда гроб заскрипел, маленькие руки схватились за его края и покойница медленно села. Распахнув огромные, голубые глаза и не замечая Катю, она сдернула с запястья раскалившийся браслет, прижала к губам пострадавшую руку и заплакала.

В этот миг снаружи послышался шум подъехавшего экипажа. Быстрые шаги простучали по крыльцу, скрипнула, отворяясь, дверь и Катя, уже в полуобморочном состоянии, уставилась на юношу в зеленой лакейской ливрее, который показался на пороге. При виде сидящей в гробу усопшей, он издал ликующий вопль:

— Она жива! Я же говорил, что она жива, а вы мне не верили! Ох, скорее же, барин!

Но, не дождавшись тех, чьи шаги уже слышались снаружи, юноша в три прыжка подбежал к постаменту и обожающе уставился на плачущую девушку. По его щекам тоже текли слезы. На забившуюся в угол Катю он не обратил ни малейшего внимания.

— Ну что за представление ты здесь устроил, Тимошка? Выдрать бы тебя, дурака! — недовольно проговорил, входя, красивый молодой человек в элегантном кафтане яркосинего сукна. Но при виде ожившей покойницы, рыдающей в гробу, он подался назад и торопливо перекрестился. — Господи Иисусе! Что за дьявольщина?

Его спутник, чопорного вида молодой мужчина в черном, тоже испуганно замер и побелел, едва переступив порог. Юный слуга по имени Тимофей, размазывая по щекам слезы, обернулся к своему хозяину:

— Я говорил вам, барин, говорил, что слышал, как бьется ее сердце! Оно билось так редко и тихо, что я с трудом уловил этот звук. Это летаргия, я читал о таком. Бывает, что люди засыпают сном, похожим на смерть, и случается, что их даже хоронят заживо! Боже, какое счастье, что этого не произошло!

Он снова обернулся к девушке, сияя восторженной улыбкой сквозь слезы, и от избытка чувств даже попытался припасть поцелуем к краю ее платья, но та с негодованием оттолкнула его:

— Не прикасайся ко мне! Господи, как же мне больно!.. А вы, Стрешнев, — она вскинула пылающие гневом глаза на молодого красавца в синем: — если бы я не очнулась, вы бы меня похоронили, да? Похоронили бы?..

Катя с трудом перевела дыхание. Произносимые слова проникали в ее мозг, словно

сквозь вагу, с трудом доходя до сознания. «Мертвая невеста» жива. Еще неизвестно, к лучшему ли это, но страх, почти лишивший ее воли и разума, постепенно начал рассеиваться. Теперь бы еще суметь выбраться отсюда...

В ответ на обвиняющие слова незнакомки, Стрешнев негромко кашлянул, в некотором замешательстве похлопывая тростью по мокрой коже своих ботфорт:

— Я вижу, вы не слишком удивлены положением, в котором оказались. Или вам не впервой просыпаться в гробу, милая Анна?

— А чему я должна удивляться? — грубо выкрикнула Анна, и ее прекрасное личико исказилось такой дьявольской злобой, что Катя невольно вздрогнула. — Я не могла вздохнуть, не могла двинуть ни рукой, ни ногой, но я прекрасно слышала, что происходит вокруг! Всё, с того самого момента, когда эта непонятная хворь вдруг одолела меня, а вы почему-то вообразили, что я умерла!

Стрешнев пожал плечами:

— Помилуйте, душа моя, а что я еще должен был подумать? Вы лежали пластом, бездыханная, словно хладный труп, и я решил, что ваше сердечко не выдержало... м-м-м... некоторых тягот, выпавших на вашу долю.

— И вы так легко смирились с этим? — с горечью отозвалась Анна. — Неужели все, что вы говорили мне, все ваши клятвы были ложью?

— Я не Господь Бог, если вы это имеете в виду. Легко, нелегко, — какая разница?

— А вам только того и надо было, чтобы я умерла и освободила вас от вашего слова! — сквозь слезы проговорила Анна. — Боже, что мне пришлось пережить! Я ждала, что меня вот-вот зароят в землю! И что за тряпье нацепили вы на меня?! — она с брезгливым недоумением осмотрела свой наряд. — Я вам что, девка сенная? А тут еще этот гадкий мальчишка, — она бросила полный отвращения взгляд в сторону то краснеющего, то бледнеющего Тимофея, — который сначала ощупал меня всю под предлогом того, что ищет пульс, а потом и вовсе бросил здесь одну!

— Но, барышня, — попытался оправдаться бедный юноша, — я и вправду искал пульс! Я не хотел верить, что вы умерли! И услышав, как бьется сердце, я побежал за господином, чтобы привести его сюда!

— Ты бросил меня и вот, вот что с моей рукой! Этот мерзкий ожог останется на всю жизнь! Какая ужасная боль! — простонала Анна, баюкая у груди обожженную руку, но внезапно остановилась. — Но ведь здесь кто-то был... Кто-то погасил этот проклятый огонь и трогал меня за руку...

Анна замолчала и медленно повернула голову в сторону Кати. И в наступившей тишине княжна испуганно сжалась, ощутив, как обращаются к ней взгляды всех присутствующих. Собравшись с духом, она поднялась на ноги и шагнула вперед. Голубые, заплаканные глаза Анны внимательно и придирчиво осмотрели Катю:

— Это ты? Ты погасила огонь?

Катя молча кивнула.

— О, благодарю тебя! — всхлипнула Анна и обернулась к Тимофею: — Хорошо, что ты хотя бы догадался оставить здесь при мне эту девушку! Если бы не она, я могла бы сгореть заживо. Боже, но ведь этот ожог, — она болезненно сморщилась, — благодаря ему я проснулась! — Она осенила себя крестным знамением и снова накинулась на Тимофея: — Ну что ты стоишь, как изваяние, помоги же мне вылезти из этой гадкой ступы!

Совершенно сбитый с толку, юноша поспешил исполнить приказание Анны, затем,

обернувшись к Кате, еще раз с недоумением осмотрел ее и заявил:

— Но я не оставлял здесь эту девушку! Я впервые ее вижу!

Стрешнев, который все это время молчал, не спуская пристального взгляда с лица Кати, отозвался:

— И я тоже впервые вижу ее. И даже не подозревал, что среди моих дворовых есть такая красотка.

С этими словами он шагнул к ней, и Катя, встревоженная его настойчивым взглядом, попыталась отступить. Стрешнев удержал ее за локоть и с бесцеремонной усмешкой, не лишенной, однако, оттенка восхищения, принялся изучать ее лицо.

— Великолепный экземпляр, — произнес он наконец.

Это был мужчина лет тридцати, небольшого роста, но отлично сложенный. Густые каштановые волосы, схваченные сзади бархатной лентой, обрамляли мужественный овал лица, красивее которого Катя не видела никогда в жизни. Глаза — как голубое серебро, и бестрепетный взгляд их проникает в самые глубины души; точеный римский профиль, дразнящая улыбка, полная несказанного обаяния и притягательная, как самый черный грех...

Катя смотрела на него, точно замороженная, с ужасом начиная понимать, что происходит что-то не менее страшное, чем воскресение из мертвых барышни по имени Анна. Еще не до конца догадываясь, что ее ждет, она в отчаянии осознала, что совершила чудовищную ошибку, по доброй воле надев крестьянское платье. И может случиться так, что эта ошибка ввергнет ее в пучину такой беды, выбраться из которой ей уже никто и ничто не поможет...

— Красавица, — окликнул ее Стрешнев с улыбкой, — как зовут тебя? Ну не молчи же, дай услышать твой прелестный голос. Или ты немая?

Катя попыталась ответить, но слова не шли с омертвевшего языка. Не дождавшись ответа, Стрешнев подытожил:

— Ну что ж, это отнюдь не делает тебя менее привлекательной! Немая красавица — это так манит и интригует, и она ни в чем не уступает обычным болтушкам, коим нет числа...

— Сильвестр Родионович, вы в своем ли уме? — звенящим голосом произнесла Анна, которой Тимофей бинтовал руку носовым платком. — Как вы можете... у меня на глазах?..

По-прежнему не сводя глаз с Кати, Стрешнев небрежно бросил:

— Анна, дорогая, не берите в голову подобные мелочи. Зимин, — окликнул он безмолвного мужчину, что стоял у дверей, — вы сопроводите нашу воскресшую мадемуазель в усадьбу, а потом нагоните меня в дороге. Тимошка, отправляйся с ними.

— Нет! Я никуда больше не поеду ни с вами, ни с вашими людьми! — задыхаясь от слез, дрожащая Анна бросила на него пылающий гневом взгляд. — Я вас знать больше не хочу! Прикажите, чтобы меня отвезли домой, и сделаем вид, что мы никогда не были знакомы!

Стрешнев резко обернулся к ней:

— Не поздно ли вы спохватились, дорогая? Я никуда вас не отпущу, не надейтесь. Хоть на краю света отыщу и верну то, что мне принадлежит.

— Я вам не принадлежу, и принадлежать не буду! Господи, как я была глупа, что верила вам, хотя о вас ходило столько темных слухов! Неужели это все правда?

Молодой человек коротко рассмеялся.

— Что, неужели эти слухи перестали приятно щекотать ваше невинное воображение?

— Довольно насмехаться надо мной! — закричала Анна, отталкивая руку Зимина. — Имейте мужество сказать прямо, что вы обманывали меня. Иначе, клянусь вам, в свете все

узнают, на что вы способны, и порядочные люди будут плевать, услышав ваше имя!

— Анна, дорогая, — сквозь зубы процедил Сильвестр Стрешнев, — советую не забывать, что вы не в том положении, чтобы угрожать мне.

— Вы не посмеете! — вспыхнула Анна. — По вас острог плачет, и я вам обещаю, что рано или поздно вы там окажетесь!

Рванув к себе разъяренную девушку, и наклонившись к самому ее лицу, Стрешнев отчеканил:

— Закройте свой маленький рот, мадемуазель. Вы, с вашими экзотическими болезнями, считай, порченный товар, и я очень сомневаюсь, чтобы мне удалось сбыть вас с рук. Так что, помалкивайте, если не хотите снова оказаться не только в гробу, но и в могиле!

— Что?.. Что?.. — побелев, как простыня, Анна затряслась в его руках, ловя воздух широко распахнутым ртом.

Стрешнев с перекошенным лицом почти швырнул ее в руки Зимину:

— Увози ее отсюда! Я сказал!

Подхватив обмякшую, почти на грани обморока, девушку, Зимин перенес ее через порог и скрылся за дверью. Задержавшийся Тимофей, поколебавшись, сообщил:

— Прошу простить меня, барин, но эта девушка не из дворовых и даже не из числа крестьян вашей милости. Иначе я бы знал ее.

Произнеся эти слова, он поклонился господину и последовал за ушедшими. Сильвестр Стрешнев и Катя остались вдвоем у опустевшего гроба.

— Вот как? — Стрешнев бросил удивленный взгляд на Катю. — Кто же ты? Неужели беглая?

Катя обмерла, но через мгновение поспешно замотала головой:

— Совсем нет, сударь, уверяю вас! Прошу, отпустите меня, я тороплюсь.

Приподняв брови в знак некоторого удивления, Стрешнев выслушал ее и задумчиво произнес:

— Хорошо поставленный голос... правильная речь... наружность цыганки и... — он властно взял ее за руку, и провел пальцами по бархатистой коже. — И ухоженные ручки. Интересное сочетание, — заключил он и осведомился: — Так кто же ты? Должно быть, содержанка какого-нибудь барина, которая сбежала от своего господина?

— Нет, это не так. Я просто отстала от своих родственников в пути и направляюсь в Москву, — сказала она первое, что пришло в голову.

— Как знать, как знать, — усмехнулся Стрешнев, придвигаясь к ней вплотную.

Катя попыталась оттолкнуть мужчину, но тот надежно перехватил ее руки:

— Ну нет, душа моя, не так быстро! Не торопись покинуть меня, нам еще есть что обсудить!

— Что вам нужно? — напрягая все силы, чтобы освободиться, в отчаянии выкрикнула Катя. — Я не беглая, оставьте меня в покое!

Ступени крыльца закрипели под тяжелыми, шаркающими шагами и на пороге, отдуваясь, появился немолодой, грузный священник в белой ризе. Его небольшие, удивительно живые глаза, прятавшиеся за стеклами пенсне, оглядели происходящее, и он многозначительно кашлянул.

Стрешнев, вскинувшийся было, при виде батюшки тут же успокоился:

— Ах, это вы, отец Адриан. Похороны откладываются.

— Да, я уже понял, Сильвестр Родионович, — покачав головой в знак изумления,

священник истово перекрестился: — Господь не допустил погребения заживо, отвел грех...

Не слушая его, Стрешнев выволок девушку из часовни, и двое гайдуков, стоявших подле массивной, темно-зеленой берлины, с готовностью шагнули ему навстречу. Поодаль готовилась к отъезду коляска, в которой Тимофей, с помощью еще одного лакея, устраивал находившуюся в глубоком обмороке Анну.

— Она поедет с нами, — небрежно обронил Стрешнев, передавая сопротивляющуюся Катю с рук на руки гайдукам. — Позаботьтесь, чтоб не сбежала, но поаккуратнее, поняли?

— Все будет исполнено, барин, не извольте беспокоиться, — заверил хозяина один из гайдуков, сгребая девушку в медвежьи объятия и с любопытством разглядывая ее.

— Свяжем по рукам и ногам, — подтвердил второй.

— Отпустите меня! — Катя забилась и закричала на всю округу, изо всех сил пытаясь вырваться из рук лакеев, но все было безуспешно. Крепкие веревки начали методично опутывать ее запястья.

— Сильвестр Родионович, — решился спросить священник, до сих пор в недоумении молчавший, — в чем провинилась эта девица?

В душе Кати встрепенулась надежда.

— Эта девка — беглая крепостная и я везу ее в полицию, — надменно отозвался Стрешнев. — Вы что же, будете защищать ее против закона, отец Адриан?

— Это неправда, я не беглая, он лжет! — запротестовала Катя и добавила, с мольбой обращаясь к священнику: — Отче, помогите мне, прошу вас! Меня хотят насильно увезти, но я не принадлежу этому господину и я ни в чем не виновата!

Ободряюще кивнув ей, батюшка изрек добродушным, хриплым басом:

— Я попробую помочь вам, дочь моя, — он обернулся к Стрешневу и взгляды обоих мужчин скрестились, как остро отточенные шпаги. — Прощу вас, Сильвестр Родионович, отпустите девицу, побойтесь Бога.

— Вы смеете указывать мне? Вы? — Стрешнев посмотрел на священника, как на помешанного. — Вы бы лучше преподали этой лгунье урок христианского смирения, как следует доброму пастырю!

— Мне думается, девица говорит правду, — слегка улыбнулся отец Адриан. — Отпустите ее, Сильвестр Родионович, будьте милосердны.

— Не вмешивайтесь, отец Адриан! — заорал Стрешнев. — Какое вам до всего этого дело? Убирайтесь отсюда! Пусть в полиции решают, беглая она или нет!

Священник упрямо покачал головой и, после некоторого колебания, тихо, но решительно произнес:

— И не надейтесь, заблудший сын мой. Вы везете эту девицу отнюдь не в полицию. Если вы сию минуту не освободите ее, обещаю вам: я сообщу властям о том, что ваша гостья, которую вы едва не похоронили заживо, совсем не крестьянка, за которую вы ее выдаете, а похищенная вами барышня благородного сословия.

Стрешнев в бешенстве пробуравил глазами чуть дрогнувшее, но по-прежнему стоически спокойное лицо священника. Гайдуки, державшие Катю, застыли, не сводя глаз с хозяина и зарвавшегося батюшки. Замерла и Катя, со страхом ожидая, что же произойдет.

— Вы и об этом уже знаете? — усмехнувшись, Стрешнев сокрушенно покачал головой, хлопнул ладонью по набалдашнику трости и со зловещей мягкостью протянул: — Ах, отец Адриан, какую грубую ошибку вы совершаете, кусая руку, кормящую вас. Непоправимую ошибку! А за свои ошибки надо отвечать...

Трость в его руке взметнулась вверх и тяжелый, окованный металлом конец, со свистом разрезав воздух, обрушился на священника.

При звуке удара и отчетливом хрусте костей, Катя захлебнулась собственным криком, вся во власти панического животного ужаса. Обливаясь кровью, отец Адриан с глухим стоном упал на колени, но Стрешнев не прекратил избиения. Словно озверев, он ударял тростью снова и снова, то по трясущейся спине в залитой кровью ризе, то по лицу, которое на глазах превращалось в бесформенное, багровое месиво, пока священник не затих, судорожно вцепившись руками в траву.

— Зимин, — рявкнул Стрешнев, отбрасывая трость, — заведи этого старого дурака, и пусть посидит в холодной до моего возвращения, может, малость поуменеет. А потом я сам решу, что с ним делать!

— Все понял, сударь, — не моргнув глазом, Зимин почтительно кивнул.

Когда слуги поволокли по земле неподвижное тело священника, Катя с силой оттолкнула увлекшихся зрелищем гайдуков и, как была, со связанными руками, помчалась к лесу. Страх отчаянно гнал ее вперед и, услышав окрик Стрешнева и тяжелый топот ног за спиной, она напрягла последние силы, пытаясь уйти от преследователей. Но тщетно. Сильный толчок в спину и девушка растянулась на мокрой траве, сжавшись от ужаса.

Взяв за шкуру, словно котенка, гайдуки рывком поставили ее на ноги.

— Добегалась, шлюха, — ухмыльнулся один, смачно шлепая ее по ягодицам.

Катя молчала, точно окаменев. Под безмятежно-спокойным взглядом Стрешнева, который посвистывал сквозь зубы, стоя спиной к неподвижному телу отца Адриана, гайдуки дотащили девушку до берлины и впихнули в салон.

— Едем в Тверь, — объявил Стрешнев, в свою очередь, садясь в карету, и лучезарно улыбнулся Кате. — Смотрите в оба на дорогу, и не пропустите карету баронессы, если она вдруг появится. Каждому отсыплю по пятиалтынному, если мне удастся встретиться с этой дамой!

— Будет исполнено, барин!

Дверца захлопнулась, и Катя вздрогнула от этого звука, затравленно глядя на Стрешнева. Перед нею сидел дьявол, извергнутый преисподней, теперь она знала это совершенно точно.

Берлина сдвинулась с места и покатила по дороге.

Глава 5. Торговец редкостями

Расположившись на подушках кареты, Стрешнев со сдержанной брезгливостью рассматривал свою перепачканную пленницу, которую гайдуки положили прямо на пол, к его ногам. Сверху они накрыли ее сравнительно чистой лошадиной попоной, — от чужого глаза, или же, чтобы не оскорблять тонкий эстетический вкус хозяина.

Кончиком хлыста Стрешнев сдвинул попоны, открывая лицо девушки. Она лежала, вынужденно упираясь лбом в обтянутый запыленным бархатом край сиденья и едва не касаясь подбородком сапог своего мучителя.

Катя плакала, не в силах сдержать слез. Все дрожало в ней от унижения и отчаянного страха перед Стрешневым, преодолеть который она была не в силах. Изувеченное лицо отца Адриана так и стояло перед глазами, напоминая о том, что, возможно, ждет и ее. Выживет ли он после этих чудовищных побоев? Или смерть станет для него куда более милосердным избавлением от мук?

Между тем, ее собственная участь была не менее печальной и куда более туманной. Куда везет ее этот негодяй? И чего он хочет от нее? В памяти всплыли его слова о какой-то баронессе, и Катя невольно поежилась. Неужели речь шла о ее недавней спутнице? Едва ли. Что может быть общего у милой Габриэлы с этим вырожденком рода человеческого?

— Ну полно лить слезы, душа моя, — нарушил молчание молодой человек, — это становится скучно.

— Что вы хотите от меня? — шмыгая носом, выговорила Катя.

— Все, что я от тебя хочу, я сумею получить, будь спокойна. А теперь, слушай меня внимательно, — Стрешнев наклонился к Кате, и она уловила тонкий аромат гвоздики и нюхательного табака, исходящий от него. — Ты отныне принадлежишь мне. Возможности сбежать у тебя больше не будет, так что, даже не думай об этом. Будешь послушна, — останешься жива. А если проявишь непослушание, никто никогда не узнает, в какой грязной яме будут тлеть твои кости. — он мило улыбнулся. — Ты поняла меня?

Кате опять вспомнился несчастный священник, и она нервно сглотнула. Способа бежать от этого безумца она не видела, — по крайней мере, пока. Без посторонней помощи ей не обойтись, но смельчаков, готовых выручить ее, все равно не найдется. Так что, пренебрегать угрозами такого, как Стрешнев, явно не стоило.

Но гордость, еще жившая в глубине смертельно напуганного сердца, не позволила ей смиренно согласиться. Она промолчала и тогда Стрешнев, приподняв ее голову за подбородок, властно произнес:

— Не испытывай мое терпение, красавица! Отвечай!

Его пальцы сжимали подбородок, словно клещами, и Катя не выдержала:

— Да! Да, я поняла.

— Вот и умница. А теперь открой рот.

Увидев в его руке свернутый платок, она взмолилась:

— Пожалуйста, не делайте этого! Обещаю, я не буду кричать...

— Разумеется, не будешь, — усмехнулся Стрешнев. — Кричать с кляпом во рту крайне затруднительно.

В следующее мгновение платок оказался у нее во рту. Она всхлипнула, едва не подавившись, дышать стало очень трудно. Закончив, Стрешнев тщательно вытер пальцы и

откинулся на подушки.

Катя едва удержалась, чтобы не заплакать снова. Но ее мучитель, сделав предупреждение, оставил ее в покое. Усладив ноздри понюшкой табаку, извлеченного из табакерки с обнаженной нимфой на крышке, он отвернулся к окну и, казалось, забыл о девушке.

Ее связанные руки и ноги уже затекли, и невозможность переменить положение тела или хотя бы вытянуться во весь рост, была просто невыносима. Катя попыталась устроиться поудобнее, и постепенно ей удалось принять наименее мучительную позу. Высокие рессоры берлины немного смягчали тряску дороги для того, кто ехал с комфортом, но Катя ощущала спиной и затылком каждую неровность пути и невероятно страдала от боли и ломоты во всем теле.

Прошло совсем немного времени, когда берлина внезапно остановилась, и снаружи послышались голоса. А вслед за тем дверца распахнулась, и в салон забрался памятный Кате господин в черном. Садясь, он нечаянно наступил на нее, и девушка сдавленно замычала.

— О, бедняжка, — Зимин явно смутился, и его лицо приняло виноватое выражение. — Тысяча извинений...

Стрешнев усмехнулся:

— Это временные неудобства, друг мой. Ну что, как наши дела?

— Все исполнено, Сильвестр Родионович, — почтительно отозвался Зимин, осторожно разглядывая Катю. Его скользкий взгляд и привычка поминутно облизывать тонкие губы, были так неприятны, что девушка поспешно отвела глаза. Впрочем, она и не стремилась разглядывать происходящее. Для этого ей приходилось так усиленно скашивать взгляд, что в конце концов у нее закружилась голова. — Наша юная протеже под замком и ее будут надежно охранять.

— А отец Адриан?

Зимин со вздохом перекрестился:

— Отошел батюшка, царствие ему небесное...

Стрешнев пожал плечами:

— Ну что ж, тем лучше.

Катя прикрыла дрогнувшие веки. Вот и кончились мучения для отца Адриана... Еще одним добрым и мужественным человеком на земле стало меньше. А то, что мужество отца Адриана и вправду велико, она прекрасно понимала...

Любой сельский священник зависел от произвола окрестных дворян-землевладельцев и едва ли имел намного больше прав, чем их же крепостные. В их власти было заставить священнослужителя идти против совести, венчая браки в ненадлежащей степени родства, они могли отобрать у него землю, согнать с места, даже затравить собаками ради забавы или забить плетью. Архиереи, как правило, были глухи к жалобам приходских священников, оставаясь на стороне землевладельцев... Так что, лишь у немногих хватало отваги противостоять дворянину, на стороне которого были и власть, и деньги, и закон, купленный на эти деньги.

Сколько бы лет не ожидало ее впереди, она до конца дней своих будет почитать этого праведника и молиться за его душу. Но пока у нее нет сил думать о том, что отец Адриан погиб по ее вине, как и те трое, что сопровождали ее в пути. Не сейчас, иначе она просто сойдет с ума...

— А какие у вас планы в отношении этой смугляночки, Сильвестр Родионович? —

прервал ее размышления вкрадчивый голос Зимина.

— Что, приглянулась? — усмехнулся Стрешнев. — Ничего, перебьешься, слишком хороша для тебя. Думаю предложить ее Буяну вместо Таис, если только он согласится. Ох, и попал же я в переплет по вине этой дряни Таис! Теперь, если баронесса откажется помочь мне, одна надежда — что Буян растает при виде прелестей этой девицы и забудет эту историю...

Взгляды обоих мужчин снова обратились к Кате.

— Она способна свести с ума любого, — с некоторым смущением высказался Зимин и зарумянился, как девушка.

— Думаешь? — небрежно отозвался Стрешнев, продолжая бесцеремонно разглядывать Катю. — Ну, это тебе достаточно смазливенького личика, а Буяну этого мало, ему нужно идеальное тело и горячая кровь. Пока на ней эти тряпки, ни в чем нельзя быть уверенным. Вот приедем в Тверь, отвезем ее к Лулу, и тогда посмотрим, что скрывается за этой дерюгой...

Катя слушала этот разговор с все возрастающим ужасом. Разрозненные стекляшки мозаики наконец-то сложились в ее голове в единую картину, заставив ужаснуться еще сильнее. Отец Адриан был прав. Этот человек и не собирался везти ее в полицию. Судя по всему, ее истинное происхождение его вообще не волновало.

Об отношениях между мужчиной и женщиной Катя была осведомлена вполне неплохо. Покойная мадемуазель Дюбуа, конечно, не допустила бы такой порочной осведомленности, но Катина кормилица, обожаемая ею Ульяна, придерживалась мнения, что девушке следует знать об опасностях этого мира, чтобы избежать их. Поэтому Кате было известно о существовании и содержаниях, и борделей, куда попадают неразумные девушки, потерявшие свое доброе имя. Но вот о мужчинах, которые похищают красивых девушек ради наживы, она никогда прежде не слышала. И тем отвратительнее оказалось для нее это открытие...

— А как вы предполагаете, сударь, где сейчас может быть баронесса? — спросил между тем Зимин.

— Кто знает? Со слов станционного содержателя в Торжке, она провела там сегодняшнюю ночь и утром отправилась дальше. Я очень надеюсь, что мы нагоним ее до Твери, ну а если нет, — Стрешнев бросил взгляд на Катю, — вся надежда на эту цыганочку. Уповаю на то, что она придется по душе Буяну.

— А если нет?

— А если нет, пусть ей поможет Бог. Я отдам ее первому, кто предложит хоть мало-мальски приемлемую цену.

Катя тупо слушала разговор, уже почти не воспринимая услышанного. Происходящее с каждой минутой все больше походило на кошмарный сон и поверить в то, что это правда, было просто невозможно... Только упоминание о почтовой станции в Торжке острой иголкой укололо мозг. Что это, совпадение?..

— Отдать так легко такую красавицу? — задохнулся Зимин.

Стрешнев рассмеялся. У него был на редкость мелодичный смех, которому низкий, грудной, удивительно красивого тембра голос, придавал теплую и выразительную окраску.

— Я вижу, ты к ней и вправду неравнодушен. Ну хорошо, так и быть, я подарю ее тебе. Если она не приглянется Буяну и на нее не найдется других покупателей...

Застенчиво поглядев на Катю, Зимин нерешительно улыбнулся ей, и девушка поспешно закрыла глаза. Ее уже начало тошнить при виде этой постной физиономии с масляными

глазами тайного эротомана.

Неожиданно снаружи послышался громкий возглас и кто-то, — очевидно, один из стоявших на запятках берлины гайдуков, постучал в кузов, крича:

— Стой, стой! Барин, это экипаж госпожи баронессы, я узнал его!

Подскочив, словно на иголках, Стрешнев забарабанил в переднее окошечко кучеру, но берлина уже замедлила ход и наконец остановилась. Распахнулась дверца и сияющий гайдук сунул голову в салон:

— Она следует за нами, барин!

— Ты не путаешь? — Стрешнев выпрыгнул на дорогу, не дожидаясь, когда опустят ступеньку. — Не может быть, чтобы мы опередили ее... Верно, это она. Где же она была все это время?.. — он снова заглянул в салон: — Зимин, головой отвечаешь за эту девушку!

— Не беспокойтесь, сударь, — помощник поспешно закивал.

Гайдук захлопнул дверцу, и Катя осталась наедине с Зиминым. Тот отодвинул занавеску, опустил окно, видимо, чтобы иметь возможность слушать разговор и, застенчиво кашлянув, покосился на Катю.

— Такая нежная, — промурлыкал он, склоняясь над ней. — Такая красивая...

Девушка, не скрывая омерзения, смотрела на приближающуюся к ее лицу дрожащую руку.

— И ласковая, да? — очень осторожно, словно перед ним была разъяренная кошка, Зимин провел холодными пальцами по Катиной щеке.

Между тем, стоя посреди почтового тракта, по обе стороны которого возвышались стройные мачты бесконечных сосен, Стрешнев в нетерпении смотрел на приближающуюся почтовую карету. Его берлина загородила дорогу так, что карета в любом случае вынуждена была бы остановиться. Ямщик загодя натянул вожжи, бегущие резвой рысью лошади перешли на шаг и наконец остановились. Смолк дребезжащий колокольчик. И кипевшая от бессильной злобы Катя, лицо и волосы которой продолжал упоенно гладить Зимин, едва не подпрыгнула, услышав до боли знакомый голос с едва уловимым акцентом:

— Что случилось? Почему мы стоим?

* * *

Без всякого сомнения, это был голос Габриэлы Канижай. И даже слова те же самые, которые она произнесла тогда на берегу Тверцы, — слово в слово... Ее послал сюда сам Господь! Только вот как дать знать о себе?..

Но заколотившееся сердце в тот же миг болезненно сжалось, пораженное внезапной мыслью: если Габриэла водит знакомство с такими, как Стрешнев, стоит ли надеяться на ее помощь? Зимин, прервав свои нехитрые манипуляции, повернул голову к окну и прислушался к разговору. И Катя тоже насторожила слух.

Тем временем, Стрешнев, сняв треуголку, с улыбкой отвесил изысканный поклон выглянувшим из окон Габриэле и Оршолу:

— Дорогая баронесса, прелестная мадемуазель Есенская! Несказанно рад встрече! Простите великодушно, что задерживаю вас в пути...

Серьезное веснушчатое личико Оршолы слегка порозовело при виде молодого человека, но в следующую секунду она надменно вздернула маленький подбородок и

пренебрежительно отвернулась от окна.

— Стрешнев, вы? — удивление Габриэлы сменилось ледяным холодом, как только она узнала стоявшего перед ней мужчину. — И у вас хватает наглости приближаться ко мне? Что вы хотели? Говорите и убирайтесь с дороги.

— Сударыня, — с улыбкой запротестовал Стрешнев, — за что же такая немилость?

— Я уже не первый раз объясняю вам, сударь: я не подаю руки торговцам людьми и не желаю иметь никаких дел с такими, как вы!

— Фи, мадам Канижай, какие вульгарные слова! — картинно поморщился Стрешнев. — К тому же, они не имеют ко мне никакого отношения. Я — торговец редкостями.

Габриэла безжалостно рассмеялась:

— Стрешнев, вашему бесстыдству просто нет предела! Какими редкостями, что за бред?

— В наше время, когда оспа не щадит ни молодости, ни красоты, женщины, чьи черты не только не изуродованы этой болезнью, но еще и прекрасны, стали редкостью, — с ослепительной улыбкой отозвался Стрешнев. — Разве не так, дорогая баронесса?

— Ну все, довольно, — отмахнулась Габриэла, — я не собираюсь перекидываться с вами остротами, словно при игре в мяч. Я спешу. Какое у вас дело ко мне?

Стрешнев огляделся по сторонам:

— Быть может, мы могли бы поговорить в салоне вашего уютного экипажа?

— Нет, не могли бы, — отрезала Габриэла. — Говорите здесь, только покороче.

Следя краем глаза за Зиминым, Катя продолжала прислушиваться к разговору. На душе немного полегчало, когда она поняла, что отношения между баронессой и ее мучителем были далеки от дружеских. Но, тем не менее, в этой беседе оставалось немало странного. Но к черту все странности, как же ей подать знак, что она здесь? Катя замычала и забилась между сиденьями, но едва ли ее стоны и производимый ею шум были услышаны за пределами берлины. Собеседники слишком увлечены разговором...

— Что ты делаешь, глупенькая? — испуганно зашептал Зимин, наваливаясь на нее и прижимая к полу.

Улыбаясь застывшей, пугающей улыбкой, он откинул попону и принялся медленно расстегивать одну за другой пуговицы на Катином армяке. Судорожно впившись зубами в кляп, девушка смотрела, как снуют над ней его трясущиеся пальцы, как тяжело дышит он, и наливаются черным безумием бесцветные глаза. Господи, что он задумал?

А между тем Стрешнев торопливо продолжал, немного понизив голос:

— Вы помните девицу Таисью, которая когда-то была вашей воспитанницей, мадам? А потом...

— А потом вы сбили ее с пути истинного. Разумеется, помню. И что с того?

— Дело в том, что у Таис с самого начала были весьма порочные наклонности, и собственно говоря, теперь они вышли мне боком. Я устроил судьбу Таис, поручив заботу о ней весьма уважаемому и почтенному человеку...

Слушавшая его Габриэла презрительно засмеялась:

— Это просто восхитительно! Вы находите для своего грязного ремесла такие благородные эпитеты, что я просто диву даюсь...

Эта насмешка заставила Стрешнева гневно сжать челюсти, но он по-прежнему держал себя в руках и продолжил, словно его никто не прерывал:

— Но Таис оказалась крайне неблагодарной, обманула и его, и мое доверие. Она сбежала от своего благодетеля, прихватив с собой огромную сумму денег.

— И теперь он требует от вас возмещения убытков? — Габриэла откровенно захохотала в лицо Стрешневу. — Чем же я могу помочь вам?

— Вы должны знать, где она может скрываться. Скажите мне, и я буду перед вами в вечном долгу!

Габриэла равнодушно пожала плечами:

— Сказать? Я могу сказать, но уверяю, это нисколько не приблизит вас к желанной цели. Забудьте о Таисье и ищите другой способ возместить убытки.

— Вы знаете, где она? — вскинулся Стрешнев. — Я прошу вас, баронесса, скажите мне! Если вы не скажете, моя жизнь не будет стоить ни гроша!

Баронесса молчала. Подождав несколько мгновений, Стрешнев отступил от кареты, словно готовый смириться. Его безупречно красивое лицо, утратив светскую маску, стало совсем юным и трогательно-беззащитным. И Оршола, тайком наблюдавшая за ним из глубины кареты, негромко проговорила:

— Габриэла, скажи ему. Пусть он знает!

— Хорошо, — сухо отозвалась баронесса. — Как ни странно, нас с вами свела здесь одна и та же забота, Стрешнев...

Продолжение беседы прошло мимо сознания Кати, потому что Зимин, покончив с пуговицами, запустил руку под ее душегрею и принялся так активно щупать тело, что она едва не проглотила кляп. Задыхаясь от отвращения, девушка собрала все силы и, приподняв голову, ударила лбом в нависшее над ней распаленное от страсти лицо.

Зимин заорал от боли так громко, как это только было возможно, и поспешно отпрянул от Кати. Из носа у него пошла кровь. Ее голова тоже раскололась тупой болью, но девушка не обратила на это никакого внимания. Только бы Габриэла услышала и поняла...

Услышав этот душераздирающий вопль, Стрешнев едва не бросился к своей берлине, прерывая разговор, но удержался.

— А это что еще? — вздрогнула баронесса и высунулась из окна, пытаясь разглядеть стоящую впереди берлину. — Что там у вас происходит? Что за крики? Боже милосердный, Стрешнев, вы что, торгуете теперь и мужчинами?

— Ну что вы, баронесса, какие глупости! — Стрешнев через силу улыбнулся. — Это всего лишь мой секретарь. Он страдает каталепсией, бедняга, и когда выходит из приступа, всегда страшно пугается и стонет, случается, даже кричит.

— Бог с вами, избавьте меня от подробностей! — отмахнулась баронесса. — Итак, я рассказала вам все, что знала, а теперь освободите дорогу и пропустите нас.

— Да, разумеется, — угрюмо кивнул Стрешнев. — Я ваш вечный должник, баронесса. Мое почтение, мадемуазель Есенская...

Не обращая внимания на Зимина, который, всхлипывая, запрокинул голову и прижал платок к пострадавшему носу, Катя, не веря своим ушам, прислушивалась к разговору. Этого не может быть! Неужели Габриэла и Оршола сейчас уедут?

Она надеялась до последней секунды. Баронесса негромко произнесла что-то по-венгерски, обращаясь к дочери, потом с глухим стуком поднялась оконная рама. Дверца берлины распахнулась, вызвав бешеное сердцебиение в груди Кати, но в салон с перекошенным от злобы лицом втиснулся Стрешнев. Гайдук захлопнул за ним дверь, снаружи хлестко ударили вожжи, и берлина, покачиваясь, двинулась вперед. Последняя ее надежда на спасение рухнула...

Стрешнев окинул пылающим яростью взглядом Зимина и Катю.

— Что здесь происходит? — прошипел он. — Кретин, ты что, другого времени не нашел?

Вне себя от гнева, он наотмашь ударил секретаря по щеке. Тот вздрогнул, закрываясь руками, и неожиданно расплакался.

— Прекрати! — грубо заорал Стрешнев. — Распустил нюни, тряпка! Не уймешься, сейчас выкину на дорогу к чертовой матери, под копыта лошадям!

Катя, лежавшая в полурасстегнутой одежде, прикрыла глаза, чтобы не видеть его искаженного злобой лица, в котором уже не осталось ничего человеческого. Зимин покорно затих, но Стрешнев долго еще бесновался, изошряясь в крайне непристойной ругани. Досталось не только секретарю, но и баронессе с дочерью. От подробного описания всех способов насильственного сношения, которым он собирался подвергнуть Габриэлу и Оршолу, Катю едва не стошнило. Но показалось ли ей или в самом деле в голосе Стрешнева, когда он говорил об Оршоле, звучали чуть ли не мечтательные нотки давнего, неистового вожделения, а не одного лишь желания выплеснуть злобу через грязные слова?

— А ты, дрянь, — он потряс судорожно сжатым кулаком перед самым лицом зажмурившейся Кати, — благодари Бога, что рожа смазливая, иначе бы в кровь разбил! Ничего, ты меня еще попомнишь! Сразу трое на тебе ездить будут, так что света белого не взвидишь!

— О, сударь, — всхлипнул Зимин, — это моя вина, не ее! Прошу, не наказывайте смугляночку!

— Закрой рот! — взвился Стрешнев. — Убью, как собаку!

Но наконец буря негодования подошла к завершению. Отхлебнув немного белого вина, поспешно налитого ему Зиминим в бокал из дорожного набора, молодой человек забил в ноздри порцию табака, чихнул и успокоился. Налитое кровью лицо постепенно приобрело естественный оттенок легкой смуглости, из прекрасных, серо-голубых глаз ушло выражение бешеного безумия, черты разгладились, и только чувственные губы остались недовольно поджатыми.

Как ни странно, Зимин первым отважился нарушить воцарившуюся тишину, заговорив со своим суровым господином:

— Сильвестр Родионович, я осмелюсь спросить... сообщила ли баронесса что-нибудь утешительное?

— Нет, — после паузы буркнул Стрешнев, не глядя на него. — Бита карта. В тюрьме Таис, в Вышнем Волочке, за убийство. И когда успела, тварь, и от Буяна сбежать с деньгами, и нового любовника угробить?.. Так что, если и были при ней какие-то деньги, где их теперь найдешь... Все в полицейских карманах увязло!

— Что же баронесса, — обдумав услышанное, робко продолжил Зимин, — не сумела помочь своей бывшей воспитаннице?

— Ну, как видишь, ездила к ней и даже стряпчего наняла в деле разобраться, — угрюмо отозвался Стрешнев. — Только безнадежно там все, как я понял... В общем, если смуглянка твоя не приглянется Буяну, он меня прикончит.

— Да разве ж это ваша вина, Сильвестр Родионович? — отозвался Зимин, печально посмотрев на Катю. — С Таисьи спрос, не с вас!

— Поди скажи ему это, когда он меня четвертовать начнет, — горько усмехнулся Стрешнев. — Все, Игнат, кончен разговор, не трави душу...

В салоне наступила долгая тишина, и Катя прислушалась к звукам извне, пытаясь

определить, следует ли за ними карета мадам Канижай, или же отстала. Иногда ей казалось, что слабое, едва слышное дребезжание почтового колокольчика прорывается сквозь грохот колес и стук лошадиных копыт, но было ли это на самом деле или лишь в ее воображении, — кто знает. Впрочем, раз Стрешнев, по его словам, едет в Тверь, баронессе с ним по пути, так что она волей-неволей должна следовать той же дорогой.

Вспомнив о Габриэле, Катя вновь углубилась в подробности услышанного давеча разговора. Разговор этот и вправду казался очень странным, если призадуматься. Стрешнев по его внешнему виду и манерам выглядел отнюдь не провинциалом, следовательно, он вращается в том же кругу, что и баронесса, и они достаточно коротко знакомы. Даже если Стрешнев ведет двойную жизнь, скрывая от света свои темные дела, то откуда баронесса так много знает о нем? Будь она дамой с безупречной репутацией, она ни секунды лишней не задержалась бы с ним рядом...

Но, как бы то ни было, сейчас Катя была бы счастлива оказаться в обществе этой загадочной и непредсказуемой женщины, лишь бы подальше от Стрешнева. Ее ум лихорадочно работал, пытаясь отыскать способ спастись. Лицо Зимины, с распухшим носом, маячило перед ней, и Катя неожиданно всерьез задумалась. В этом опасном дуэте Зимин явно был ненадежным звеном, на которое можно попытаться надавить, чтобы порвать сковывающие ее цепи. Он труслив, малодушен, не слишком умен и, — самое главное, — незлобив и расположен к ней. Если ей удастся остаться с ним наедине, она может попытаться обмануть его и бежать.

Вот только что ей придется вытерпеть, если даже за пять минут, проведенных наедине с ней, он успел ощупать ее всю? Катя поежилась. Ну решай, мысленно одернула она себя через минуту, этот слюнявый идиот с его липкими тараканьими лапками, или тот, кого называют Буяном? Каким же чудовищем является он, если перед ним трепещет сам Стрешнев?

Но, как ни странно, страха она больше не ощущала. Спасительное тупое оцепенение разливалось по измученному телу. Веки отяжелели. Спать, только спать. Вот все, что ей нужно сейчас. Несколько часов сна на подпрыгивающем полу кареты не придадут бодрости ее телу, но, несомненно, дадут отдых находящемуся на грани безумия рассудку. А когда придет время, она подумает о том, что может сделать для своего спасения...

Девушка уже погрузилась в неглубокий, тревожный сон, когда Зимин негромко проговорил:

— Сильвестр Родионович, она, кажется, заснула... Место здесь глухое, жилья нет, может быть, возможно вытащить кляп, пока она спит, а то не дай Бог, задохнется, бедняжка...

— Да, пожалуй, — после паузы глухо отозвался Стрешнев. — Мертвая девка нам ни к чему. Вытащи.

Сквозь сон Катя ощутила, как ненавистную тряпку вынимают у нее изо рта и успокоенно вытянулась, раскрыв рот и восстанавливая дыхание. Зимин смотрел на нее с умиленным выражением лица и, казалось, был готов часами не сводить с нее глаз...

* * *

Катя проснулась, когда берлину особенно сильно подбросило на очередном ухабе. Головная боль и ломота во всем теле сразу напомнили ей о том, что все происшедшее —

отнюдь не дурной сон, а горькая явь, и сердце мучительно сжалось.

Она не знала, сколько прошло времени, но сквозь сомкнутые веки ей показалось, что пасмурное осеннее солнце едва светит в окна экипажа, значит, приближается вечер. И в скором времени они придут, если еще не прибыли, в Тверь. Отсутствие кляпа она почувствовала сразу, но для того, чтобы начать кричать, надо было набраться мужества: мощный кулак Стрешнева так и стоял у нее перед глазами. Она прислушалась к негромкому разговору своих спутников, стараясь не подавать виду, что проснулась.

— ...Оршоло Есенская — чудесная барышня и она могла бы составить ваше счастье, Сильвестр Родионович, — услышала она голос Зимина.

— Могла бы, — хмуро отозвался Стрешнев. — Только каждый раз при встрече она смотрит на меня так, словно я грязь под ногами.

— Мне думается, это только видимость, — мягко возразил секретарь. — Если бы вы были понастойчивее в своих ухаживаниях...

Он не успел договорить. Берлина, подпрыгнув в очередной раз, замедлила ход и остановилась. В салон заглянул один из гайдуков:

— Барин, коренной сильно хромает, подкову потерял. До гостиницы не дотянем, а почтовый двор в двух шагах, там и кузнец должен быть.

— Хорошо, едем туда, — кивнул Стрешнев и, когда движение экипажа возобновилось, приказал помощнику вернуть кляп на место.

Зимин сделал это беспрекословно, но с видимой неохотой. Когда свернутый платок снова оказался у нее во рту, Катя открыла глаза и с упреком посмотрела на своего мучителя. Смешавшись под ее взглядом, Зимин виновато улыбнулся и вернулся на свое место. И уже больше не сводил с девушки жадного, восторженного взгляда. Катя удовлетворенно прикрыла веки. Если Господь пошлет ей хоть немного удачи, то с помощью этого хлипкого человечка она выберется из ловушки.

Они благополучно миновали заставу. Дежурный офицер лишь мельком глянул в окошко кареты, не интересуясь, что за груда лошадиных попон лежит на полу, тем более, что голову Кати предварительно закрыли. Заскрипел, поднимаясь, шлагбаум, а спустя несколько минут лошади остановились, въехав, по всей видимости, на почтовую станцию. Невнятная перебранка ямщиков, фыркание усталых лошадей и недовольный голос какого-то проезжающего, который распекал зрителя за отсутствие свободной тройки, доносились из окна.

— Барин, — в дверь снова нерешительно заглянул гайдук, — не прогневайтесь, смею напомнить про пятиалтынный обещанный...

Стрешнев, как видно, уже совершенно упавший духом, со вздохом покачал головой, достал было не слишком туго набитый бархатный кошель, но развязывать не стал, передумал. Нагнулся к напрягшейся Кате и, нащупав у нее на шее гайтан с золотым крестиком, без колебания разорвал скрепленные концы и кинул его слуге:

— Держи.

— Благодарствуйте, барин! — разглядев трофей, гайдук поклонился и, улыбаясь до ушей, скрылся из виду.

Возмущение, вспыхнувшее в душе Кати, быстро погасло. Что ей этот крест, сохранить бы жизнь... Стрешнев снова накинул попону ей на лицо, хотя она и так едва дышала.

— Карета баронессы, — объявил выглянувший в окно Зимин. — Вот удобный случай для вас ближе познакомиться с мадемуазель Оршолой...

— Не сейчас, — помолчав, отозвался Стрешнев. — Неподходящее у меня настроение для политеса.

Сердце Кати отчаянно заколотилось, когда сквозь гул, стоявший на почтовом дворе, она и вправду услышала голос Габриэлы, разговаривавшей, очевидно, с содержателем станции. Лошадей не было, так что, судя по всему, баронессе придется задержаться здесь на какое-то время.

Зимин вскоре вышел из кареты, чтобы дать указания подошедшему кузнецу. Катя знала, что смена подковы — дело небystрое, и получасом не отделаешься. И все это время она будет находиться рядом с баронессой. Только нет никакой возможности подать ей знак...

В ушах колко отозвались звонкие удары кузнечного молота, а спустя какое-то время взмокая от напряжения Катя внезапно услышала за окном женский голос:

— Мне можно видеть господина Стрешнева? У меня поручение от моей госпожи, мадемуазель Есенской...

Сильвестр, что сидел, угрюмо ссутулясь, в салоне берлины, мгновенно встрепенулся и распахнув полуоткрытую дверцу, выпрыгнул наружу.

— Это я, — его голос дрогнул от волнения. — Что она просила передать мне?

— Вот записка, господин Стрешнев, — снова послышался женский голос, и на этот раз Катя узнала горничную баронессы, Магду. — Извольте прочитать...

Зашелестела бумага, Кате даже показалось, что она слышит нетерпеливый вздох, и наконец раздался возбужденный голос Стрешнева:

— Mon Dieu! Она ждет меня возле каретного сарая, хочет сообщить что-то важное... Зимин, не отходи от экипажа ни на шаг, ты слышишь?

— Да, сударь, — с готовностью отозвался Зимин вслед удаляющимся шагам своего сурового господина.

Прошло несколько минут, в течение которых Катя в тревожном недоумении обдумывала услышанное. Оршола интересуется Стрешневым?.. Скорее всего, втайне от матери... Бог ей судья, но она должна с толком использовать время, пока «торговец редкостями» будет отсутствовать. Возможно, это ее последний шанс на спасение...

Работа кузнеца уже подходила к концу, звон молота сменил вибрирующий звук напильника, трущегося о концы вбитых гвоздей. Зимин не входил в карету, словно боясь оставаться наедине с пленницей. Катя в отчаянии задержалась в узком пространстве между сиденьями. Она уже давно не чувствовала онемевших ног и рук и знала, что не сможет сдвинуться с места даже на вершок. Что же делать? Впору было зареветь от бессилия, но в этот миг чьи-то шаги приблизились к берлине. Катя насторожила слух, неясная надежда хрустальным молоточком стукнула в сердце. Шорканье напильника и невнятная болтовня гайдуков вдруг резко оборвались, и раздался двойной щелчок, напоминавший звук взведенного оружейного курка.

— Барышня, — донесся до Кати растерянный голос Зимины, — Бог с вами, что за шутки? Нет-нет, вам туда нельзя!

— Пропустите меня, сударь, — раздался в ответ низкий, подчеркнуто спокойный девичий голосок, и Катя ошеломленно замерла, не веря своим ушам. — Пропустите, иначе мои люди будут стрелять. Пистолеты заряжены, не сомневайтесь. Янош, Дьёрдь, продолжайте держать их на мушке!

— Хорошо-хорошо, — воскликнул Зимин, — я подчиняюсь...

Заскрипела, отворяясь, дверца кареты, послышался легкий шорох юбок, что-то звякнуло,

падая на мягкий бархат сиденья, а в следующий миг тяжелая, удушающая ткань поползла с головы Кати, и совсем близко от себя она увидела искаженное от волнения личико Оршолы.

— Катерина! — выдохнула та, узнав пленницу. — Я знала, знала, что ты здесь!

Из Катиных глаз мгновенно хлынули слезы. Оршоло поспешила избавить ее от кляпа и порывисто прижала к себе вздрагивающее тело. Судорожно втягивая воздух онемевшим ртом, Катя молча припала к своей спасительнице.

Она плакала навзрыд, еще не в силах поверить, что спасена. Точно ясное, ласковое солнце нежданно взошло над мрачной бездной, где она, дрожа, ждала своей страшной участи. Оршика, милая, родная! Нет и не будет теперь никого ближе и дороже для нее, чем эта девушка...

— Негодяй, какой негодяй, — сама чуть не плача, Оршоло торопливо разрешила принесенным ножом веревки, которые стягивали запястья Кати. — Не бойся! Он больше не тронет тебя, никогда!

— Оршика, — хрипло пробормотала княжна, с трудом ворочая языком, — ты лучше всех на свете...

— Думаешь? — громко шмыгнув носом, отозвалась Оршоло. — Мы еще поговорим об этом на досуге, хорошо? А сейчас надо выбираться отсюда.

Неведомый Янош, оказавшийся одним из слуг баронессы, надувшись от сознания собственной значимости, осторожно вытащил освобожденную пленницу из берлины. Люди Стрешнева и совершенно ошарашенный кузнец, стоя под дулом пистолета Дьёрдя, молча смотрели, как он несет ее по двору к навесу, под которым стоял экипаж баронессы Канижай.

Ее внесли туда, в это уютное гнездышко, хранившее аромат розового масла и положили на восхитительно мягкие подушки. Сочувственно улыбающееся женское лицо склонилось над ней.

— Габриэла, — машинально выговорила Катя.

— Это я, Магда, мадемуазель Катерина, — сказала женщина, начиная осторожно разминать ее онемевшие руки. — Госпожа баронесса еще ничего не знает. Но она будет очень-очень рада...

Катя слабо кивнула.

— А Стрешнев?

В ответ послышался смех Оршолы:

— Я его обманула. Он зашел в каретный сарай, думая, что я жду его там, а мы заперли дверь снаружи. Он в таком бешенстве, что вот-вот разнесет дверь в щепки. Но это ничего. Навредить тебе он уже больше не сможет...

Катя хотела ответить ей, но острая боль в затекших руках, которые энергично растирала Магда, заставила ее умолкнуть. Тысячи иголок, словно вонзившихся в ее тело, кололи все более безжалостно. И лицо Драгомира само собой возникло в ее памяти. Не могло не возникнуть...

«Драгомир, мы оба прошли через это и свободны теперь. Но надолго ли? Что скажут об этом линии на ладони?»

Часть 2. Гвардейцы ее величества

Глава 6. Тайна Габриэлы

Тяжелая дверь каретного сарая сотрясалась от ударов. Конюхи, ошеломленные странными делами, творившимися на станции, не посмели выпустить неизвестного, бешеные выкрики и ругань которого разносились по двору. Тем более, что дверь сарая караулил вооруженный слуга, вид которого не вызывал особого желания вмешиваться в происходящее. Другой слуга, тоже при оружии, охранял берлину, захавшую сюда в поисках кузнеца. И понять, что происходило, было очень нелегко...

— Nyissa ki az ajtót, János, *(Открой дверь, Янош. (венгерск.)* — произнесла Оршола, приблизившись к сараю.

Янош, судя по выражению его лица, был недоволен этим приказом. Ведь куда разумнее было бы сначала уехать, а там уж пусть верные слуги выручают своего скверного господина. И так сколько дел успели натворить, пока госпожа баронесса беседует в доме со стационарным содержателем... Но противоречить барышне вышколенный гайдук не посмел и молча отодвинул засов двери, уже трещавшей под ударами.

Разъяренный Стрешнев вылетел наружу. Его кулак уже метил в честную физиономию Яноша, но тот недвусмысленно сунул под нос Сильвестру дуло пистолета. Молодой человек отпрянул, и тут взгляд его упал на невозмутимо стоявшую чуть поодаль Оршола.

— Что за глупые шутки, мадемуазель? — взревел Стрешнев. — Чем я вас обидел, что вы так обращаетесь со мной?

— Это не шутки, — отозвалась Оршола. — Вы похитили мою подругу, благородную барышню и теперь я ее освободила.

На лице Стрешнева отразилось явное недоумение:

— Что за бред? Кого вы освободили? Какая, к черту, благородная барышня? Это вы про ту грязную крестьянку, что я из жалости подобрал на дороге?..

Оршола краем глаза заметила приближавшуюся мать, за которой следовал стационарный смотритель.

— Оршика, что здесь происходит? — испуганно выпалила, едва подойдя, Габриэла. — К чему оружие? И что ты делаешь рядом с этим человеком?.. — она бросила убийственный взгляд в сторону «торговца редкостями». — Стрешнев, сколько раз я говорила вам, чтобы вы не смели приближаться к моей дочери!

— Габриэла, подожди, — оборвала ее Оршола. — Он похитил Катерину, я обнаружила ее в его карете, ты понимаешь это?

— Дева Мария, — выдохнула изумленная баронесса. — Где же она?

— С ней все хорошо. Она в нашем экипаже.

— Вам придется вернуть ее назад, — взвился Стрешнев. — И уберите наконец этого идиота с пистолетом. Вы пользуетесь моими чувствами к вам, это попросту непорядочно!

— Не вам говорить о порядочности, Стрешнев, — отрезала Оршола. — Я еще раз говорю вам: девушка, которую вы похитили, принадлежит к знатному роду, так что, обещаю вам крупные неприятности, если вы не уйметсяь.

— К знатному роду? — судорожно расхохотался Стрешнев. — По-моему, кто-то из нас сошел с ума!

— Я не собираюсь пускаться в объяснения, сударь, — с достоинством произнесла девушка, — так что, вам придется поверить мне на слово. Вы не получите ее назад, не

надейтесь, так что забудьте о своих планах. Все, я полагаю, что разговор окончен.

— Нет, не окончен! — загредел Стрешнев. — Хорошо, допустим, я верю вам, но что прикажете делать мне? Если я не предоставлю ее своему клиенту вместо этой мерзавки Таис, мне конец. Вы понимаете, что просто толкаете меня в могилу?

— Вам там самое место! — с надрывом закричала Оршоло. — Потому что земля уже не может носить такого негодяя, как вы!

— Господа, — вмешался наконец смотритель. — Каковы бы ни были причины вашей ссоры, ведите себя достойно, иначе я буду вынужден послать за полицией! Вам уже предоставили свежих лошадей, сударыня, так что, вы можете ехать. И вы тоже, сударь, оплатите работу кузнеца и будьте любезны продолжить свой путь!

— Оршика, пойдем, — вмешалась Габриэла. — Ты же видишь, он не в себе. А вам я скажу на прощание только одно, Стрешнев: сегодня вы разозлили меня окончательно. Не дай вам Бог еще хоть раз приблизиться к моей дочери. Посмейте сделать это и, клянусь, я сотру вас в порошок!

— Вы напрасно тратите порох, баронесса, — отчеканил Стрешнев, — я ваших угроз не боюсь. Это вы бойтесь меня, бойтесь с этого дня, потому что теперь мы стали врагами. И я предупреждаю вас: если однажды я захочу, чтобы Оршика стала моей, она ею станет. И вы ничего не сможете сделать.

Кровь прихлынула к щекам Оршоло, она отвернулась, прикусив дрогнувшие губы, и ничего не ответила Сильвестру.

— Если это произойдет, ты и дня не проживешь, я тебе обещаю, — прошипела баронесса.

Взяв дочь за руку, она потащила ее за собой. Оршоло не сопротивлялась, но уходя, словно против воли бросила через плечо взгляд на молодого человека. Он стоял, неотрывно глядя ей вслед, и в глазах читался непреклонный, пугающий вызов...

Лежа в карете под присмотром Магды, Катя слышала большую часть этого взрывоопасного разговора. И испытала невероятное облегчение, когда несколько мгновений обе венгерские дамы наконец приблизились к своей карете. На Оршике просто не было лица, это Катя заметила сразу.

— Княжна, — баронесса вымученно улыбнулась при виде блудной гостьи, — это и вправду вы! Какое счастье! Мы так искали вас...

— Мадам, — покаянно сказала Катя, — простите меня, если можете! Это все по моей вине.

Устроившись в салоне рядом с дочерью, баронесса рассеянно покачала головой:

— Уверяю вас, княжна, это не так. Рано или поздно это все равно случилось бы. Все в воле Божьей.

Когда впрягли свежих лошадей, и карета тронулась в путь, сидевшая с потерянным видом Оршоло неожиданно расплакалась.

— Оршика, что ты? — баронесса схватила дочь в объятия, прижала к груди и излила поток ласковых и взволнованных слов на венгерском языке.

Приподнявшись на подушках, Катя с изумлением смотрела на Оршолу. Она прекрасно слышала последние слова Стрешнева, но ее не оставляло странное ощущение, что Оршоло плачет совсем не из страха перед этим человеком. Но поверить в то, что такая рассудительная, уравновешенная девушка равнодушна к этому негодяю, было невыносимо...

...В тот же вечер Катю свалила жестокая простуда. И после всего, что ей пришлось пережить, это было неудивительно. Несмотря на ее протесты, баронесса приняла решение сделать остановку в пути. И целую неделю, пока не наступило улучшение, они провели на постоялом дворе в каком-то захолустном местечке между Тверью и Клином.

Место было настолько глухое, что поблизости не нашлось даже врача. До пылающей в лихорадке Кати страшно было дотронуться: жар исходил от нее, словно от натопленной печки. Она лежала в бреду, никого не узнавая и, казалось, вот-вот отдаст Богу душу. Но Габриэла этого не допустила.

С помощью трав дряхлой бабки-знахарки, живущей в окрестностях гостиницы, и собственных познаний, она отважно приступила к излечению своей подопечной. В течение нескольких дней полубесчувственную Катю беспрестанно поили отварами цветков бузины, липового цвета и других трав, раздев догола, обтирали уксусом и безжалостно обмахивали трясущееся от озноба тело. Катя не реагировала ни на что, даже когда ее глаза были открыты, только пересохшие от жара, растрескавшиеся губы временами шептали в бреду:

— Мор и смерть... Улечка моя... не оставляй меня... Она не простит...

Кто эта женщина, имя которой так часто возникало в Катином бреду, ни баронесса, ни ее дочь не знали. Кто она, — нянька, горничная, возможно, подруга? Но то, что она куда ближе Кате, чем мать и отец, которых она даже не поминала в эти дни, казалось очевидным.

— Бедная девочка, — сказала Габриэла, после того, как Катя, поминутно переворачиваясь с боку на бок, в очередной раз позвала свою кормилицу. — Что же представляет собой княгиня Шехонская, если Катерина ни разу не вспомнила о ней? И мыслимо ли это, — позволить дочери жить вдали от себя? Благо бы в пансионе или в этом новомодном петербургском институте, а то в глухой деревушке, с чужими людьми! Можно оставить на деревенскую кормилицу маленького ребенка, это в порядке вещей, но взрослую девушку?..

— Ты веришь... — Оршола не договорила.

— А ты? — без нужды резко откликнулась Габриэла, понимая, что хотела сказать дочь. — Неужели ты не видишь, что только девица благородного происхождения может быть так горда?

— Да уж, — помолчав, сказала Оршола. — Вспомнить только, как она той ночью кичилась своим княжеским титулом и происхождением от какого-то древнего русского государя с греческой фамилией. Это было незабываемо!

— Она настоящая княжна, — сказала Габриэла. — Иначе не отдала бы так легко драгоценный перстень, хотя никто не смог бы доказать ее причастность к побегу цыгана. И не ушла бы от нас неизвестно куда, стерпела бы все обиды.

Оршола вздохнула.

— Я ведь уже говорила тебе: я сознаю, что была к ней несправедлива.

— Более чем несправедлива. И поэтому прошу тебя, Оршика, будь с ней помягче теперь.

— А зачем? — встряхнув рыжими локонами, девушка бросила убийственный взгляд на мать. — Какой в этом смысл?

И резко развернувшись, вышла из комнаты. А Габриэла молча вернулась к своему месту возле Катиной постели, обтирать влажный лоб больной и слушать, как она зовет неведомую «Улечку».

Лишь однажды, на исходе второй ночи, когда измученные Габриэла и Магда забылись сном, а Оршола, сонно кляня носом, все еще продолжала сидеть у постели Кати, та

произнесла еще одно, на сей раз знакомое ей имя:

— Я знаю... все будет плохо... не говори, Драгомир... Ты любишь меня, любишь... Ты любишь меня, — совсем тихо шепнула она, и Оршола, вздрогнув, выпрямилась на стуле.

Огромные, черные, воспаленные глаза Кати в упор смотрели на нее с исхудавшего, тревожно вздрагивающего лица. Оршола покачала головой и, приподняв голову больной, стала молча поить ее клюквенным настоем. Что тут скажешь? Если этот цыган так глубоко в сердце Кати, что она поминает его имя даже в бреду, то ей остается только посочувствовать...

На третий день болезни жар спал, и Габриэла с облегчением поняла, что тайные страхи, которые она все эти дни упорно гнала от себя, к счастью, оказались беспочвенными: это и вправду была всего лишь простуда, а не оспа, как легко могло оказаться. За себя и Оршику Габриэла не особенно боялась: обе они, по примеру императрицы и многих просвещенных людей, были привиты от оспы. Эта прививка не всегда защищала от болезни, но значительно ослабляла ее течение. Впрочем, юного императора Петра II не спасла от смерти и прививка, но ведь и развитие медицины далеко продвинулось с тех пор, подумала Габриэла. Как бы то ни было, она не видела смысла бегать от судьбы. Что Богом суждено, все равно произойдет рано или поздно... Но отдать чудовищной, уродующей болезни такую юную и прекрасную девушку, как Катерина, ей очень не хотелось...

Итак, жар снизился, но Катя была еще слишком слаба, чтобы продолжать путешествие. Это бездействие казалось ей невыносимым, но она напрасно уговаривала Габриэлу отправиться в путь: та была непреклонна.

— Я доставляю вам столько хлопот, мадам, — сказала Катя, поняв, что спорить бесполезно. — Как мне отблагодарить вас и Оршолу за все, что вы для меня сделали?

Габриэла покачала головой:

— Девочка моя, вы даже не представляете, как я была счастлива, когда мы снова нашли вас. Я бы никогда не простила себе, если бы с вами что-то случилось...

— Этот человек, — Катя не смогла заставить себя назвать имя Стрешнева, — он ничего не сделает вам? Мне кажется, он способен на все...

Габриэла успокаивающе похлопала ее по руке:

— И об этом не беспокойтесь, мадемуазель Катерина. Уверяю вас, для нас он не опасен.

И Кате пришлось удовлетвориться этим ответом, оставив при себе множество нескромных вопросов, касавшихся странных отношений баронессы со Стрешневым. Но, как бы то ни было, она все больше восхищалась этой женщиной, ее добрым сердцем и мужеством. Потому что в эти годы, когда черная оспа угрожала жизни каждого, не испугаться затяжной лихорадки, за которой вполне могла таиться эта страшная болезнь, мог только по-настоящему добрый и мужественный человек...

* * *

Через несколько дней, когда здоровье Кати наконец восстановилось, решено было продолжить путь. Катя очень переживала за свой внешний вид, не представляя, в какой одежде она переступит порог родительского дома, но все благополучно разрешилось. Как оказалось, еще в Торжке, разыскивая ее, баронесса купила у модистки все необходимое. Глаз у нее оказался точным: все купленные вещи пришлись впору и оказались вполне неплохи.

Катя, которой удалось даже принять ванну, чтобы смыть всю грязь своих странствий, с удовольствием осмотрела платье, в которое ей предстояло нарядиться, и принялась одеваться. Натянув жемчужно-серые, вполне сносного качества чулки и облачившись в сорочку, она с удивлением взяла в руки странные штанишки, сшитые из белого льна. Отдаленно похожие на мужские кюлоты, но гораздо более широкие и присборенные, они были украшены внизу довольно невзрачными оборками. Но, что поразило ее больше всего, штанины были сшиты друг с другом лишь сверху и имели открытую промежность.

— Что это, Магда? — спросила Катя у горничной, помогавшей ей одеваться.

Но опередив Магду, ей ответила баронесса:

— Это дамские панталоны, дитя мое. Такая же принадлежность нательной одежды, как рубашка или чулки. Очень советую надеть их. После болезни не лишним будет сохранить тепло. Кроме того, мне думается, что скоро их ношение войдет в моду, так что, пора начинать учиться носить их.

— Но почему, — Катя даже немного порозовела, не сразу решившись спросить, — они сшиты не до конца?

Габриэла негромко рассмеялась:

— Видите ли, мадемуазель Катерина, это сделано для удобства. Дело в том, что панталоны надеваются под корсет, расшнуровывать его всякий раз, когда того требует природа, довольно затруднительно, и отсутствие шва между ногами позволяет без труда справлять естественные потребности, не снимая этих штанишек.

Катя, уши которой к концу этой тирады стали ярко-малиновыми, дрогнувшим голосом поблагодарила за разъяснения и продолжила одевание. Оршола, выслушав мать, выразительно и чуть осуждающе кашлянула, но не произнесла ни слова.

О том, что некоторые дамы носят эти странные, неженственные штаны, не довольствуясь чулками и нижними юбками, Катя до сих пор даже не подозревала, и неизвестный прежде предмет туалета показался ей ненужным излишеством. Но тем не менее, из чисто женского любопытства она облачилась в панталоны и пришла к выводу, что они не особенно сковывают движения, можно привыкнуть.

Когда Магда затянула талию девушки в корсет с пластинами из китового уса, то закрепила на поясе, вместо привычных Кате фижм, небольшие подушечки из конского волоса, а сверху еще три нижних юбки из шуршащего белого полотна. Наконец, после льняной кофточки, скрывшей корсет, ее облачили в юбку из полосатого, матово блестящего репса цвета кофе с молоком, украшенного фестонами по подолу. А венцом всех деталей этого скромного туалета стало бледно-голубое платье, сшитое из плотного, шелковистого гродетюра, очень простое, но довольно изящное, с неглубоким квадратным вырезом, отделанным крохотными рюшами, которое широкими складками расходилось спереди, открывая репсовую юбку.

Габриэла не забыла и об обуви, хотя выбирать ее у сапожника ей пришлось на свой страх и риск, не зная размера Катиной ноги. И поэтому дорогие сафьяновые башмачки со скошенными французскими каблуками, хоть и смотрелись очень красиво, оказались чуть маловаты. Но Катя не призналась в этом баронессе и бодро прошла по комнате, демонстрируя, что все в полном порядке. Единственная деталь смущала ее: платье казалось слишком коротким, всего лишь до щиколоток, но внимательнее разглядев своих спутниц, Катя заметила, что их туфельки также были на всем виду. Должно быть, такова нынешняя мода, подумала девушка.

— Мадемуазель Катерина, вы великолепы, — искренне сказала Габриэла, когда Магда закончила укладывать волосы Кати в прическу. — Я даже у себя на родине не видела таких роскошных жгучих брюнеток! А ваша фигура — просто верх совершенства, что ты скажешь, Оршика?

Оршола, которая сидела, по обыкновению, уткнувшись в книгу, краем глаза взглянула на Катю и сдержанно кивнула:

— Платье довольно заурядное, фигура — отличная.

И, сделав это заявление, снова углубилась в чтение.

Разумеется, ручное зеркальце баронессы, в котором Катя по частям придирчиво рассматривала себя, увы, не могло ей дать полного представления о своем внешнем виде. А знать, что она по-прежнему хороша, что перенесенные тревожения не отразились на ее наружности, очень хотелось. Но, кажется, лицо, слегка осунувшееся после болезни, не выглядело подурневшим, и платьице, несмотря на слова Оршики, явно сидит на ней хорошо.

В этом нежно-голубом наряде, так удачно оттенявшем ее южную красоту, Катя и впрямь выглядела прелестно. Простой крой платья выразительно подчеркивал ее тонкую талию, небольшую, но красивой формы грудь и безупречные руки. И прическа была хороша. Конечно, в походных условиях Магде не удалось бы создать на ее голове модное хитросплетение размером с башню, без которого в ту пору ни одна уважающая себя дама не могла показаться на людях, но и эта тщательно взбитая и кокетливо уложенная копна волос показалась Кате восхитительной. Она дотронулась до маленьких завитков, спадавших на высокую, хрупкую шею, полюбовалась собой еще минуту и удовлетворенно отложила зеркало. Подумать только, уже сегодня вечером она будет в Москве! И скоро весь мир будет лежать у ее ног, словно послушный пес...

Так велика была охватившая ее внезапно буйная радость, что Катя, подхватив юбки, закружила по комнате. Габриэла, которая, высунувшись из окна, кричала что-то по-венгерски гайдукам, что копошились у экипажей, укладывая хозяйские сундуки, с улыбкой посмотрела на сияющую девушку:

— Ah, la jeunesse, la jeunesse! (*Ах, молодость, молодость! (франц.)*) Сколько в вас жизни, мадемуазель Катерина! Оршика, — окликнула она дочь, — мы скоро уже расстанемся с княжной. Может быть, ты наконец оторвешься от книги и уделишь ей внимание, поговоришь?

— О чем? — буркнула Оршола, переворачивая страницу.

— Бог мой, — Габриэла беспечно пожалала плечами, — неужели не о чем?

С этими словами она вышла из комнаты и девушки остались одни. Машинально прислушиваясь к голосу Габриэлы, которая, стоя в коридоре, отдавала распоряжения горничной, Катя бросила взгляд на Оршолу.

Как ни странно, происшедшие события не сделали их ближе, но отнюдь не по Катиной вине. Когда немножко схлынула радость по поводу освобождения и встречи, Катя обнаружила, что Оршола все так же сдержанна и немногословна. И хотя венгерская мадемуазель исправно ухаживала за ней во время болезни, проявив себя умелой и заботливой сиделкой, она оставалась все такой же отстраненной вещью в себе, что и в начале знакомства.

Впрочем, внезапно подумала Катя, возможно, у них просто не было времени для того, чтобы по-настоящему сблизиться. Оршола очень нравилась ей, причем, несмотря на все их размолвки, нравилась с самого начала, но Катя прекрасно понимала, что так легко эта

странная девушка свою душу не раскроет...

Времени и вправду оставалось немного. Кто знает, когда судьба сведет их в следующий раз. И пока есть возможность, надо сказать ей о том, что она чувствует. Оршола спокойно читала, не обращая на нее никакого внимания. Помедлив немного, Катя нарушила молчание:

— Мадемуазель Оршола (сейчас она уже не смела обращаться к ней на «ты», как в вечер спасения), я хотела сказать вам спасибо за все, что вы для меня сделали.

Венгерка подняла голову и посмотрела на Катю. На ее веснушчатом личике не дрогнул ни один мускул.

— Не стоит благодарности, — сдержанно отозвалась она.

— Вы самая лучшая девушка, которую я встречала в своей жизни, — смущаясь, продолжила Катя. — И я... Я была бы счастлива иметь вас своим другом.

Не глядя на нее, Оршола закусила пухлую губу, со вздохом отложила книгу и снова взглянула на собеседницу.

— Не дай вам Бог дружить с такой, как я, — сумрачно отозвалась она, поднимаясь. — Впрочем, сердечно благодарю за добрые слова, я очень польщена.

Совершенно оторопев, Катя молча смотрела, как Оршола поспешно, словно желая как можно скорее отделаться от нее, выходит за дверь. Ей было так стыдно, что запылали даже уши. Что же такого она сказала, что эта барышня шарахнулась от нее, как черт от ладана? И что означают эти странные слова, которые произнесла Оршика? Но вряд ли теперь ей суждено узнать это. А жаль, очень жаль. Даже обида, сдавившая сердце после того, как ее так бесцеремонно отвергли, была не так сильна, как это чувство потери. Она знала, что лучшей подруги, чем Оршола, у нее никогда бы не было. Но, видимо, и не будет...

* * *

Лошади резво бежали по дороге. Светившее прямо в глаза заходящее солнце не позволяло как следует разглядеть показавшийся на горизонте городок, и Катя откинулась на спинку сиденья, улыбнувшись сидевшей напротив баронессе.

— Кажется, мы приближаемся к Клину, — кинув взгляд за окно, сказала та. — И совсем скоро конец нашему путешествию. Любопытно, что вы расскажете о нем своим родителям, княжна?

Катя вздохнула, покосившись на Оршолу.

— Постараюсь не пугать их излишними подробностями, — сказала она. — Честно сказать, то, что произошло со мной, так невероятно, что мудрено и поверить.

— Да, с этим не поспоришь, — согласилась Габриэла. — Но, самое главное, постарайтесь сохранить эту историю в тайне от подруг, иначе правда все равно выйдет наружу и ваша репутация будет безнадежно погублена. Но, я надеюсь, это вы и сами понимаете. Со своей стороны клятвенно обещаю, что от нас с Оршикой никто ничего не узнает.

— Спасибо, мадам. Конечно, я понимаю, что обо всем этом следует молчать, — заверила Катя.

Молчать она сможет, едва ли у нее найдется в Москве подруга, достойная такой откровенности, но вот как забыть?..

Помолчав немного, она озвучила вопрос, который все это время неотступно вертелся у

нее в голове:

— Мадемуазель Оршола, я давно хотела спросить вас: каким образом вы догадались, что в карете Стрешнева нахожусь именно я?

Заложив пальцем страницу в книге, Оршола подняла голову и задумчиво взглянула на Катю.

— В самом деле, Оршика, — подхватила Габриэла, — я тоже хотела спросить тебя об этом, но все было недосуг. Объясни нам, это очень любопытно.

Оршола отложила книгу.

— Ну что ж, пожалуй. Впрочем, Габриэла, часть моих догадок тебе известна, но если мадемуазель Катерине интересно, я расскажу все с самого начала.

Она немного помолчала, точно собираясь с мыслями и начала:

— О том, что вы ушли, переодевшись в крестьянское платье, нам сообщила Магда. Думать о том, где вы взяли эту одежду и куда направились, было некогда, мы хотели догнать вас как можно скорее. Но нам никак не могло прийти в голову, что вы двинетесь в обратную сторону. Мы поехали в Торжок, искали вас там, спрашивая прохожих, но вас никто не видел. И тут наш ямщик...

— Еремей? — улыбнулась Катя, начиная понимать.

— Да, Еремей, — подхватила Оршола, кивнув на окошечко, где виднелась широкая спина сидевшего на козлах ямщика, — поняв из наших разговоров с прохожими, что мы ищем вас, признался, что отправил вас в деревню Ильинку, то есть совсем в противоположную сторону. Мы поехали туда, но и там вас не оказалось, хотя жена родственника Еремея подтвердила, что вы там были. Кто-то еще видел, как вы шли в сторону кладбища, и мы направились следом.

— И что же?

— На кладбище была часовня, но и там никого не оказалось, только пустой гроб. Правда, в уголке стояла корзинка с провизией, которую Еремей узнал, и валялся платок. Мы подумали, что сами, по доброй воле вы не бросили бы эти вещи и поняли, что вы попали в беду. А потом мы заметили возле часовни свежие следы проехавшего экипажа, увидели кровь на траве...

— Вот тогда нам стало по-настоящему страшно, — вставила Габриэла.

— Мы предположили, что если вы живы, то вас могли увезти на этом экипаже. Крестьянин, которого мы расспросили, сказал, что видел экипаж, проехавший в сторону Торжка, но описать не смог, говорит, было далеко.

— И тогда мы поехали обратно, — объявила Габриэла. — Решили заявить в полицию, если не найдем вас сами. А потом нас остановил на дороге Стрешнев. Сейчас я просто удивляюсь: как же я сразу не догадалась, что это он похитил вас, княжна? А ты, Оршика? Каким образом ты догадалась?

— Ну, прежде всего, я знала, что у Стрешнева есть земли под Торжком, не исключено, что та же самая Ильинка, — сдержанно объяснила Оршола. — И когда он появился на дороге, я об этом сразу вспомнила, как и о том, чем занимается этот господин. А мадемуазель Катерина — девушка красивая, мимо которой, не оглянувшись, не пройдешь, — она улыбнулась в ответ на смущенную Катину улыбку. — Но, признаюсь, его озабоченность другими делами сначала сбивала меня с толку. Казалось, он поглощен только поисками Таисьи. Но я все-таки задумалась, да и крик, раздавшийся в карете, тоже был очень подозрителен. Кстати, княжна, а кто там кричал и почему?

Катя слегка покраснела:

— Это секретарь Стрешнева, такой гнусный человек. Пока Стрешнев был занят разговором, он... начал распускать руки и я его ударила.

— Bravo, — оценила Оршоло, не без сочувствия выслушав объяснение. — А мне и невдомек было, почему кричит мужчина, да и Стрешнев говорил о каталепсии. В общем-то, — продолжала она, — все эти подозрения появились в моей голове, когда Стрешнев уже уехал. Он ехал в ту же сторону, что и мы, но даже если бы он изменил маршрут, я бы уговорила Габриэлу последовать за ним. Но все шло, как надо, и я решила пока оставить мамочку в неведении, чтобы она нечаянно не испортила все...

Габриэла со вздохом покачала головой:

— Для такой не по годам мудрой дочери, я, должно быть, и в самом деле, слишком глупая мать!

— Я никогда такого не скажу и другим не позволю, — заверила Оршоло. — Ты сыграла свою роль блестяще!

— Тем, что не путалась под ногами, — добродушно усмехнулась Габриэла. — И что же было дальше?

— А дальше, когда я вышла из кареты на почтовом дворе, то увидела, что один из гайдуков Стрешнева сунулся в карету, а потом вышел, держа в руках крестик на черном шелковом шнурке, который тут же начал демонстрировать своему приятелю. И вот этот крестик меня окончательно убедил. Я отчетливо помнила, мадемуазель Катерина, что точно такой же шнурок с крестиком висел у вас на шее.

Катя покачала головой:

— Вот значит как... стало быть, не зазя крестик пропал. Выручил меня. И тогда вы послали записку Стрешневу?

— Да, именно так. Мне нужно было удалить его от кареты, чтобы без помех проверить, кто же там. Он поверил, что я хочу увидеться с ним, а все остальное вы знаете.

— Мадемуазель Оршоло, — с чувством сказала Катя, глядя на венгерку, — вы не только самая замечательная, мужественная и великодушная девушка, из всех, кого я знаю, но и самая умная!

— Да будет вам, — усмехнулась та. — Я очень рада, что сумела помочь вам и довольно дифирамбов, хорошо? Не люблю громких слов.

Историю же своих злоключений Катя рассказала баронессе и ее дочери еще во время болезни. Она видела, что Оршоло нелегко слушать рассказ о чудовищной жестокости Стрешнева, но в память о несчастном отце Адриане не смягчила ни единого слова. Об Анне она тоже упомянула, но лишь вскользь. Каждый раз, когда кукольное личико несостоявшейся покойницы всплывало в памяти, ей становилось не по себе.

Что ждет эту девушку? Судя по всему, она сбежала из дома, чтобы тайно обвенчаться со Стрешневым, а для него оказалась лишь очередной жертвой, которую тот подло завлек в западню. И хотя она казалась нежной и прекрасной, как ангел, Катя поняла, что беды «мертвой невесты» не вызывают в ней ни малейшего сочувствия. Настойчивая мысль, что ей еще придется столкнуться с этой девушкой на узкой тропинке, не выходила из головы...

Было уже совсем темно, когда через Петербургскую заставу они въехали в Москву. До Моховой улицы, на которой был расположен особняк князя Шехонского, было не так далеко. Катя жадно смотрела в окно, но тусклый свет масляных фонарей, едва освещал улицы.

— Как же давно вы не были в Москве, княжна? — любопытствовала Габриэла.

Катя немного смутилась:

— Должно быть, лет семь или восемь, я точно не помню.

— Так давно! — переглянувшись с дочерью, Габриэла покачала головой. — Ну что ж, я надеюсь, вы освоитесь очень быстро. Я уже говорила вам, что вся Москва будет у ваших ног, и повторю это еще раз. Не сомневайтесь, мадемуазель Катерина, так и будет.

— Спасибо, мадам! — улыбнулась Катя. — Спасибо за доброе мнение обо мне.

Карета скользнула вдоль чугунной решетки, что отделяла от улицы стоявший в глубине двора двухэтажный особняк, и остановилась. Фасад дома, с портиком, опиравшимся на ряд стройных колонн, сиял многочисленными огнями.

— О, он здесь! — воскликнула Катя, узнав родительский дом, словно он мог куда-то исчезнуть с лица земли. — Слава Богу! Ну что ж, будем прощаться...

Она протянула руку сидевшей напротив венгерской барышне, и та, мгновение помедлив, сжала ее ладонь в крепком рукопожатии.

— Я хотела сказать, мадемуазель Оршола, что мое предложение дружбы остается в силе, и если вы только захотите... вы знаете, где искать меня.

— Благодарю, — коротко отозвалась девушка. — Я искренне желаю вам счастья, мадемуазель Катерина, и поменьше разочарований.

Катя повернулась к Габриэле.

— Похоже, в доме прием, — сказала та, отвернувшись от окна. — Дитя мое, я провожу вас до ворот, но будьте так добры, накиньте капюшон плаща пониже на лицо, и не показывайтесь никому, кроме домашних, хорошо?

— Но почему, мадам? — удивилась Катя.

— Мадемуазель Катерина, — опередив мать, спокойно произнесла Оршола, — пожалуйста, сделайте, как вам говорят, и не задавайте лишних вопросов.

— Хорошо, — недоуменно пожав плечами, Катя запахнула плащ и надвинула капюшон.

Гайдук опустил подножку. Катя выпорхнула из кареты и обернулась к мадам Канижай, вышедшей за нею следом.

— Я буду очень скучать по вас, княжна, — сказала та.

— И я, мадам, — искренне ответила девушка, и с улыбкой добавила: — Вы позволите поцеловать вас?

Габриэла обняла Катю и расцеловала в обе щеки чисто по-русски.

В эту секунду одно из окон в доме с треском распахнулось, послышался пьяный хохот и неизвестный предмет, вылетев из окна, вдребезги разбился о камни подъездной дорожки. Катя и Габриэла вздрогнули, всматриваясь за ворота. В свете фонаря на дорожке блеснули осколки зеленого, похоже, бутылочного стекла.

— Однако, — сказала Габриэла. — Больше напоминает гвардейский кутеж, чем светский раут. Может быть, мне стоит подождать, пока вы убедитесь, что ваши родители дома?

Катя не успела ответить. Краем глаза она заметила всадника, который остановился у ворот. Это был высокий молодой человек в зеленом, с голубым воротником, гвардейском мундире. Привратник распахнул перед ним скрипнувшие створки, но он не въехал,

продолжая с удивлением разглядывать женщин.

Лицо Кати осветилось радостной улыбкой при виде юноши.

— Господи, — воскликнула она, — да ведь это мой брат!

Юноша, судя по всему, был настолько изумлен, что даже не пошевелился.

— Катя? — недоверчиво спросил он. — Это ты?

— Да, Саша, кажется, я, — засмеялась девушка. — Надеюсь, ты рад меня видеть?

Александр пробормотал что-то неразборчивое и выпрыгнул из седла, едва не запутавшись в стремях. Только теперь Катя заметила, что взгляд его не отрывается от лица мадам Канижай, безмятежно-спокойного, улыбочивого, прекрасного. И еще не осознав в чем дело, поспешно вставила:

— Мадам, позвольте представить вам моего брата, поручика лейб-гвардии Семеновского полка, князя Шехонского. Александр, это моя попутчица, выручившая меня в большой беде, баронесса...

— Мы в некотором роде уже знакомы, — обрел вдруг голос Александр, не дав ей договорить.

— Да, это правда, — улыбнулась Габриэла.

— Как хорошо, — оживилась Катя, — значит, нам будет гораздо проще встретиться в будущем...

При этих словах Александр окинул ее таким странным взглядом, что девушка невольно осеклась.

— С вашего позволения, княжна, я оставлю вас, — нарушила молчание баронесса. — Благослови вас Бог, дитя, надеюсь, все у вас сложится хорошо...

Кивнув озадаченной девушке, она вернулась в карету, гайдук захлопнул дверцу и вскочил на запятки. Когда, повинувшись кнуту кучера, лошади понесли карету прочь, Александр огляделся по сторонам, бросил повод коня подошедшему конюху, и поспешно схватив сестру за локоть, потащил за ворота.

Ошеломленная грубостью брата, как и странным поведением его и Габриэлы, Катя не сразу воспротивилась.

— Саша, куда ты меня тащишь, что происходит? — она попыталась вырваться, но пальцы у брата были словно стальные.

— Подальше от чужих глаз! Пока еще не все соседи разглядели, в чьей карете приехала в родительский дом княжна Шехонская!

В той же бесцеремонной манере он дотащил ее до крыльца особняка и наконец отпустил.

— Саша, я тебя не очень понимаю, — произнесла Катя. — Разве мадам Канижай сделала что-то дурное?

— Как ты оказалась в ее экипаже? — сурово спросил брат.

— Случайно, а что?

— Ничего, — усмехнулся Александр, — могу только посочувствовать всем нам. Это самая известная в Москве сводня и содержательница борделя.

Катя, онемев, смотрела на брата. В первую минуту она даже не поняла. Потом подумала — не шутит ли он? Но, судя по всему, Александр говорил абсолютно серьезно. И тут в ее памяти всплыли все недомолвки и подозрения, которые терзали ее душу уже не первый день.

— Господи, — с ужасом выдохнула она, — неужели это правда? А она показалась мне такой...

— Какой? — жестко переспросил молодой князь. — Милой, обаятельной, отзывчивой? Да, это она умеет.

Распахнув дверь, он пропустил сестру в дом. Когда они прошли из передней в вестибюль, Катя отчетливо слышала множество громких и, похоже, не вполне трезвых мужских голосов, доносившихся со второго этажа. Девушка, и без того ошеломленная, бросила настороженный взгляд на парадную лестницу, украшенную алым ковром.

— У меня гости, — коротко проронил Александр.

— Ясно, — кивнула Катя. — Полагаю, глупо спрашивать, дома ли родители.

Молодой офицер покосился на сестру.

— И в самом деле, глупо. Третьего дня они уехали в Петербург на свадьбу цесаревича. И, кстати сказать, тебе несказанно повезло, что они не стали свидетелями твоего торжественного прибытия домой в обществе широко известной сводни.

Девушка вздохнула.

— Надеюсь, это останется между нами? Не хотелось бы объясняться с татан по этому поводу.

Александр не успел ответить. Сверху послышались тяжелые шаги, и на ступенях лестницы показались, одна за другой, три пошатывающихся фигуры в гвардейском облачении, которые, неуклюже балансируя и цепляясь друг за друга, начали нелегкий спуск.

Когда в поле их зрения оказалась стоявшая рядом с Александром хорошенькая девушка, гвардейцы почти одновременно издали возглас восхищения и, прибавив шагу, поспешили одолеть оставшиеся ступени. Один из них, не рассчитав свои силы, кубарем полетел с лестницы, и растянулся у самых ног Кати. Девушка поспешно отступила, сдержав невольный смешок. Судя по всему, не слишком пострадав при падении, семеновец вытянул руки, упорно пытаясь ухватить Катю за подол платья.

— Шехонской, кто эта очаровательница? — заплетающимся языком выговорил один из оставшихся в вертикальном положении гвардейцев, беззастенчиво пялясь на юную княжну.

— Сестра моя, Катерина, — буркнул Александр, оглядывая упавшего, и окликнул показавшегося в глубине вестибюля слугу: — Егор, помоги Ледневу, потом позови Груню, скажи, барышня приехала.

Пока лакей исполнял приказание, пытаясь поставить на ноги вдребезги пьяного Леднева, подал голос третий из гвардейцев, очевидно, самый галантный.

— У тебя есть сестра? — громко икнув, изумился он. — Впервые слышу об этом. Позвольте представиться, мадемуазель, поручик Семеновского полка Бухвостов. Вашу ручку, мадемуазель...

Покачиваясь и распространяя вокруг себя пары убийственного перегара, Бухвостов шагнул к фыркнувшей Кате, но между ними вовремя вклинился Александр.

— Я представлю вас друг другу позже, — спокойно заявил он, — она только что приехала и очень устала. Катя, иди наверх, в гостевую комнату, располагайся, я пришлю тебе горничную.

— О, я с удовольствием провожу мадемуазель в ее апартаменты, — оживился Бухвостов, делая попытку прорваться к девушке, стоявшей за спиной брата.

— Лучше я, — решительно пресек его ухаживания второй гвардеец, и едва не упал, зацепившись одной ногой за другую.

— Не нужно, Щербатов, — рявкнул Шехонской, — она знает дорогу. Впрочем, я сам провожу ее, черт знает, что остальным придет в голову. Идем, Катерина!

Сдерживаясь изо всех сил, чтобы не расхохотаться, Катя проскользнула за спинами гвардейцев к лестнице и, приподняв юбки, легко взбежала по ступенькам. Брат последовал за ней.

— Богиня, — простонал вслед им Бухвостов. — Шехонской, а что, это вправду твоя сестра?

Поднявшись на второй этаж, Катя и Александр миновали парадные комнаты. Но прежде чем скрыться в задней части дома, девушка, уловив какое-то движение за спиной, обернулась и поймала внимательный взгляд белокурого молодого гвардейца, который стоял с дымящей трубкой в зубах на пороге столовой. Зажав трубку в руке, молодой человек с насмешливой улыбкой отвесил девушке изысканный поклон. В следующее мгновение Александр открыл перед Катей дверь ее комнаты, и девушка, так и не ответив на приветствие незнакомца, вошла в нее.

— Прости, что не смогу сейчас уделить тебе время, — скороговоркой произнес брат, — но надеюсь, ты извинишь меня. Горничная поможет тебе привести себя в порядок. Отдыхай. Кстати, будет лучше, если ты закроешься на замок.

С этими словами Александр вышел из комнаты. Катя прикоснулась к задвижке, собираясь последовать его совету, но в следующий миг услышала из коридора голос, судя по всему принадлежавший гвардейцу-блондину:

— Что за красотка?

— Моя сестра, — раздался в ответ голос Александра.

— Вот как, — усмехнулся гвардеец. — Забавно. Теперь это так называется?

— Можешь не верить, но она действительно моя сестра. Я никогда о ней не рассказывал, но, тем не менее, это так.

— И где же она была все это время, позволь полюбопытствовать? На воспитании у Габриэлы Канижай? Прости, Шехонской, но я случайно видел, в чьей карете пожаловала сюда эта сестричка.

Не сдержав естественного любопытства, Катя тихо приоткрыла дверь в ту самую минуту, когда взбешенный брат сгреб зарвавшегося друга за отвороты мундира и без промедления шарахнул об стену.

— Если ты кому-нибудь хоть слово об этом скажешь, — прошипел он, — я отрублю твою дурную башку и скормлю ее собакам. Ты понял меня, Бахмет?

— Даже так? — Бахмет остался невозмутим. — Договорились, только убери руки. У меня язык — не помело, тебе это известно. Да и неинтересны мне твои дешевые интрижки.

— Я уже сказал тебе — это моя сестра! — возвысил голос Александр.

— Я понял, понял, — решительно оттолкнув его от себя, подтвердил Бахмет. — Довольно бесноваться. Сестра так сестра. Пойдем лучше выпьем.

Катя поспешно прикрыла дверь. Машинально оглядывая комнату, она перебирала в уме последние события. Похоже, друзья Александра даже не подозревали о существовании княжны Екатерины Шехонской. Но почему?

Глава 7. Бахмет

Стук в дверь прервал ее размышления. Катя впустила горничную, знакомую ей толстенную Груню.

— Екатерина Юрьевна, — ахнула та при виде барышни. — А я и не поверила, что это вы! Думала, ошибся Егор. Радость-то какая! Ой, как выросли-то вы, да похорошели! Прямс икона Иверской Божьей Матери!

— Спасибо, Грунечка, — рассеянно улыбнулась Катя, думая о своем.

Вошедший в комнату истопник, поклонившись барышне, сложил возле заслонки печи-голландки принесенные поленья и принялся за растопку.

Продолжая восторженно щебетать, Груня приняла снятый Катей плащ и, оглядевшись по сторонам, в недоумении осведомилась:

— А где же багаж, Екатерина Юрьевна? Неуж-то до сих пор не внесли? Вот бездельники! И людей ваших что-то не видно...

Катя помолчала, думая, стоит ли снизойти до ответа. Но, рассудив, что иначе по дому пойдут какие-нибудь нелепые слухи, все же ответила:

— Успокойся, Груня, нет багажа. В дороге экипаж сломался, меня знакомые подвезли. А багаж вместе с моими людьми в гостинице остался, для них места не нашлось, позже пошлю за ними.

— В гостинице! Вот уж место совсем не подходящее. Слава Богу, что нашлось, кому подвезти, — закивала Груня, видя, что барышня не расположена к долгим разговорам. — Что же, Екатерина Юрьевна, по позднему времени спать вам угодно будет лечь или отужинаете сперва?

Разумеется, Катя, как всегда, была зверски голодна, хотя и перекусила в дороге, и милостиво согласилась «отужинать».

— В доме гости Александра Юрьевича уж больно сильно шумят, — словно извиняясь, сказала Груня, — что если здесь вам ужин накрыть?

И против этого Катя не возражала. Разумеется, меньше всего ей хотелось снова оказаться в обществе пьяных гвардейцев, чьи распаленные водкой голоса доносились даже в эту часть дома. Поужинать, да на боковую — чего еще желать? В печи потрескивают дрова, а уютная кровать так и манит к себе...

— День сегодня постный, — снова точно извинилась Груня, когда был накрыт стоявший в спальне столик, — среда...

Катя покосилась на принесенные блюда. Маринованные огурчики, соленый лимон, студень, судя по запаху, — рыбный, гороховая лапша с грибами и грибные же ушки, плавающие в конопляном масле.

«Ага, постный, — мрачно подумала Катя, принимаясь за еду, — Сашкины друзья все мясо сожрали, вот и постный».

Впрочем, еда показалась ей достаточно вкусной. А когда принесли к чаю левашники с вишней и миндальное печенье, она и вовсе осталась довольна. Чай был для нее напитком непривычным, но вкус его и крепость ей нравились.

— А вашу детскую комнатку на антресолях завтра приготовим, уберем, печь протопим, как следует, — тараторила Груня, — а барыня-то, как вернется, и лучше вам спаленку определит.

Она остановилась перед кроватью, задумавшись.

— Что же, белье постельное и ночное вам барынино, пожалуй, взять придется... Сейчас принесу.

Озабоченно вздохнув, Груня вышла за дверь. Ее сомнения были понятны Кате. Предоставлять гостям постельное белье было не принято, эти принадлежности считались такими же интимными, как и нижнее белье. А поскольку Катя не была в родительском доме много лет, никаких своих вещей у нее тут давно не водилось. Получается, она в родном доме та же самая гостя, подумала Катя. Разве что белье ей все-таки согласились предоставить...

Пока вернувшаяся горничная стелила ей постель, добросовестно взбивая подушки и перины, Катя расхаживала по комнате, молча прислушиваясь к хохоту и громким голосам гвардейцев, доносившимся снаружи. На языке вертелось множество вопросов, но она решила оставить их до утра, — слишком хотелось спать.

Наконец с помощью горничной она начала снимать одежду, готовясь ко сну. И когда на девушке остались только сорочка и панталоны, Груня вдруг в изумлении замерла:

— Царица небесная!

Катя бросила на нее непонимающий взгляд.

— Екатерина Юрьевна, да где же вы взяли тряпицу эту срамную? — Груня покачала головой, в ужасе глядя на Катины панталоны. — В штанах же этих одни только непотребные женщины ходят, эти, как их? Кар...кур...

— Куртизанки? — с невинным видом подсказала Катя.

Возведя глаза к потолку, Груня троекратно перекрестилась:

— Вот-вот! Они самые. Не дай Бог барыня увидит, что тогда будет!..

Катя молча стащила панталоны и швырнула их через всю комнату:

— Да не нужны они мне, пропади они пропадом! Я простыла в дороге, вот и надела для тепла.

— Для тепла лучше юбок нижних побольше надеть, — нагнувшись, горничная подняла и скомкала «срамную тряпицу». — Вот барыня, дай ей Бог здоровья, придет и займется вашим гардеробом...

Умывшись, Катя вынула шпильки из волос, распустила тяжелую, черную гриву и нырнула в постель. Оказавшись на умопомрачительно-мягкой перине, укрытой свежей простыней, под теплым одеялом, хранившим слабый аромат лаванды, она издала стон наслаждения.

— Ах, Екатерина Юрьевна, устала, ясочка моя, — тихонько рассмеялась Груня. — Снов вам сладких, да чтоб жених на новом месте приснился. Да только крючок-то накиньте, барышня. Не ровен час забредет сюда кто-нибудь.

Тяжело вздохнув, Катя снова поднялась и позевывая, заперла дверь за ушедшей горничной. Погасив свечи, вернулась в постель, повернулась, удобнее устраиваясь в пуховом облаке.

«А Сашка стал совсем взрослым, — сонно подумалось ей. — И нет ему до меня никакого дела, даже не спросил, как я в Москве оказалась... А этот светленький, Бахмет... наверно, тот самый Миша Бахметьев, о котором он мне рассказывал прошлым летом в деревне. Лучший друг... Язвительный парень, но... красивый, пожалуй...»

Она прикрыла веки, и в ушах, словно сам собой, прозвучал насмешливый голос белокурого красавчика: «Прости, Шехонской, но я случайно видел, в чьей карете пожаловала сюда эта сестричка».

Катя рывком села на постели и запустив пальцы в копну распущенных волос, мрачно уставилась в темноту. «Это самая известная в Москве сводня и содержательница борделя», — вспомнила она сказанные Сашей слова. Черт возьми, от всего этого можно было просто сойти с ума!

Габриэла — сводня? Это невозможно. Все в ней сопротивлялось этому известию, не в силах принять его на веру. Она знала великодушие и отзывчивость этой женщины, помнила о ее презрении к Стрешневу. Разве презирала бы она его так глубоко, если бы сама занималась подобными делами? Нет, здесь что-то не так, и при первой же возможности она постарается выяснить это.

Но с другой стороны, подумала Катя, задумчиво покусывая ноготь, как иначе объяснить все странности, удивлявшие ее с самого начала? Слишком свободные, без налета светской сдержанности и благопристойности, речи ее и Оршолы, осведомленность о темных делах Стрешнева, упоминание о какой-то подозрительной воспитаннице, которая оказалась убийцей и воровкой...

А загадочные слова Оршолы, сказанные сегодня на постоялом дворе? «Не дай вам Бог дружить с такой, как я». Как же иначе расценить их? Только как скрытый намек, что они принадлежат к разным мирам и общего между ними быть не может.

Но потом память отдала последнее воспоминание, и на душе потеплело. Габриэла попросила Катю закрыть лицо капюшоном, прежде чем выйти из кареты. Заботилась о том, чтобы никто из посторонних не узнал, «в чьей карете приехала в родительский дом княжна Шехонская». Ее репутация, даст Бог, не пострадает. Но привычный порядок вещей в ее голове рушился на глазах... Какой же была эта женщина на самом деле?

Впрочем, что толку думать об этом, их пути навсегда разошлись. Но как невыносимо горько осознавать это...

Катя завернулась в теплое одеяло, и стараясь не слушать пьяные вопли гвардейцев, закрыла глаза. Вскоре сон одолел ее, но сновидения вовсе не были безмятежны. Все, как в последние ночи — сорвавшаяся с моста карета, ржание обезумевших лошадей, несущая смерть вода... и сильные, смуглые руки Драгомира, подхватившие ее в последний миг...

От сна ее пробудил настойчивый стук в дверь. Чувствуя, как отчаянно колотится в груди сердце, Катя подняла голову с подушки, прислушиваясь к тому, что происходило снаружи.

Стук повторился, и сев в постели, полусонная девушка неуверенно спросила:

— Кто там?

— Мадемуазель, — оживились за дверью, и Катя с досадой поморщилась, узнав голос пылкого Бухвостова. — Мадемуазель, откройте. Я хочу говорить с вами...

* * *

Он упрямо скребся в дверь и, судя по голосу, вряд ли был более трезв, чем несколько часов назад. Тяжело вздохнув, Катя холодно и решительно отозвалась:

— Подите вон, сударь. Вы мешаете мне спать.

Полагая, что инцидент исчерпан, она спокойно улеглась и закрыла глаза, но Бухвостов не отступил.

— Откройте, мадемуазель, — бормотал он, упорно стуча. — Вы так прекрасны... Я хочу видеть вас.

Катя уселась на постели, не без опасения глядя на дрожащую под его напором дверь. Чего доброго, этот дурак сейчас высадит ее, и чем кончится его вторжение, даже страшно представить. Она встала, надела поверх сорочки оставленное Груней утреннее платье и зажгла свечу от пламени печи.

— Мадемуазель! — Бухвостов, окончательно потеряв терпение, начал изо всех сил дубасить в дверь кулаками. — Откройте! Я хочу вас сию минуту!

Положение было явно не из комических, но услышав последнюю фразу, девушка нервно хихикнула. У нее еще оставалась надежда, что, услышав шум, явится Александр и уведет буяна. Если только в эту минуту он не пьян еще более, чем его гости... Эта неожиданная мысль немного испугала Катю, и разозлившись сама на себя, она крикнула в сторону двери:

— Пошел вон отсюда, болван!

Непрекращающиеся удары по двери были ей ответом. Судя по всему, пылкий гвардеец был не обидчив, или же очарование незнакомки затмевало в его глазах все прочие недостатки. Заметив на столе еще один подсвечник, из массивной бронзы, она без тени сомнения взвесила его в руке. Ничего не поделаешь. Если этот шалопай все-таки ворвется в спальню, у нее есть, чем успокоить его. Вооружившись канделябром, княжна встала возле двери, и в эту минуту дробь, которую выбивали по филенке кулаки настойчивого воздыхателя, прервали два удручающе пьяных мужских голоса.

— Бухвостов, ты что тут делаешь? — осведомился первый.

— Мы поехали к девчонкам[1], ты идешь с нами? — добавил второй.

— Я не хочу к другим девчонкам. Я эту хочу, которая здесь, за дверью, — отрезал Бухвостов с решительностью, безусловно, лестной для самолюбия осажденной барышни.

— А кто там?

— Нее, Бухвостов! Туда нельзя, там сестра Шехонского. Я помню, он сам сказал.

— Он врет! — выпалил поклонник княжны Шехонской. — У него никогда не было сестры, мы бы знали об этом. Он просто не хочет делиться с нами своей новой шлюхой, поэтому и обманул нас. А она такая свеженькая, глаза — как вишни... Я хочу нанести ей визит, а она меня не пускает! Мадемуазель! — и он снова забарабанил в дверь.

— А она вправду хорошенькая?

— Очень! Сейчас мы сломаем дверь, и ты в этом убедишься! Мадемуазель, мы ломаем дверь!

— Все вместе! Разом! Навались! — закричали гвардейцы, и дверь затряслась, едва не срываясь с петель.

У Кати похолодели ноги. Подсвечник подсвечником, — но сумеет ли она отбиться от троих? И где, черт возьми, челядь, неужели все спят мертвецким сном? Дверь трещала под ударами, было видно, что крючок вот-вот сорвется, не выдержав напора. Она машинально глянула на окно, но тут же сердито отвернулась, встряхнув разметавшимися черными кудрями. Калечить себя из-за каких-то пьяных идиотов? Конечно, можно было бы попробовать еще раз поувещевать этих разбойников, но, скорее всего, звук женского голоса лишь еще больше распалит их.

— Мадемуазель, — хрипло хихикнул за дверью запыхавшийся Бухвостов, — потерпите еще м-м-мгновенье! Щербатов, Аргамаков, ну, сильнее!

Дверные петли отчаянно захрустели. Коротко лязгнув, отскочил крючок, и дверная створка распахнулась, с грохотом ударившись об стену. Не удержавшись на ногах, трое пьяных женолюбов рухнули на порог. Издавая стоны и проклятия, они закопошились на

полу, пытаясь подняться.

— А я еще сомневалась, что вся Москва будет у моих ног, — удовлетворенно произнесла Катя, разглядывая поверженную троицу. — Вот, уже второй раз за один и тот же день. Только господина Леднева не хватает.

— Я здесь, — прошелестел голос из коридора, и перед изумленной девушкой появился памятный ей гвардеец, не так давно упавший с лестницы при виде ее красоты.

Пресловутый господин выглядел вполне здоровым, без особых повреждений, если не считать фиолетового синяка под глазом, но, что самое досадное, был, похоже, не так уж и пьян.

Трое первопроходцев к тому времени уже переменили свою смиренную позу: Бухвостов стоял на четвереньках, очевидно, собираясь с духом, чтобы перейти на следующую ступень эволюции. Щербатов и новый Катин знакомый, Аргамаков, сидели на полу, озадаченно потирая ушибы, и неразборчиво ругаясь. Не сводя с девушки глаз и растянув губы едва ли не до ушей, Леднев медленно шагнул вперед.

Катя сморщила носик, став похожей на злобную собачонку. В этом доме поклонники лезли из всех щелей, как тараканы, хоть кипятком их шпарь! Гнев кипел в душе, придавая сил. Поудобнее перехватив подсвечник, она бестрепетно взмахнула им, целясь в голову незваного гостя. Удивление мелькнуло в бледно-голубых глазах гвардейца. Защищаясь, он поднял руки, сумел уклониться от удара, и в следующий миг резко оттолкнул Катю. Не устояв на ногах и потеряв от неожиданности свое оружие, девушка рухнула сверху на Бухвостова и его приятелей. От боли в спине и затылке у нее на миг потемнело в глазах.

Ее внезапное падение сверху заставило незадачливых Бухвостова и Аргамакова снова растянуться на полу, но более устойчивый Щербатов с неожиданной ловкостью облапил опарашенную Катю за талию. Не теряя времени, счастливчик с аппетитом сжал прикрытую лишь несколькими слоями батиста грудь княжны. Издав негодующий вопль, та впилась ногтями в руки насильника, словно расвирепевшая рысь, зажатая росомахой. Кровь выступила из запястий Щербатова и, заорав на весь дом, он инстинктивно разжал ладони.

Катя перевернулась на колени и, обернувшись, вlepила оглушительную затрещину в его багровую физиономию. Бухвостов, уже снова стоявший в полюбившейся позе коровы, с неразборчивым мычанием потянулся к неприступной красотке, и ухватил ее за подол. Отдохнувший Аргамаков помог приятелю, зажав в железных пальцах Катину щиколотку. Не глядя саданув его ногой, девушка рванулась, воздушная ткань затрещала и огромный кусок белого батиста остался в ладони Бухвостова.

Вскочив на ноги, княжна ринулась к двери, и оказалась лицом к лицу с Ледневым, который, вытаращив глаза, увлеченно наблюдал за побоищем.

— Да чтоб тебя!.. — вспомнив советы деревенских мальчишек, Катя в бешенстве ударила его коленом в пах, и попыталась проскочить в распахнутые двери.

— Сука! — прохрипел Леднев, согнувшись в три погибели. — Убью... тварь!

Пересилив боль, он вытянул руку вслед ускользящей девушке, ухватил концы ее длинных, разметавшихся по спине волос и рванул со всей силы. Катя закричала. Ей показалось, что голова сейчас оторвется от тела. Согнувшись, с перекошенной физиономией, Леднев рывками намотал ее волосы на руку, толкнул к стене и задышал жарким перегаром в лицо:

— Что, убежать хотела, дрянь? Убежать?..

Потрясенная княжна молча смотрела на него, впервые по-настоящему испугавшись. У

нее кружилась голова, и тошнота подступила к горлу.

— Ты за все ответишь, сука!

Он сжал пальцы в кулак, без сомнения, собираясь ударить ее, но в следующий миг неожиданно оказался на полу. Глаза Кати ошеломленно заметались, не в силах осознать происшедшее. Она машинально тронула ноющий затылок, провела дрожащей рукой по освобожденным волосам, и подняла глаза на нежданного спасителя.

— Тихо, Платон, — спокойно сказал белокурый гвардеец по прозвищу Бахмет. — Мне не нравится, как ты себя ведешь, так что, лучше не серди меня.

Леднев, вынужденно уткнувшийся носом в пол, разразился весьма замысловатой руганью, но Катин заступник поставил ногу ему на спину, и чувствительно надавил, заставляя умолкнуть.

— Если не хочешь кусок пакли в рот, лучше замолчи.

С этими словами, продолжая удерживать бузотера на полу, удовлетворенный Бахметьев повернулся к Кате. Глаза их встретились. Несколько мгновений юноша молча, с видимым интересом изучал стоящую перед ним девушку. Мельком глянув вниз, Катя убедилась, что подол пеньюара превратился в рваные лохмотья, и под тонкой сорочкой довольно явственно просвечивали ноги. Ее щеки жарко полыхнули.

— Почему вы не звали на помощь? — произнес Бахметьев.

— Я звала, — огрызнулась она. — Кроме того, когда слышишь, что ломают дверь, трудно не понять, что что-то не так!

Ее визави не смутился.

— Я пришел сразу же, когда услышал ваш крик и понял, что вы не настроены развлекаться с моими друзьями, — спокойно объяснил он.

— Вы понимаете, что несете, сударь? — возмутилась спасенная. — Стало быть, не закричи я, вы бы позволили этим пьяным скотам бесчестить сестру вашего друга?

Бахметьев коротко рассмеялся.

— Однако, это становится уже забавно. В чем смысл этой игры в брата и сестру, голубушка, объясните мне? Может быть, я тоже заведу себе сестричку в одном гостеприимном доме?

— Я вам не голубушка! — взвилась Катя. — Извольте обращаться ко мне с уважением! Я урожденная княжна Екатерина Шехонская, дочь князя Юрия Шехонского, в доме которого вы находитесь. Какие у вас основания не верить мне и моему брату?

Несомненное достоинство и уверенность девушки были вполне убедительны, но Бахметьев не ответил. Несколько мгновений он смотрел мимо княжны, наблюдая за тремя гвардейцами, которые пытались подняться, цепляясь друг за друга. На их лицах был написано опасливое недоумение, которое наконец выразил вслух Щербатов:

— Бухвостов, это ты сказал, что она любовница Шехонского! Ты что натворил, сукин сын, а?

Бухвостов тревожно втянул голову в плечи, точно Александр Шехонской уже стоял рядом, с ножом, приставленным к его горлу.

— Кстати, где мой брат? — резко спросила Катя, с презрением отвернувшись от тройки перетрусивших пьяниц.

— Спит, как убитый, — откликнулся Бахметьев. — Потому как переусердствовал за столом еще больше, чем эти господа.

Двое из упомянутых господ сумели наконец принять вертикальное положение, —

Щербатов и Аргамаков. Совместными усилиями они кое-как поставили на ноги и уничтоженного Бухвостова.

— Леднев, — бросил Бахметьев, — ты успокоился, наконец?

— Да, — угрюмо буркнул поверженный буян.

— Хорошо, я верю тебе.

Бахметьев убрал ногу со спины своего пленника, дождался, когда тот, побряхтывая, встанет на ноги, и подвел черту:

— А теперь, господа, будьте любезны покинуть эту комнату. Свои извинения вы принесете, когда будете трезвы, — оборвал он колебания Бухвостова.

Но уйти молча незадачливый ухажер не мог. С минуту Катя и ее спаситель еще слушали невнятные оправдания, но наконец, Бахметьев, потеряв терпение, просто захлопнул покосившуюся створку перед лицом Бухвостова.

Поскольку запереть дверь было невозможно, он просто прислонился к ней, скрестив на груди руки, помолчал немного, прислушиваясь к удаляющимся шагам, и устремил взгляд на девушку:

— Вы ничего не хотите рассказать мне?

Завернувшись в снятое с кровати покрывало, княжна холодно-вопросительно взглянула на своего спасителя.

— Почему я должна что-то рассказывать вам?

— Не должны. Просто, если вы хотите, чтобы я поверил в то, что вы княжна Шехонская...

— Знаете, сударь, мне совершенно безразлично, поверите вы в это или нет, — прервала его Катя.

Бахметьев помолчал.

— Хотите немного коньяку? — неожиданно предложил он.

Катя заколебалась. Ей нечасто приходилось пробовать что-то крепче сбитня, разве что глоток церковного вина во время причастия, но, попробовать, пожалуй, стоило. Кроме того, начатый разговор все-таки требовал завершения.

— Не откажусь, — кивнула она.

Бахметьев взял зажженный подсвечник и подал руку Кате. Юноша и девушка вышли из спальни, сопровождаемые ревнивыми взглядами четверки воздыхателей, прошли в парадную часть дома и расположились в кабинете князя Шехонского.

[1] То есть, к проституткам.

* * *

Бахметьев подкинул дров в пылающий камин, и остановился возле столика с коньячным прибором. Катя огляделась. В кабинете отца мало что изменилось, разве что он показался ей куда меньше, чем в детстве. Опустившись в кресло, стоявшее возле огня, она старательно закуталась в покрывало и бросила оценивающий взгляд на своего спасителя.

Это был юноша лет двадцати трех, чуть выше среднего роста, стройный, прямой, с крепкими плечами и той особенной печатью утонченности во всем облике, которая даже под рубищем неизменно отличает истого дворянина. Густые белокурые волосы обрамляли

тонкое лицо с безупречно правильными чертами, спокойное, словно отстраненное. Светло-зеленые, удлиненного разреза глаза, точеный, прямой нос, губы с насмешливой складкой и упрямый подбородок, — все говорило о силе характера, но силе удивительно сдержанной и аристократической.

Катя мысленно призналась себе, что никогда еще не встречала более красивого и обворожительного молодого человека. И екнувшее в груди сердце, похоже, было с ней абсолютно согласно.

Налив немного коньяку в два бокала, гвардеец подал один из них девушке и на минуту задержался возле окна, наблюдая за поспешным отъездом своих приятелей, которое более походило на бегство. Наконец он опустился в кресло, стоявшее напротив. Катя сделала осторожный глоток, закашлялась и, едва удержав гримасу отвращения, поставила бокал на столик. Но и глотка спиртного ей хватило, чтобы ощутить приятное тепло, быстро охватившее все ее тело.

— Ну что ж, рассказывайте, — подбодрил гвардеец.

— Что вы хотите, чтобы я рассказала вам? — нахмурилась Катя.

— Начните с главного, — посоветовал Бахметьев.

— Возможно, я и начала бы с главного, если бы вы наконец представились, — надменно отозвалась девушка. — Не имею ни малейшего желания разговаривать с незнакомцем.

Юноша усмехнулся:

— Может быть, разбудить вашего так называемого брата, чтобы он официально представил нас друг другу?

— А вы что, так пьяны, что не помните собственного имени? — парировала Катя.

— Просто я считаю дурным тоном представляться без участия посредника, но поскольку вас это не смущает, так и быть: прапорщик лейб-гвардии Семеновского ее императорского величества полка, Бахметьев Михаил, к услугам прекрасной дамы, — молодой человек не без иронии склонил голову в поклоне.

— Ах, бедный! Неужели вы до сих пор прапорщик? — с подчеркнутым сочувствием отозвалась Катя. — А в чем же дело? Почему так медленно идет продвижение по службе? Вакансии нет в полку или... бордели отвлекают?

Скрестив руки на груди, Михаил с некоторым интересом взглянул на нее:

— По некоторым причинам я и вправду очень давно жду следующего чина, но вы-то откуда можете знать об этом?

Катя негромко рассмеялась:

— Да я много чего знаю о вас, Бахмет. Знаю, что ваш род ведет начало от Чингисхана, и ваш предок, царевич Аслам Бахмет, триста лет назад перешел на службу к Василию Темному. Знаю, что вы родом из Ростова, у вас девять братьев и сестер и потому рассчитывать на достойное наследство вам не приходится. Еще знаю, что в прошлом вы — поручик, но разжалованы за дуэль. Также знаю, что вы — первый задира в полку и по какой-то странной прихоти случая пользуетесь успехом у женщин...

— Вот так вот значит, да? — с юмористической мрачностью прервал ее Михаил. — Это что же, у мадам Канижай на всех имеется такое dossier (*досье (франц.)*), или же я один удостоился подобной чести?

— Мне рассказал об этом Саша! — рассердилась Катя. Взяв бокал со столика, она храбро сделала пару глотков, сморщилась и с приступком поставила его на столешницу,

расплескав напиток и едва не разбив стекло.

— Эй, эй, осторожнее, — усмехнулся Бахмет. — Если вы думаете, мадемуазель, что битье фамильной посуды убедит меня в том, что вы здесь хозяйка, то вы сильно ошибаетесь.

Не сдержавшись, Катя захихикала. Ей не хотелось признаваться себе в этом, но молодой гвардеец с каждой минутой занимал ее все больше.

— Лучше поведайте, что еще говорил обо мне ваш... э-э-э... Александр.

— Еще? — Катя важно кивнула и подняла глаза к потолку, словно надеясь высмотреть там нужные сведения. В голове зашумело, но мысль о том, что алкоголь уже начал свое действие, не слишком ее озаботила. — Еще он говорил мне, что вы очень недалекий субъект, болтун, сплетник и шулер.

Михаил в изумлении приподнял брови:

— Это он вам говорил обо мне?

— Да, — очень серьезно подтвердила Катя, но через мгновение, не выдержав взятой на себя роли, фыркнула и невинно произнесла: — То есть, нет, конечно. Это я пошутила.

Бахмет смерил ее убийственным взглядом и, взяв кочергу, принялся молча ворошить дрова в камине. По мере того, как затягивалось молчание, девушка ощутила нечто вроде раскаяния.

— Вы обиделись? — негромко произнесла она.

— А вы как думаете? — бросив зазвеневшую кочергу, Михаил снова откинулся на спинку кресла и скрестил на груди руки. — Благодарите Бога, что вы женщина, мужчин я отправлял на тот свет за куда менее обидные шутки.

— Вы тоже обижаете меня, — хмуро отозвалась Катя. — Обижаете тем, что не верите мне.

— А какие у меня основания верить вам, мадемуазель? — холодно сказал Михаил, устремив на нее немигающий взгляд. — Александр, хотя мы знакомы не первый год, до сих пор никогда не упоминал о том, что у него есть сестра. Да и княгиня Софья Петровна, на моей памяти, ни разу не вспоминала о том, что у нее есть дочь.

У Кати вытянулось лицо.

— Неужели это действительно так... — тихо проговорила она.

Боль, отразившаяся на лице девушки, была такой явной, что Михаил невольно внимательнее взглянул на нее.

— Я сожалею, если обидел вас, — продолжал он, слегка смягчившись, — но вы расскажите мне всю правду и тогда посмотрим, смогу ли я вам поверить. Где вы жили до сих пор, возможно, воспитывались в монастыре? И каким образом, если вы действительно княжна Шехонская, оказались в карете содержательницы борделя?

— Ах вот что вас смущает больше всего, — Катя надменно улыбнулась, мысленно молясь, чтобы щеки не вспыхнули опять. — Это просто случайность. Если вам любопытно, я могу рассказать.

— Сделайте милость, — кивнул собеседник, отпив глоток из бокала, и поудобнее устроился в кресле. — Если я удостоверюсь, что вы именно та, за кого себя выдаете, то последующая беседа пойдет значительно легче.

— Я именно та, за кого себя выдаю, — Катя гневно сверкнула глазами. — И о том, что представляет из себя мадам Канижай, я узнала только приехав сюда, со слов Александра. Я ехала в Москву...

— Откуда, позвольте узнать?

— Из-под Новгорода. Я живу в поместье моего отца, селе Вольногорском, если вас это интересует. В пути у меня сломалась карета, и мадам Канижай предложила подвезти меня. Она была очень любезна, да и выглядела благовоспитанной дамой, так что у меня не было никаких оснований не доверять ей. Но и выхода тоже не было.

Бахметьев скептически приподнял бровь:

— Не понимаю. Вы что, ехали одна?

— Нет, разумеется. Со мной была моя гувернантка и люди.

— Что же с ними случилось, позвольте полюбопытствовать?

Катя ответила не сразу.

— Они погибли.

— Час от часу не легче! — откинувшись в кресле, Бахметьев с видимым изумлением уставился на девушку. — Да с вами не соскучишься, милочка.

— Ну все, довольно! — Катя резко поднялась. — Я не ярмарочный Петрушка и не собираюсь выворачиваться наизнанку ради вашей забавы.

С этими словами она направилась к двери, но гвардеец, быстро поднявшись, удержал ее за локоть.

— Екатерина... Юрьевна, простите, если снова обидел вас, но поймите и вы меня. То, что вы рассказываете, больше похоже на французский роман, чем на реальную историю.

Катя осторожно высвободилась, плотнее запахнувшись в покрывало, и остановилась, глядя в лицо юноши.

— Это означает только одно, сударь, — холодно отозвалась она, — что у вас на редкость мизерный жизненный опыт.

Михаил засмеялся:

— Ну хорошо. Оставим в покое скудость моего жизненного опыта, кою я горестно оплакиваю. Есть очень простой способ удостовериться в вашей правдивости.

Катя невольно напряглась, следя настороженным взглядом за молодым человеком. Подойдя к письменному столу, он взял стоявший там колокольчик:

— Я звоню и вызываю прислугу, идет? Ведь люди должны знать, кто вы такая?

— Звоните, — фыркнула Катя. — Только я сомневаюсь, чтобы кто-нибудь пришел. Что-то они не очень торопились прийти, когда мне нужна была помощь.

Михаил пожал плечами:

— Вы их не звали, вот они и не пришли. К тому же, Александр отпустил их, когда больше не было необходимости в их услугах. Они, должно быть, спят, и ничего не слышали.

С этими словами он потряс колокольчиком и его нестройный звон показался особенно громким в тишине спящего дома.

Ждать пришлось несколько минут, в течение которых Катя и Михаил молча сидели в креслах. Наконец дверные створки распахнулись, и на пороге с поклоном появился Егор, тот самый лакей, которого Катя накануне вечером встретила при входе в дом. Видно было, что он одевался второпях, да и выглядел заспанным, но поклонился очень почтительно:

— Чего изволите, барышня?

Катя улыбнулась:

— Егор, представь меня этому господину.

Лакей непонимающе кашлянул, не зная, как воспринять слова молодой госпожи. Но, рассудив, что ничего невозможного от него не требуют, развернулся к Михаилу и объявил с достоинством завязтого церемониймейстера:

— Ее сиятельство княжна Шехонская Екатерина Юрьевна.

Михаил многозначительно покачал головой и, выдержав паузу, произнес:

— Благодарю, любезный. А теперь постарайся разбудить Александра Юрьевича и привести его сюда.

Лакей вопросительно посмотрел на Катю, но видя, что она не возражает, поклонился и отправился исполнять поручение.

Воцарилась тишина. Бахмет сидел, задумчиво теребя прядь светлых волос. Сдерживая торжествующую улыбку, Катя небрежно осведомилась:

— Зачем вы послали его будить Александра?

— Чтобы устроить ему экзекуцию, — отозвался Бахмет, и снова погрузился в молчание.

— Вы ничего не хотите сказать мне? — после паузы невинно добавила Катя.

Михаил вздохнул:

— Грешен, мадемуазель, грешен! За что и прошу великодушно простить меня. Но кто знал, что в вашей семье принято кровное родство превращать в роковую тайну?..

Катя пожала плечами.

— Я надеюсь, что у Саши найдется на этот счет какое-нибудь объяснение.

После некоторого ожидания на пороге наконец появился весьма помятый Александр Шехонской. С его всклокоченных волос капала вода; очевидно, Егору пришлось немало потрудиться, приводя в чувство молодого барина.

— Катерина? — покачиваясь, Александр с недоумением оглядел сестру и друга. — Ты зачем вышла из своей комнаты? И в таком виде?.. А ты что делаешь тут с моей сестрой?

Катя слегка поморщилась, ощутив жуткий запах перегара, исходивший от него.

— М-да, — протянул Михаил, — какая трогательная братская забота.

Произнесенная другом фраза, видимо, оказалась слишком туманной для непотрезвевшего Александра. Озадаченно поморгав, он осведомился:

— А где все?

— Как тебе сказать... — усмехнулся Бахмет. — Баталия была проиграна, и они бежали с поля битвы.

— А зачем? — произнес совершенно сбитый с толку Александр.

Катя молчала. Ей было не слишком приятно слушать, как Бахмет тонко изгаляется над ее упившимся братом, но с другой стороны, разве Саша не заслужил это?..

— Видишь ли, — Бахмет бросил взгляд на девушку, — здесь произошло много интересного, пока ты спал. И прежде всего то, что наши общие друзья вломились в спальню к твоей сестре и едва над ней не надругались.

— Чего? — произнес ошарашенный Александр, переводя взгляд с Михаила на Катю, и в его глазах наконец промелькнуло понимание. — Не может быть.

— Может, Саша, — бросила Катя, отворачиваясь.

Александр встряхнул головой и его лицо побагровело.

— Я их убью... — хрипло выдавил он, сжимая дрожащие кулаки.

— Непременно, — кивнул Михаил, — только подумай сперва: почему так произошло? Если б ты не скрывал, что у тебя есть сестра, никто бы не принял ее за твою любовницу, и не посмел бы вломиться к ней.

По мере того, как говорил Михаил, лицо Александра все больше вытягивалось, становясь обескураженным.

— Да не скрывал я! — все же огрызнулся он. — Просто тапан...

Он осекся, не договорив.

— Что таман? — Катя резко развернулась к брату. — Договаривай же!

— Ничего! — рявкнул Александр. — Ну что вы уставились на меня оба? Не говорил, потому что не считал нужным. Ну есть сестра, и что?!

Катя бросила на брата уничтожающий взгляд и вышла из кабинета, хлопнув дверью.

Оказавшись в гостиной, она двинулась было вперед, но донесшийся из-за двери голос Бахмета невольно заставил ее остановиться:

— Ты вообще соображаешь, что говоришь?

— А что такого? — снова огрызнулся в ответ Александр.

— Что такого? Ты же обидел ее. Обидел именно тогда, когда она больше всего нуждается в твоей поддержке.

Услышав скрип отворяющейся двери, Катя ускорила шаг, но спустя несколько мгновений Бахмет догнал ее.

— Екатерина Юрьевна, — он встал перед ней, загораживая дорогу, — вы простите этого пьяного дурака, он сам не понимает, что несет.

Вынужденная остановиться, девушка холодно посмотрела на него:

— Вот уж в чем я точно не нуждаюсь, так это в вашей жалости! Дайте мне пройти!

Бахмет широко улыбнулся и покачал головой:

— Ни за что. До утра еще несколько часов, мне положительно нечем заняться, так неужели я отпущу очаровательную барышню, которую мне сам Бог послал? И не надейтесь, Екатерина Юрьевна... — последние слова он произнес низким, чувственным полусшепотом и осторожно сжал укрытый покрывалом Катин локоть.

— Не трогайте меня! — вспыхнула девушка, безуспешно пытаясь оттолкнуть его, но грозившее распахнуться покрывало сковывало ее движения.

Михаил неожиданно рассмеялся, не сводя глаз с ее пылающего гневом личика:

— Черт возьми, как я раньше не заметил? У вас с Александром совершенно одинаковое выражение лица, когда вы злитесь.

— И вовсе я не злюсь, — буркнула Катя, невольно вздрагивая от вкрадчивых движений его пальцев, которыми он осторожно поглаживал ее беззащитный локоть.

— Злитесь-злитесь, — примирительно сказал Бахмет, — и я вас хорошо понимаю. Давайте вернемся в кабинет и наkostenяем Сашке как следует? А потом прикончим коньяк.

Катя не смогла сдержать улыбку. Войдя в кабинет, они обнаружили Александра безмятежно похрапывающим на диване. В графине, что красовался посреди стола, не осталось ни капли коньяка. Михаил не без восхищения покачал головой:

— И когда успел?..

Катя, вздохнув, остановилась перед спящим братом.

— Когда мы виделись с Сашей в последний раз, он еще не выказывал такой склонности к выпивке.

— Что вам сказать, Екатерина Юрьевна... — став рядом, произнес Михаил. — Тому, кто не пьет, в гвардии делать нечего.

Катя с любопытством взглянула на него:

— А как же вы? Рядом с Сашей и вашими друзьями вы кажетесь просто белой вороной.

— Я?! — указав на себя пальцем, Михаил в знак изумления приподнял брови. — Да вы знаете, сколько я выпил сегодня? Просто в отличие от этих сосунков я умею пить, не пьянея. Надеюсь, Екатерина Юрьевна, вы не сочтете это за хвастовство.

— Хвастаться тут и вправду нечем, — усмехнулась Катя. — Но я так понимаю, что это свойство — предмет вашей особой, тайной гордости.

— Ладно, согласен, умыли, — улыбнулся Михаил. — Оставим эту тему, хорошо? Может быть, у вас есть какие-то пожелания? Напоминаю, я весь в вашем распоряжении.

— Если честно, — призналась Катя, — я очень хочу есть.

— Нет ничего проще! Вызывать слуг не будем: не хочу нарушать наше уединение. Вы подождите меня здесь, я пойду, пошарю в столовой, там, кажется, кое-что осталось, — с готовностью отозвался Михаил.

Он вернулся через несколько минут с графином оршада и блюдом, на котором лежал румяный пирог с грибами. За время его отсутствия Катя постаралась придать более приличный вид своим растрепанным волосам и завязала покрывало узлом на плече в виде древнеримской тоги. Устроившись в креслах, они принялись за еду.

— Вам идет, — сообщил Михаил, разглядывая девушку. — Знаете, государыня очень любит маскарады с самыми фантастическими переодеваниями, и я представил себе, как великолепно вы выглядели бы на одном из таких маскарадов, облаченная в костюм богини Дианы...

Он смотрел на нее так пристально, что Катя ощутила некоторое смущение.

— Мне кажется, это был бы слишком смелый наряд, вам не кажется?

— Здесь, в Москве, — возможно, но не в Петербурге. Помню, когда я служил там, то ее величество устроила маскарад, на котором все мужчины были в дамских платьях, а дамы, напротив, одеты по-мужски[1]. Говорят, это было незабываемое зрелище. Усатые гвардейцы в фижмах сшибали юбками столики, жардиньерки, падали сами, зацепившись за подол...

Катя засмеялась:

— Не может быть! Вот это да! А как же вы избежали этой участи?

— Я, к счастью, был еще не в том чине, чтобы присутствовать на придворных балах. Так что, мне повезло.

Глаза Кати заискрились смехом:

— А если бы все-таки вас обязали явиться на такой бал, и в женском платье? Что тогда?

Михаил зажмурился в непритворном ужасе:

— Руки бы на себя наложил точно, или, по крайней мере, постарался бы совершить что-нибудь такое, чтоб оказаться на гауптвахте. Но женские тряпки не стал бы надевать даже под угрозой расстрела на месте.

— Зря, — хихикнула Катя, жуя пирог. — Мне кажется, из вас получилась бы чудная белокурая красотка.

— Ах, значит, вы находите меня красивым, да? — удовлетворенно хмыкнул Михаил, с усмешкой разглядывая краснеющую девушку. — Да и вы, Екатерина Юрьевна, неплохо бы смотрелись в мужском платье. С вашими умопомрачительными ножками...

Катя едва не подавилась пирогом. Скрывая невольную улыбку, она с упреком посмотрела на юношу:

— Бахмет, давайте не будем переходить рамки светского разговора. Иначе я сочту, что вы ничем не отличаетесь от остальных друзей моего брата, и тогда...

— И что же тогда?

Катя осушила наполненный оршадом бокал и с вызовом встряхнула волосами:

— А ничего тогда! Просто имейте в виду, что я далеко не беззащитна и смогу постоять за себя, если увижу, что вы ведете себя не как благородный дворянин!

— Вот так вот, значит, да? — вздохнул Михаил. — Ну хорошо, вы правы и я приношу свои извинения. Хотя, накажи меня Бог, не понимаю, почему должен извиняться за комплимент, которого достойна далеко не каждая дама, уж поверьте.

— Бахмет! — крикнула Катя, бросив взгляд на мирно спящего брата. — Еще одно слово и этот кувшин полетит вам в голову!

— Всё, всё! — Михаил поднял руки, точно сдаваясь. — Я понял. Раз вы не любите, когда вам говорят комплименты, давайте поговорим обо мне. Кажется, вы говорили, что я красивый?

— Я? — театрально изумилась Катя. — Не было такого!

Так, болтая и смеясь, они просидели до тех пор, пока в окнах не забрезжил утренний свет. Александр за все это время даже не шелохнулся. Наконец, взглянув на часы, Михаил поднялся.

— Екатерина Юрьевна, к сожалению, вынужден оставить вас. Служба ждет.

Катя подавила невольный вздох. Прощаться с Бахметьевым ей совсем не хотелось, да и сна не было ни в одном глазу. Но, разумеется, задерживать гостя она не стала и спустилась вниз, чтобы проводить его.

Стоя в вестибюле, Михаил набросил на плечи поданную лакеем епанчу, принял треуголку и, прежде чем скрыться за дверью, задержал взгляд на молчавшей Кате.

— Если бы я раньше знал, что у моего друга такая очаровательная сестра... — тихо произнес он.

— И что бы это изменило? — еще тише отозвалась Катя, чувствуя, как замирает в груди сердце.

— Я бы давно уговорил его привезти вас в Москву.

— Ну вот я здесь, так что можете располагать мною, — усмехнулась она.

— И теперь мы друзья с вами, не так ли? — завладев ее рукой, Бахмет запечатлел на ней горячий поцелуй и, выпрямившись, пристально взглянул в глаза девушки. — По крайней мере, начнем с этого, а дальше... как Богу будет угодно.

Катя стояла в некотором замешательстве, не зная, что отвечать на эти странные слова. Поклонившись ей, юноша молча шагнул в распахнутые двери и тут Катя окликнула его, впервые назвав по имени:

— Михаил Алексеевич...

Он обернулся, выжидательно глядя на нее.

— Спасибо вам.

Бахмет улыбнулся и его зеленые, как майская трава, глаза, казалось, стали еще ярче.

— Право же, Екатерина Юрьевна, не стоит благодарности.

И с этими словами он скрылся за дверью. Гулкие шаги прозвучали по ступеням. А Катя осталась стоять, глядя ему вслед и не замечая, что улыбается самым глупейшим образом...

[1] здесь небольшой намеренный анахронизм: в реальности подобного рода маскарады устраивала императрица Елизавета, а не Екатерина II.

Глава 8. Брат и сестра

Весь день челядь ходила по дому тишком, не смея взглянуть Кате в глаза. Очевидно, и от Александра им досталось за то, что не пришли ночью на помощь барышне. Так или иначе, сломанная дверь говорила сама за себя, и Кате оставалось только с отвращением гадать, насколько близкая к истине картина ночного происшествия нарисовалась в воображении слуг. Ошарашенной Груне, которая единственная из всех не побоялась подступить к барышне, та кратко рассказала о том, что случилось ночью, опустив рискованные подробности и, представив все дело так, словно Михаил пришел ей на помощь, едва дверь была взломана.

Разумеется, Катя не просто так удовлетворила любопытство горничной, а с единственной целью прекратить всевозможные домыслы. И надеялась теперь, что у слуг, с которыми Груня непременно поделится услышанным, не будет повода думать, что над барышней совершили непоправимое насилие. Порванный пеньюар, который мог выдать ее, Катя надежно спрятала, потихоньку найдя похожий в вещах татан, и успокоилась. В любом случае, за пределы этого дома сплетня не выйдет, в этом она была уверена. Кому из домашних слуг захочется подставлять спину под плети, быть отданным в солдаты или отправиться в самое захолустное поместье ухаживать за свиньями? А в том, что и Саша, и отец способны превратить жизнь такого сплетника в кромешный ад, девушка не сомневалась.

В тот же день Катя перебралась на антресоли, в свою прежнюю детскую комнату. Там навели порядок, и жить вполне было можно. Конечно, комната невелика, с потемневшими обоями, обшарпанным паркетом, самой простой, невзрачной мебелью и выцветшими шторами, но пока Катю это не огорчало. Самое главное, что она в Москве, и жизнь постепенно наладится.

Множество воспоминаний нахлынуло на нее, когда она вошла в эту комнатку с низким потолком. Сколько же было ей лет, когда ее увезли отсюда: шесть, семь? Катя, увы, не помнила. В ту пору она тяжело болела, на протяжении нескольких месяцев ее не оставлял мучительный, раздирающий горло кашель, и врачи заподозрили начало чахотки. По совету докторов и настойчивым просьбам Катиной кормилицы Ульяны, девочку решено было отправить в деревню, на свежий воздух. И там, несмотря на то, что климат этого края озер был не в пример суровой московского, Катя постепенно выздоровела: помогло лечение деревенской знахарки, которую Ульяна призвала на помощь маленькой барышне.

Но после выздоровления Катя в Москву не возвратилась. Родители сочли, что в городе болезнь может опять вернуться к ней и знахарка была с ними абсолютно согласна. Так и случилось, что Катя на долгие годы осталась в деревне, вместе с любимой Улечкой, гувернанткой и старой тетюшкой Евдоксией. Почти каждое лето она видела родителей и брата, приезжавших навестить ее.

Первое время после выздоровления Катя отчаянно рвалась в Москву, не понимая, за какие грехи должна жить вдали от близких, но постепенно смирилась. А потом и вовсе стала находить удовольствие в своей вольной деревенской жизни. Тетюшка Евдоксия была добра к ней и старалась держать в узде гувернантку, не позволяя той ломать бойкий и озорной характер воспитанницы. Ульяна со своей стороны баловала Катю, как могла, стремясь, чтобы лишенная родительского тепла девочка не чувствовала себя обездоленной. И именно

Ульяна, эта женщина с цыганской кровью, выкормившая Катю, стала ей куда ближе родной матери.

Так шли годы, девочка превращалась в девицу и мечты о том времени, когда она наконец сможет покинуть свой тесный мирок и выйти в свет, найдя признание своих многочисленных достоинств, все чаще одолевали ее.

В последний год, когда ей исполнилось шестнадцать, она отправила родителям множество писем, прося разрешения приехать в Москву, но татап неизменно отказывала. Вскоре тяжело заболела тетушка Евдоксия, и так как годами она была уже очень стара, стало ясно, что она едва ли оправится. Болезнь тетушки была затяжной, в письме Катя сообщила об этом матери и получила ответ, что та вскоре пришлет для нее новую компаньонку. Это письмо пришло уже после смерти тетушки. И получив его, Катя решила на обман.

Она подменила письмо матери, написав другое, где содержалось разрешение ей приехать в Москву, и предъявила его гувернантке. И мадемуазель Дюбуа не оставалось ничего, как начать сборы в дорогу.

Ульяна хотела сопровождать свою любимицу, но Катя, зная, что татап не слишком жалуется кормилицу, остереглась брать ее с собой: кто знает, не пал бы гнев княгини на Ульяну, когда выяснится этот подлог. Кроме того, и самой ей было бы проще выяснять отношения с матерью, не раздраженной присутствием нелюбимой служанки. Поэтому она заранее позаботилась добавить в поддельное письмо пункт о том, что Ульяна должна остаться в деревне. И договорившись, что вызовет ее к себе, когда устроится в Москве, Катя отправилась в путь. И даже мысль о том, что мать возможно никогда и не позволит ей привезти в Москву Ульяну, уже не могла остановить девушку. Что делать, рано или поздно надо вылетать из гнезда.

Нельзя сказать, что страх перед гневом татап совсем не беспокоил Катю. Разумеется, она знала, что без скандала не обойдется, но не видела смысла паниковать раньше времени. К тому же, она надеялась, что отец и брат встанут на ее сторону. А после всего, что пришлось пережить в дороге и по прибытии в Москву, предстоящий разговор с матерью стал казаться ей просто комариной плешью. Тем не менее, сейчас ей хотелось поговорить с братом, чтобы узнать, стоит ли надеяться на его поддержку, но Александр не появлялся.

Она не видела его после своего позднего пробуждения, — брат ушел из дома утром и пока не вернулся. После обеда Груня принесла Кате несколько платьев матери, которые та больше не носила и, сидя вдвоем в гардеробной, они болтали, пока горничная подгоняла наряды по ее фигуре. Машинально наблюдая за Груней, руки которой так и летали над тканью, ушивая лиф, она вспоминала разговор с Михаилом, — единственное, что скрашивало неприятные воспоминания о прошедшей ночи.

Что скрывать, друг Александра произвел на нее сильное впечатление, заставив немного поблекнуть даже те странные, малопонятные ей самой чувства, которые вызвал в душе Драгомир. Мысли о молодом гвардейце не выходили у Кати из головы; его звучный голос, пронизывающий взгляд зеленых глаз, улыбка, то насмешливая, то удивительно теплая, весь его изысканный облик принца из немецкой сказки, несказанно волновали ее, то и дело заставляя сердце сладко замирать. И поцелуй, — ей казалось, что она до сих пор чувствует прикосновение этих горячих губ на своей руке.

«И теперь мы друзья с вами, не так ли? По крайней мере, начнем с этого, а дальше... как Богу будет угодно», — мысленно повторяла она. Пусть Богу будет угодно то же, что и ей! Она хочет, чтобы этот юноша принадлежал ей и если это зависит только от нее, так оно и

будет. Он прав, еще рано думать о любви, пускай сейчас они будут друзьями, и это уже немало.

За шестнадцать лет своей жизни Катя еще ни разу не была серьезно влюблена. Но по сути, в той деревенской глуши, в которой она жила, и влюбляться-то было не в кого. Тем не менее, среди соседей княжна Шехонская слыла разборчивой невестой.

Совсем не потому, что непомерно горда или высокомерна. Нет, Катя была проста в общении, дружила со всеми окрестными барышнями, которые не казались ей глупыми или завистливыми, была почтительна со старшими, не дичилась мужского общества, но и не кокетничала чрезмерно. Внимание мужчин ее не пугало, но не особенно и трогало.

Признанной красавицей, имеющей целый сонм воздыхателей, Катя отнюдь не была. Имелись в уезде барышни и куда красивее ее, и куда более восхищавшие мужчин, но живость и некоторая эксцентричность характера Кати, ее необычная, экзотическая внешность, простые и естественные манеры и здравомыслие суждений, без свойственного провинциальным барышням жеманства, все же привлекали и к ней мужские сердца.

Но достойный объект для романтической влюбленности она так и не отыскала. И многие матери семейств, имевшие взрослых сыновей, были очень этим обстоятельством довольны. Несмотря на то, что княжна Шехонская была знатного рода, с приданым и незапятнанной репутацией, мало кому хотелось получить в невестки эту бойкую девицу с пляшущими в глазах чертиками, которая, видимо, настолько нелюбима родителями, что они даже не хотят держать ее при себе.

Но что ей теперь эти провинциальные барыни с их скучными сыновьями? Похоже, она уже нашла то, что искала. Жаль только, что нет рядом ни одного человека, с которым можно было бы поговорить о Михаиле...

— Груня, — спросила Катя, отвлекшись от своих воспоминаний, — а куда подевалась тетушка? Она что, уехала вместе с моими родителями?

Горничная откусила нитку и, вывернув лиф, полюбовалась ровным, аккуратным швом.

— Нет, барышня. Акулина Никодимовна в Серпухов отправилась, сестру свою навестить в монастырь Владычний. Сегодня как раз вернуться обещала.

Акулиной звали дальнюю родственницу Шехонских, старую деву, много лет живущую в их доме, которую Катя знала с раннего детства и очень любила. Когда летом семейство приезжало в Вольногорское, где жила Катя, Акулина неизменно сопровождала их. Общение с этой милой и словоохотливой женщиной всегда было Кате в радость, и она мысленно попеняла себе, что до сих пор не вспомнила об Акулинушке. Но только она начала расспрашивать горничную о том, как поживает ее любимица, в дверь постучали, и на пороге появился Егор.

— Екатерина Юрьевна, — доложил он, — Александр Юрьевич просят вас незамедлительно прийти в кабинет.

— Ну наконец-то! — Катя с живостью вскочила на ноги, радуясь, что брат наконец явился. — Я сейчас иду!

* * *

Когда пройдя через гостиную, она остановилась у дверей кабинета, то услышала негромкие голоса, доносившиеся изнутри. Брат был не один. Кто же с ним, — неужели

Михаил? Сердце невольно екнуло. Но раздумывать Катя не стала. Распахнула дверь и, переступив порог, обвела взглядом комнату.

Пятеро гвардейцев прервали тихий разговор. Трое из них, чьи имена она забудет еще нескоро, встали с дивана и замерли, как оловянные солдатики. Бухвостов, Щербатов, Аргамаков. Не хватало только Леднева.

Александр поднялся из-за письменного стола и приблизился к настороженно молчавшей Кате. Стоявший в глубине комнаты, у окна, Михаил приветствовал ее поклоном и сдержанной улыбкой. Катя скользнула надменным взглядом по виноватым физиономиям троих своих ночных гостей. Стоят, не шелохнутся. Все трое, как по команде, в пол смотрят. И трезвы, похоже.

Александр многозначительно кашлянул и хмуро произнес:

— Катерина, разреши представить тебе моих товарищей по полку. Лейб-гвардии поручик Василий Бухвостов, — означенный офицер, с собачьей преданностью взглянув на Катю, прищелкнул каблуками и поклонился. Помолчав мгновение, Александр повернулся к сестре и договорил: — Моя сестра, княжна Екатерина Шехонская.

— Счастлив знакомством, — сипло отозвался Бухвостов.

— Лейб-гвардии прапорщик Илья Щербатов, — после слов Александра второй из троицы не менее четко и галантно отвесил поклон Кате. — Моя сестра, княжна Екатерина Шехонская.

Щербатов также произнес несколько положенных любезных слов.

— Лейб-гвардии подпоручик Сергей Аргамаков, — объявил Александр, и третий, нервно шевельнув губами и отчего-то покраснев, склонил голову в поклоне. — Моя сестра, княжна Екатерина Шехонская.

Аргамаков, не переставая краснеть, робко озвучил свою радость по поводу знакомства с сестрой друга. Катя молчала. Радоваться тут было нечему, а лгать она не видела смысла. Но в следующий миг произошло неожиданное. Словно по команде три гвардейца шагнули вперед и бухнулись перед ней на колени, смиренно склонив головы.

Катя невольно попятилась:

— Это еще что такое?

— Екатерина Юрьевна, простите, сделайте милость, — прогнусавил Бухвостов.

— Простите, — в унисон повторили Щербатов и Аргамаков.

— Бес попутал, — смущенно прибавил Бухвостов.

Катя отступила к двери и бросила вопросительный взгляд на Михаила, стоявшего поодаль. В ответ он только усмехнулся и пожал плечами.

— Катерина, — нарушил молчание Александр, — ты принимаешь извинения моих друзей?

Катя еще раз брезгливо осмотрела сконфуженные морды гвардейцев и, отвернувшись, холодно взглянула на брата:

— Ты хочешь, чтобы я их простила?

— Нет, — резко отозвался Александр. — Я на тебя не давлю. Просто от тебя жду ответа. Любого, какой захочешь дать.

Катя с усмешкой покачала головой.

— А если не прощу, что тогда?

— Екатерина Юрьевна, — дрожащим голосом воскликнул Бухвостов, — если вы меня не простите, клянусь Богом, я себе пулю в лоб пушу!

— Да-а? — задумчиво протянула Катя, наматывая на палец локон черных волос. — А вы, господа?

Щербатов и Аргамаков переглянулись и снова почти одновременно произнесли:

— И я...

Кате внезапно наскучила эта комедия.

— Ну хорошо, господа, так и быть, я прощаю вас. Но это не значит, что я немедленно забуду эту мерзкую историю. Вы друзья моего брата, — допустим, но мне вы совсем не друзья. И чем реже вы будете напоминать о себе, тем лучше для вас. Вы поняли меня?

Гвардейцы сокрушенно закивали.

— В таком случае вы можете встать.

Они поднялись на ноги. Бухвостов начал произносить какие-то бессвязные слова благодарности, но Катя его не слушала. Мысль о четвертом участнике ночного вторжения снова всплыла в голове.

— Кстати, — обрывая излияния Бухвостова, изрекла она, — а что, господин Леднев не пожелал просить у меня прощения?

В комнате воцарилась тишина. На лицах всех пятерых отразилось смятение. Они молчали так долго, что Катя ощутила невольное беспокойство.

— В чем дело, господа? — дрогнувшим голосом произнесла она. — Александр? — она пыталась поймать взгляд брата, но он смотрел в сторону, ожесточенно кусая губы. — Да что же это такое? Мне ответит кто-нибудь?

Молчание.

— Если господин Леднев не пожелал принести мне свои извинения, то я беру назад данное вам прощение! — отчеканила Катя, потеряв терпение. — Он оскорбил меня сильнее всех вас вместе взятых! И пока он не извинится, не будет прощения и вам!

Странное дело, но эти слова срывались с губ словно помимо сознания. Зачем ей нужны извинения этого негодяя, Катя не знала. Но чувство унижения и обида на брата, который не смог призвать к ответу ее главного обидчика, совсем помutilа разум. К чему ей извинения этих троих, если посмевшийся поднять на нее руку Леднев не желает раскаиваться в своем возмутительном поступке?

Она замолчала, выплеснув обиду, и в наступившей тишине раздался негромкий голос Михаила:

— Екатерина Юрьевна, к сожалению, Леднев уже никогда не сможет принести вам свои извинения. Но и обидеть больше не сможет.

— Что?.. — задохнулась Катя.

На слабеющих ногах она приблизилась к брату и взяла его за плечи, вынуждая взглянуть себе в лицо.

— Отвечай мне! — закричала она. — Что произошло? Ты что... убил его?

Саша не ответил.

— Да говори же! — девушка изо всех сил встряхнула его. — Он мертв?

— Да, — угрюмо отозвался Александр.

У Кати упали руки. Отступив на шаг от брата, она с ужасом уставилась на него.

— Боже милосердный... Как же так? Как ты мог? Из-за меня?..

Александр долго молчал, но наконец тихо выдавил:

— Не я.

Катя смотрела на него, еще не понимая. Но внезапно догадка огненной вспышкой

озарила мозг. Она круто развернулась к Михаилу:

— Вы?..

Ответив долгим взглядом, в котором ей почудился странный упрек и одновременно вызов, тот молча кивнул.

— Господи, — всхлипнула Катя и, развернувшись, опрометью бросилась вон из кабинета.

Михаил догнал ее у дверей парадной залы и схватил за руку.

— Отпустите меня! — едва ли сознавая, что делает, девушка хлестнула ладонью по его лицу.

Бахмет на мгновение замер, выпустив ее руку и, словно не веря, ошеломленно дотронулся до горячей щеки. Запоздалое раскаяние екнуло в сердце Кати, испуганно смотревшей на него. Черты Михаила стали жесткими, от устремленного на нее взгляда повеяло ледяным холодом. Помедлив мгновение, он развернулся и пошел прочь.

Едва переставляя ноги, Катя поднялась по лестнице и толкнула дверь в свою комнату. Устало прислонилась к стене.

«Ты сама мор и смерть».

За что она ударила его? Разве Михаил виноват в том, что она несет смерть тем, кто оказался рядом?

Катя зажмурилась, вспоминая удивленное лицо Леднева с синяком под глазом. Как его звали? Кажется, Платон. Он всего лишь хотел позабавиться со случайно подвернувшейся девицей, которую счел шлюхой, и получил за это удар шпагой. Смертельный удар.

«Мадемуазель Дюбуа, Аникей, Степан, отец Адриан, Леднев», — мысленно перечислила Катя и устала на пять зажатых пальцев дрогнувшей ладони.

Ее собственный погост. Для кого следующего станут рыть могилу?

— Господи, нет у меня ни умиления, ни усердия, ни сокрушения, чтобы молиться достоподобно, — хрипло прошептала Катя, крестясь негнушимися пальцами.

* * *

Когда получасом позже, проводив друзей, пришел Александр, Катя ничком лежала на постели. Брат придвинул стул к кровати и сел на него верхом, сложив руки на спинке. После некоторого молчания, Катя повернулась набок, окинула взглядом угрюмое лицо брата, и в отчаянии сказала:

— Господи, Саша, как же ты допустил?..

Александр виновато засопел.

— А что я мог сделать? Они сцепились так, что и не растащить было. Леднев не собирался извиняться. Сказал, что ничего не помнит, что не мог сделать тебе ничего плохого, а если даже и сделал, то ты сама виновата.

— Мразь, — зажмурившись, хриплым полупшепотом выдавила Катя.

Александр кивнул, точно соглашаясь с ней:

— Когда он это сказал, Бахмет вlepил ему такую затрещину, что стало ясно: без дуэли не обойдется. Я не хотел, чтобы Бахмет дрался с ним, это мое дело, но они меня уже не слушали...

— И что теперь? — кусая губы, она с беспокойством взгляделась в лицо брата. — Его

арестуют?

Александр мотнул головой, поднимаясь на ноги:

— Глупости, — сунув руки в карманы мундира, он принялся медленно расхаживать по комнате от окна до двери. — Никто ничего не узнает. Тем более что у Мишки ни царапины. Ни у ссоры, ни у поединка свидетелей не было, а доктор и мои друзья будут молчать.

— А если все-таки... — Катя не договорила, но брат понял.

— И в этом случае ничего трагического не предвидится, — буркнул Александр. — Ну посидит в крепости месяца три, ну разжалуют, первый раз, что ли. Из гвардии не попрут, в глухомань не сошпют, — сейчас не те времена, императрица нас в обиду не даст.

— Но я слышала, что за дуэль по закону смертный приговор всем участникам, даже секундантам... — холодея, вспомнила она.

Александр откровенно расхохотался:

— Да на словах это все, Катерина, чтоб в страхе нас держать, только даже сопливый юнкер на это не купится. Все возможно, если Бог от дуэлянта отступился, и крепость, и разжалование в солдаты без выслуги, и перевод в какой-нибудь занюханый армейский полк. Но чтобы вздернули? Не бывает такого. Всегда смягчают смертный приговор.

У Кати отлегло от сердца. После некоторого молчания она села на постели и без всякого выражения произнесла:

— Я его ударила...

Александр бросил на сестру осуждающий взгляд.

— Так вот почему он так скис. Зря ты так, Катерина. Мишка из-за тебя все-таки жизнью рисковал.

— Я его об этом не просила.

— Да ты много о чем его не просила. И ночью вмешиваться тоже не просила, но он, однако, пришел и выручил тебя.

— А от кого выручил, помнишь? От твоих друзей, между прочим.

— Да помню, не забыл, — досадливо поморщился Саша. — Они не такие плохие, как ты думаешь, просто разум во хмелю сразу теряют. А так золотые ребята, еще убедишься со временем.

— Нет уж, — отрезала Катя, — не хочу я убеждаться, хватит с меня. Передай им, чтоб держались от меня подальше, понятно?

Александр пожал плечами:

— Я тебя понимаю, Катюш, но они искренне раскаялись, я знаю. И я, конечно, передам то, что ты сказала, хотя Вася уже просил у меня разрешения ухаживать за тобой. Я, конечно, не позволил, но...

— Чего?! — она изумленно вытаращила глаза. — Вася?! Этот дурак Бухвостов, что ли? Ну знаешь ли!..

— Я же говорю: я не разрешил.

— Спасибо, братец, — княжна иронически поклонилась и неожиданно расхохоталась, представив себя принимающей ухаживания Бухвостова.

— Ну ладно, ладно, — проворчал Александр, снова плюхаясь на стул. — Развеселилась. Слушай, со всеми этими делами я до сих пор даже не спросил: ты как вообще в Москве-то оказалась?

Сестра перестала смеяться. Помолчала, собираясь с духом и, тяжело вздохнув, принялась излагать историю с подложным письмом.

— Вот оно что, — задумчиво протянул Александр. — Не думал, что ты способна на такое, Катерина.

Катя, словно ужаленная, круто развернулась к нему:

— Ты бы предпочел, чтобы я прозябала в деревне до самой старости?

— Нет, конечно.

— Тогда что?

— Можно же было найти другой способ? Написала бы мне или отцу. Мы бы уговорили маман.

— Я писала, — мрачно сообщила Катя. — Только ни на одно из этих писем не получила ответа. Ни от тебя, ни от отца. Интересно, почему?

Александр озадаченно почесал в затылке:

— Что-то не припоминаю я таких писем...

— Не просыхаешь неделями, вот и не помнишь ни черта! — взвилась Катя. — И отец, наверное, тоже. И наплевать вам на меня! Писем он, видите ли, не получал! — передразнила она. — А без писем ты не мог догадаться, что мне уже осточертела эта деревня? Что у меня шестнадцать лет за плечами, и я с моей красотой достойна кого-то лучшего, чем эти сельские недоумки?!

Александр молча выслушал обвинительную речь сестры, и флегматично пожал плечами:

— Я как-то не думал об этом... Мне казалось, что ты еще маленькая.

Катя со стоном откинулась на подушки и, после паузы, устало отозвалась:

— Саш, будем называть вещи их именами, ладно? Ты вспоминал обо мне только тогда, когда приезжал в деревню и видел маленькую сестренку, которая смотрела на тебя восторженными глазами. А во все остальное время ты вообще напрочь забывал, что у тебя есть сестра. Как ты там Мише сказал? «Ну есть сестра, и что?»

— Мало ли, что я сказал, — буркнул Александр. — Ну прости, ну права... наверное. Искуплю.

— Вот-вот, — отозвалась Катя, машинально разглядывая давно не беленый потолок. — Надо бы искупить и заслонить меня широкой братской грудью, когда вернутся родители.

— Хорошо, я постараюсь. Но вернемся к нашему разговору. В карете баронессы Канижай ты как оказалась?

— Да что тебе далась эта баронесса?!

— Рассказывай, — сурово оборвал брат Катины попытки увильнуть. — Все рассказывай, как на исповеди.

Все так все... И Катя начала рассказывать. Это оказалось нелегко. Большую часть того, что ей пришлось пережить, хотелось забыть навсегда. Но воспоминания были еще так свежи...

Александра мороз подирал по коже, когда он слушал историю сестриных странствий, но внешне юноша оставался так же спокоен.

— Даже не знаю, что сказать об этом цыгане, — вымолвил он, когда рассказ подошел к концу. — То ли молиться за него, что спас тебя, то ли проклинать, что по его вине ты попала в такую беду.

— Ну, все уже позади, — отозвалась Катя как можно безразличнее. Ей не хотелось, что брат догадался о ее тайной симпатии к Драгомиру и о прощальном поцелуе она, конечно, умолчала. — Он моей помощи не просил, так что и винить его не в чем. Если встречу его

когда-нибудь, постараюсь отблагодарить как смогу. А что ты думаешь о Габриэле? — поспешила она перевести разговор.

— Похоже, она гораздо лучше, чем я считал. Только очень досадно, что у нее остался прабабушкин изумруд. Вот эта ее неразборчивая жадность мне не по душе. Не говоря уже о том, в каком гневе будет прабабушка, когда узнает...

Катя отмахнулась от него. Все, что старая княгиня Шехонская может сказать по поводу утраченного перстня, она давно уже мысленно представила и смирилась с этим.

— Да, Габриэла не святая, а кто из нас без греха? Не забывай, что они с Оршолой сделали для меня, как выхаживали, рискуя своими жизнями...

— Не спорю. Я же сказал: она лучше, чем я о ней думал.

— Ты хорошо с нею знаком?

Александр немного смутился.

— Не то чтобы хорошо... Просто мне нравилась одна из ее девиц.

Видя явное нежелание брата углубляться в эту тему, Катя не стала задавать вопросов. Рано или поздно и для этого придет время. Да и не хотелось ей, ради собственного душевного спокойствия, знать подробностей о жизни Габриэлы. Существовала опасность окончательно разочароваться в той, кого уже успела полюбить...

О Стрешневе Александр высказался коротко и весомо:

— Найду гниду и задавлю собственными руками.

— Не вздумай! — испугалась Катя. — Убить его, я думаю, не так-то легко, а вот заполучить себе смертельного врага — куда проще. Ты просто не знаешь, какой это страшный человек... Да и вмешательство твое может только навредить моей репутации.

Александр, который уже смаковал мысленно жестокую смерть обидчика сестры, тяжело вздохнул при этом предостережении, но обещаний давать не стал. Сказал только:

— Если я не смогу покончить с ним по-тихому, так чтобы он не успел распухнуть язык, тогда отступлюсь. Он знает твое имя?

— Нет, но может узнать, если захочет. Смотритель на почтовой станции слышал, когда я говорила Габриэле о прабабушке. Он мог запомнить фамилию...

История «мертвой невесты» весьма заинтриговала Сашу.

— Говоришь, она очень красивая? — задумчиво спросил он.

— Очень, — искренне сказала Катя и, подумав, прибавила: — Только она мне совсем не понравилась...

— Неудивительно, — усмехнулся брат.

Катя надменно вздернула подбородок:

— А тебя-то что в ней так заинтересовало? Она падшая женщина, ты что, этого не понимаешь?

— Понимаю, — кивнул Александр. — Только все равно ее жаль немного. Наверное, этот выродок Стрешнев совсем задурил ей голову, а она верила ему. Разве ее вина?

Катя покачала головой:

— Будь я на ее месте, ты наверняка не был бы так снисходителен.

— Конечно, нет, — снова усмехнулся Саша и вновь вернулся к своей мысли: — Знать бы, кто эта барышня...

— Знаешь, — после некоторого размышления вставила Катя, — я бы не удивилась, если бы узнала, что она тоже из Москвы. У нее был такой характерный московский говор.

— Очень может быть. Но я ума не приложу, кто она.

Саша также воздал должное мужеству отца Адриана, погоревал о гувернантке и слугах, а потом неожиданно спросил:

— Катюш, скажи честно: что-нибудь было между тобой и этим цыганом?

Катя ощутила, как приливает к щекам горячая кровь и поспешно огрызнулась:

— О чем ты? Кто он и кто я?

— А чего краснееешь тогда? — не отступил брат.

— Не было ничего! — вспыхнула Катя. — Чем подобной дурью маяться, подумал бы лучше о том, что он сказал!

— Это насчет того, что ты мор и смерть? — зевнул Александр. — Так я тебе всегда об этом говорил. А помнишь, покойная нянька твоя, Власьевна, тебя втихомолку так и называла: «моровое поветрие». Но ты у нее, конечно, кровушки попила...

— Саша, я серьезно, а ты шутишь. Тебе мало пятерых человек, погибших по моей вине?

— Да что за глупости? — брат явно начал сердиться. — Ну ладно, мадемуазель Дюбуа и Аникей со Степаном. Они, правда, из-за непослушания твоего погибли. Осталась бы дома, и они были бы живы. А священник и Леднев тут ни при чем. Это только их решение было на смерть идти. И оба, хоть один в раю, а другой в аду гореть будет, знали, на что шли.

— Ты думаешь? — нерешительно сказала Катя, взглянув на брата.

— Убежден. Думаешь, отец Адриан не понимал, что его жизнь в глазах Стрешнева гроша ломаного не стоит? Понимал прекрасно. Только совесть не позволила тебя в беде бросить. А Платон... — Александр вздохнул. — Ему всегда легче было застрелиться, чем прощения просить у кого-то, будь хоть трижды не прав. Поэтому один из первых дуэлистов был в полку.

— Я смотрю, тебе его жаль?

— Как же не жаль, Катюшка? — Александр вздохнул. — Друг все-таки. Мы в стольких передрыгах вместе побывали. Один раз, когда меня ночью в уличной потасовке ранили, Леднев меня на своем горбу до самого дома тащил. Разве забудешь такое?..

Катины глаза наполнились слезами. Вот она уже и причиной Сашиного горя стала. Для чего ей надо было приезжать сюда и становиться между братом и его друзьями?..

Нет, что бы ни говорил Саша, она знает: и отец Адриан, и Леднев погибли по ее вине. А впрочем, что могло быть циничнее и вместе с тем глупее этой арифметики? Один, два, пятеро... На ее руках кровь, и этот грех не искупит никакое раскаяние...

Протянув руку, Александр ободряюще похлопал ее по плечу.

— Ты жива осталась и радуйся! Что было бы со всеми нами, если бы сгинула неизвестно куда?

— Вздохнули бы с облегчением, — всхлипнула Катя, вытирая слезы.

— Вот дура, — осудил брат. — Думай, что говоришь! Когда ты рассказывала, как из тонущей кареты выбиралась, я думал, что поседею. До сих пор не могу поверить: неужели тебе и вправду это удалось? — Александр покачал головой и перекрестился. — Впрочем, узнаю свою сестру.

— Что ты имеешь в виду? — Катя шмыгнула носом.

— Вспомнил, как однажды, — тебе было тогда лет восемь-девять, на тебя напала в поле свора нашего соседа Прозорова и ты отбилась от них палкой. Помнишь?

— Помню, конечно, — вздохнула Катя. — У меня шрамы от укусов на ногах так и остались. — воспоминание было не из приятных, но девушка неожиданно умиленно улыбнулась, польщенная тем, что брат помнит такие подробности из ее детства. — А как я

потом Прозорову отомстила, помнишь?

— Еще бы не помнить, — усмехнулся Александр. — Устроила засаду в кустах на дороге и когда он проезжал мимо, пальнула в него из рогатки здоровенным булыжником. Пары зубов он тогда точно не досчитался. Ох, и скандал был!..

— А как я упала с дерева и вывихнула ногу?

— И ползла полверсты до усадьбы? Помню. И как угнала со двора запряженную бричку, тоже помню. Если бы Аникей, царствие ему небесное, не успел, рухнула бы в овраг вместе с лошадьми. Ты всегда была шальной девчонкой, Катерина, и в каком-то смысле я татап понимаю, — изрек Александр. — Тебя в доме держать, — как зажженную свечу в пороховом погребе. Мужа бы найти поскорее, только вот кто кинется на такое чудо? Разве что Вася Бухвостов по незнанию.

— А ну тебя! — Катя швырнула в брата подушку.

Александр умело увернулся, и думка в накрахмаленной наволочке шлепнулась на пол.

— А что? Я правду говорю. Он уже влюблен в тебя по уши. Или тебе больше Бахмет по нраву пришелся?

Девушка вспыхнула. Вторая подушка полетела в голову Александру, но на сей раз уклониться он не успел. Убрав пуховые снаряды подальше от сестры, юноша спокойно продолжил:

— Кать, с Мишкой лучше поосторожнее. Я вижу, что он к тебе равнодушен, не зря же он на Леднева так взбеленился. Но ты держи его на расстоянии. Он сердцеед, каких поискать. В Москве половина барышень по нему сохнет. Так что, ты его красивым речам не очень-то верь.

— А он мне ничего такого красивого и не говорил, — дрогнувшим голосом отозвалась Катя. — Только... мне помириться с ним все-таки надо. Если он захочет...

Брат пожал плечами:

— Да я ведь не запрещаю тебе с ним разговаривать. Помириться, конечно же, надо. Только помни о том, что я сказал, хорошо?

Когда Александр ушел, Катя со вздохом вытянулась на постели. Все, что сейчас Александр сказал о Михаиле, она слышала еще год назад в деревне. Ничего нового. Но сейчас эти слова такой болью отозвались в душе... Неужели все именно так, как говорит Саша, и ей не стоит питать надежду на любовь и верность Бахметьева?

Глава 9. На зеленом сукне

В тот же вечер в дом вернулась тетушка Кати и Александра, много лет живущая в доме дальняя родственница отца, Акулина Никодимовна Сомова.

Она едва успела войти из передней в вестибюль, отдав промокшую от дождя накидку лакею, и тут же ахнула при виде племянницы, которая торопливо сбежав по лестнице, кинулась ей на шею.

— Катенька, ты ли это? — изумилась Акулина. — Вот не ждала, не чаяла! Радость-то какая, Пречистая Богородица!

Это была довольно полная, небольшого роста, женщина лет тридцати пяти, с нежными чертами лица и восхитительным розовым румянцем. Влажные, карие, как у олененка, глаза, опущенные густыми ресницами, смотрели на мир с задумчивой томностью и казались грустными, даже когда она улыбалась. Платье из светло-кофейной шерсти, несмотря на простоту ткани, было достаточно изящного и кокетливого покроя, и подчеркивало ее аппетитные формы самым выгодным образом.

— А я тебя в окно увидела, — сообщила сияющая девушка. — Наконец-то ты приехала!

— Ах, Катенька, да если б я знала, что меня такой подарок дома ждет, уже давно бы вернулась! Поверить не могу, — взяв племянницу за плечи, Акулина пристально оглядела ее. — Ах, хороша... Выросла, выровнялась совсем. Невеста!

— Ты тоже, — рассмеялась Катя. — Жениха-то нашла, наконец?

— Да будет тебе! — старая дева смущенно отмахнулась от нее. — Мое время ушло... А вот на твоей свадьбе, даст Бог, погуляем...

...Позже, после ужина, устроившись в Малой гостиной, куда были поданы чай и любимый тетушкой сбитень, они продолжили начатый в столовой разговор.

Закутавшись в шаль (она вечно, сколько помнила ее Катя, отчаянно мерзла), Акулина в нескольких словах рассказала о сестре-инокине, которую навещала в Серпуховском монастыре, а потом прибавила:

— Ну же, Катенька, рассказывай! Какими судьбами ты здесь? Что же, ни Юрий Александрович, ни Софья Петровна до отъезда ни словом не обмолвились, что ждать тебя надо. И Саша хоть бы намекнул!

Катя вздохнула. Отпила глоток горячего чаю со сливками, и хмуро сказала:

— Да не знали они ни о чем, Акулинушка. Самовольно я здесь.

— Свят, свят, свят! — Акулина перекрестилась, в изумлении глядя на нее. — Да как же так, Катенька?

Со стуком поставив чашку на столик, Катя отозвалась:

— Акулинушка, ну хоть ты не начинай, как Саша! Довольно с меня уже. Что мне оставалось делать, раз татап понимать ничего не хочет? Еще несколько лет, и я в перестарки попаду. Кто меня тогда замуж возьмет?

— Ах, Катенька, да понимаю я тебя, как не понять! — с досадой сказала Акулина. — Говорили мы о тебе с Софьей Петровной, и не один раз. Она о женихе для тебя как раз и думала, получше искала, чтобы всем на зависть: и рода хорошего, и в чине достойном, и не стар чтобы, собой недурен, ну и состояние солидное чтоб при нем было. Не так ведь просто сокола такого отыскать, — улыбнулась тетка, и ее мелкие, белые зубы блеснули в рассеянной улыбке.

— Ну и что, — не без иронии осведомилась Катя, сердце которой невольно замерло, — нашла?

Акулина развела руками:

— Ну не нашла пока, но я ж говорю: дело это непростое.

— Не на один год, — усмехнулась Катя, мысленно вздохнув с облегчением. — Акулинушка, ну вот скажи мне, к чему такие сложности? И за какие такие провинности папаша хочет лишиться меня возможности в свете показаться, прежде чем под венец идти? Я платья новые хочу, балы, театр, гулянья, и чтоб воздыхатели были у меня! А вы меня сразу замуж, да? Так нечестно!

— Да никто тебя замуж пока не тащит, жениха бы еще найти! — отмахнулась Акулина.

— Ну вот, я и приехала, чтобы его найти! Думаю, у меня это получится лучше и быстрее, чем у папаша.

Хлебнув горячего сбитня, тетка озабоченно покачала головой:

— Да ты словно не понимаешь о чем речь-то, Катенька! Бойтся Софья Петровна тебя в Москве держать, бойтся, что кашель твой вернется, да и многого другого бойтся.

Катя прикусила губу, и ее личико стало злым и ожесточенным:

— Господи, сколько лет я уже слышу эти песни! Ну ладно отец, ладно Сашка, им положено, но ты-то, Акулинушка? Тебе-то общая кровь глаза не застит и ты должна понимать, что моя мать меня просто видеть не хочет! Вот только в чем я виновата, ума не приложу!

В голосе девушки слышался надрыв, словно она готова была заплакать. Но были слезы или нет, на этот раз Катя была слишком обозлена, чтобы позволить им пролиться. Выслушав ее, старая дева в ужасе всплеснула руками:

— Катенька, да что ж ты говоришь такое, Пречистая Богородица, слышишь ли! Да ты же клеветешь просто на мать свою, клеветешь, и не спорь! В чем ты виновата, говоришь? А в чем она виновата? Да помолчи ты, Катерина, дай же мне сказать! — перебила она хотевшую что-то ответить племянницу. И горячо продолжила, переведя дух: — Вот слушай теперь! Что в Москву ты давно уже просишься, я про то знаю. Только как можно было взять тебя сюда? Сначала доктора велели в деревне тебя оставить, и даже когда Лукерья-знахарка хворь твою вылечила, мы все равно боялись. Да и Лукерья говорила, что несколько лет надо в деревне прожить. Отец твой решил: лет одиннадцать-двенадцать будет тебе, заберем в Москву. Только ведь никто не знал, что в тот год, когда тебе одиннадцать исполнилось, гнев Божий на Москву обрушится: чума придет! Что тут творилось, свят, свят, свят, ведь я тебе рассказывала, помнишь, небось. Люди тысячами умирали, молодые, старые, богатые, бедные, шляхетство да мужичье, — мор не разбирал! Сашенька, благодарение Богу, в Петербурге в корпусе учился, обошла его беда, а мы-то с родителями твоими здесь каждый день смерти ждали! Знакомые почти все из Москвы разбежались, а отец твой сказал, чему быть, того не миновать, как Господу угодно, так пусть и будет! Но уберег Господь, — Акулина истово перекрестилась.

Катя молча слушала ее. Ей припомнилась бабушка, мачеха отца, умершая в то время в числе еще нескольких родственников, подруга... Все, о чем говорила Акулина, девушка прекрасно знала. Более того, догадывалась, что последует дальше в этом рассказе. Но перебивать ее не стала.

— А потом и вовсе бунт начался. Чернь от страха перед чумой последнего ума лишилась. Что сделали-то, аспиды: архиепископа Амвросия, святого человека, растерзали за

то, что икону чудотворную спрятал, к которой прикладывались прихожане. А он всего-то хотел, чтобы зараза через то меньше распространялась. И началось... Амвросия убили, стали виноватых искать в том, что мор пришел, дескать, подстроил кто-то эту заразу. И крушить стали все вокруг, жечь, все, почитай, торговые ряды подломили, и за богатые дома принялись. К нам сюда тоже ворваться пытались, душегубы окаянные, — гневно и горячо продолжала Акулинушка, — да Юрий Александрович, дай ему Бог здоровья, как начал со слугами из ружей палить, те насилу ноги унесли. И несколько дней так, пока мужичье бунтовало, мы как в осажденной крепости жили. Ох, что с Москвой творилось, Катенька! Страшно вспоминать! Когда мор прошел, смотрим: пол-Москвы пепелище да руины, сердце кровью обливается. Половину родни, кто не уехал, Господь прибрал, а детишек-то сколько померло, царствие им небесное, ангелочкам! И подружка твоя первая, Таточка Головина, и сестренки ее...

Украдкой вытерев увлажнившиеся глаза, Акулина взглянула на Катю, словно удивляясь тому, что племянница молчит, не пытаясь возразить. Это было так непохоже на княжну Шехонскую!

А Катя и в самом деле, сначала едва сдерживала желание прервать изложение давно известных событий, выговорившись до конца, но внезапно остыла. Пусть Акулина говорит что хочет. Какой смысл пререкаться с ней? Все равно каждый останется при своем мнении.

— А после мора, когда только-только Москва оживать да отстраиваться начала, родители и вовсе думать не хотели, чтобы везти тебя сюда из деревни. Знали о том, что ты, благодарение Богу, жива, что чума ваш уезд стороной обошла, и радовались тому! Еще подождать решили, пока успокоится все. А тут как раз и Емелька Пугачев, гори он в аду, появился, — перейдя на громкий шепот, продолжала тетка. — Мы тогда только от тебя вернулись, как весть разнеслась про самозванца этого. Сколько уж самозванцев Россия перевидала, а этот всех поганей оказался! Что было делать, Катенька? Кто знал, что лучше, что безопаснее, — ехать срочно за тобой или лучше в деревне оставить? Но видишь, правильно все сделали, не пошел Пугачев в новгородские земли, а на Москву ведь собирался! А на дорогах-то, люди говорят, что творилось, пока Емелька гулял, пока ловили его с приспешниками! Сколько же он земель разграбил да пожег, крови невинной целые реки пролил... Сама небось слышала. Чернь с толку сбил лживыми посулами своими, да и погубил. Говорят, когда как следует взялись-то за бунтовщиков, то по рекам виселицы на плотах плавали с повешенными, в назидание... Мы когда слушали рассказы беженцев про то, как мужики своих господ убивают, просто волосы дыбом вставали. Но все-таки уберег тебя Господь на наше счастье...

— Давно уже четвертовали Пугачева, но про меня так никто и не вспомнил, — огрызнулась Катя.

— Ой, не напоминай про это! — взмахнула рукой Акулина. — Отродясь я на экзекуции глядеть не хотела, а на Емелькину казнь пошла! Сама не знаю, как сумела, так близко к эшафоту пробилась... Очень хотелось на него посмотреть, да послушать, что скажет. «Простите, говорит, православные». А рожа-то, как есть разбойничья, и кто мог ему поверить, что он царь? Я ведь и государя Петра Федоровича покойного лицезрела, ничего общего!

Катя утомленно зевнула.

— Пугачева поймали, а разбой-то не сразу кончился, — объяснила тетка. — Ах, Катенька, все бы тебе игры да развлечения, а о том, что сердце материнское на части рвется

в вечной тревоге за тебя, и знать не желаешь!

Девушка иронически посмотрела на тетку:

— Акулинушка, тебе напомнить, сколько времени прошло с тех пор, как казнили Пугачева? Это было зимой прошлого года. Полтора года прошло!

— Да хоть три, — вспыхнула Акулина. — Что с того? О тебе же думали, тебя берегли. Пуганая ворона куста боится. Кто знает, какая еще напасть свалится... Нашли бы тебе жениха, тогда бы и привезли в Москву.

— В общем, нет смысла разговаривать, как я вижу, — холодно сказала Катя, поднимаясь на ноги. — Я всегда думала, что ты на моей стороне, но, похоже, я ошибалась.

— Катерина, подожди, — Акулина удержала племянницу за руку и заставила снова сесть. — Рано старую тетку со счетов снимаешь. Ты еще совсем дитя неразумное, не понимаешь, что на твоей стороне я всегда буду, только на твоей. Что бы ни случилось, как бы ты ни поступила...

Акулина говорила скороговоркой, сурово, даже сердито. Катя, все еще не без обиды покосилась на нее. В шестнадцать лет не так легко понять, что правы могут быть двое. И что заставлять человека делать выбор между двумя близкими ему людьми, каждый из которых по-своему прав, — попросту жестоко. Жизнь часто бывает щедра на подобные дилеммы... И принимая это трудное решение, лучше забыть о чувстве справедливости, здесь абсолютно бесполезном. И руководствоваться одним лишь милосердием. Кто более беззащитен, кто лишен возможности решать свою судьбу, — тот и прав...

* * *

На следующий день праздновали Покров. Отстояв праздничную службу в церкви святого Георгия на Красной Горке, Катя и Акулина не ушли из храма. Отделившись от тетушки, погружившейся в молитву, Катя некоторое время наблюдала за пресвитером, окруженным прихожанами. Среди них было множество молодежи: церковь считалась университетской, и Катя то и дело ловила на себе заинтересованные взгляды студентов. Похоже, эти бесшабашные молодые люди совсем не имели страха Божьего, и ни святость места, ни серьезный вид молоденькой богомолки с убийственно-прекрасными черными глазами, их не смущали.

Но наконец толпа рассеялась и Катя, немного робея, приблизилась к священнику. Она держала в руках помянник, который несколькими минутами раньше уже хотела было отдать дьячку, но передумала.

Священник (со слов Акулины Катя знала, что имя его — отец Серафим), рослый мужчина лет тридцати, с широким, рябым лицом и ясными серыми глазами, кивнул ей со сдержанной улыбкой, принимая помянник в огромную, мозолистую лапищу.

— Я бы хотела заказать сорокоуст, отец Серафим, — негромко сказала Катя, избегая смотреть в его изувеченное оспой лицо.

Пресвитер открыл книжечку и пробежал глазами четыре старательно выведенных имени: «новопреставленного Аникея, новопреставленного Степана, новопреставленного иерея Адриана, новопреставленного Платона». Слегка приподнял брови.

— Хорошо, дочь моя, — произнес он. И, помолчав, прибавил: — Лицо ваше мне незнакомо. Похоже, вы здесь впервые?

— Я много лет не была в Москве, но в детстве бывала в этом храме. Я дочь князя Шехонского, — сочла нужным пояснить Катя.

— Георгия? — уточнил пресвитер, произнося имя Катиного отца так, как оно было записано в святцах. — Рад, что вы наконец соединились со своей семьей, княжна. Знаю вашу почтенную матушку, княгиню Софью и брата Александра, тетушку вашу Акулину, — он бросил взгляд на стоявшую в отдалении Акулину Никодимовну. — А вот с отцом вашим мало знаком, он Божью обитель не посещает.

Катя слегка покраснела.

— Да, это верно. Мой отец неверующий... — эти слова дались ей с трудом.

— Вашей вины в том нет, — мягко сказал отец Серафим. — Возможно, когда-нибудь мы еще вернемся к этому разговору... — он снова раскрыл маленькие странички помянника, многозначительно помолчал. — А о здравии вознести молитвы вам не за кого?

Нельзя сказать, что в его голосе звучал упрек, но Катя невольно потупилась:

— Простите, батюшка, я об этом не подумала...

Отец Серафим успокаивающе качнул головой, так что рассыпались тяжелые волны темных волос:

— Ну что ж, бывает и так. Иные заботы вас тяготят, как я вижу. Но все-таки не забывайте о тех, кто с вами рядом. Если же кто о своих и особенно о домашних не печется, тот отрекся от веры и хуже неверного, помните об этом.

Катя не ответила, борясь с охватившим ее внезапно раздражением. Она пришла в церковь для того, чтобы успокоить душу, а не выслушивать наставления. В самом деле, отца с его неверием можно понять!

Словно не замечая ее нервозности, отец Серафим прочел вслух написанные в помяннике строчки:

— Новопреставленного Аникея, новопреставленного Степана, новопреставленного иерея Адриана, новопреставленного Платона. — закрыл книжечку и поднял спокойные серые глаза на девушку: — Я не ошибусь, если скажу, что вы чувствуете свою вину перед этими людьми?

Катя во все глаза уставилась на него:

— Как вы догадались?..

— Догадаться нетрудно. Тот, у кого совесть чиста, помнит и живых, и мертвых.

Катя молчала. Что она могла ответить?

— Может быть, пришло время для исповеди? — негромко произнес отец Серафим.

Девушка медленно покачала головой:

— Дайте мне время, отче. Сейчас это еще слишком тяжело.

— Хорошо, дочь моя, — отозвался пресвитер. — Но не откладывайте слишком надолго. Грешник, который нерадит о покаянии, это раб тления. Не позволяйте же душе своей огрубеть в бесчувствии под грузом грехов. И помните: нас наказывает не Бог, нас наказывают наши грехи...

Она знала это. И знала также, что всему виной лишь она сама. Но для чего же Господь создал ее именно такой?..

Тем же вечером, узнав от Груни, что Александр и четверо его друзей расположились в гостиной за игрой в карты, Катя не смогла усидеть в своей комнате. Мысль о том, что Михаил, находясь в доме, не испытывает ни малейшего желания увидеться с ней, не давала покоя.

Что делать, она виновата сама. Наивно было думать, что получив пощечину, Бахмет будет сам искать встречи с ней, слишком он для этого горд. А ей безумно хотелось увидеть его и найти достойный способ к примирению, чтобы они снова стали друзьями. И она ничуть на него больше не сердится. Скорее, следует на себя сердиться, потому что совершив этот поступок, — жестокий, но такой мужской, он окончательно привязал ее к себе. И теперь душа стремилась только к одному: сделать и его пленником своих желаний, привязать к себе накрепко, чтобы стать единственной женщиной в его сердце.

Раздумывая так, Катя с помощью Груни переделалась в самое красивое, на ее взгляд платье из перешитых маменькиных, — зеленое с серебристой отделкой, освежила прическу. Отражение в зеркале ей понравилось и, войдя в парадный зал, она устроилась за клавесином на гнутых ножках, стоявшим в глубине помещения, задумчиво огладила рукой крышку розового дерева и коснулась клавиш. Нежный, хрустальный звон вырвался из-под пальцев и затих в воздухе.

Катя не то чтобы хорошо играла, в деревне у нее были только простенькие клавикорды в переносной коробке, половину струн которого она сломала еще в детстве, но незатейливую пьеску она все-таки была в состоянии сыграть.

Пальцы забегали по клавишам, ошибаясь от волнения, так что понять, что это за мелодия, было нелегко. Но в любом случае, с досадой убедилась Катя минуту спустя, звук клавесина был слишком тихим и, похоже, поглощенные игрой гвардейцы, расположившиеся за стеной, его просто не слышали.

Она подождала еще пару минут, продолжая играть и чертыхаясь себе под нос каждый раз, когда фальшивила. Нет, зря она это затеяла. Восхищаться тут нечем, скорее сочтут неумехой, которой медведь на ухо наступил. И Катя раздраженно поднялась на ноги. Покружив немного по залу и прислушиваясь к голосам из-за двери, она окончательно поняла: ни один из них не выйдет и не попытается завязать разговор. Ведь она сама велела друзьям брата держаться подальше от нее. Вот ведь дура!

А еще несколько минут спустя она решилась на поступок, за который ей непременно влетело бы от папаш, окажись она рядом. Решительно распахнув двери, ведущие в гостиную, Катя переступила порог и оглядела пятерых приятелей, устроившихся за ломберным столом. Оживленно обсуждая ставки, они не сразу заметили ее появление, но заметив наконец, дружно поднялись и уставились на девушку.

— Добрый вечер, господа, — поздоровалась Катя.

* * *

Они нестройно ответили, явно немного стесненные ее вторжением в их мужской рай. Михаил ограничился молчаливым поклоном и сразу же отвел от Кати подчеркнуто безразличный взгляд. Сказать, что это было обидно, значило, не сказать ничего. Но широкая улыбка, которой сиял пожирающий ее глазами Бухвостов, все-таки немного утешила Катю. Хоть кто-то ей рад. Щербатов и Аргамаков смущенно теребят в руках карты, а Александр

смотрит на нее выжидательно и кажется, чуточку сердито.

— Да вы садитесь, господа, садитесь, — словно не замечая недовольства брата, Катя приблизилась к ним, опустилась на свободный стул, который заботливо придвинул ей Аргамаков.

Теперь наконец сели и они, и за столом воцарилось неловкое молчание.

— Во что играете? — спокойно осведомилась Катя, наслаждаясь их смущением.

— В фараон, — буркнул Александр.

Катя бесцеремонно заглянула в денежный ящик, наполненный стопками ассигнаций, и хмыкнула в знак удивления:

— Я смотрю, игра у вас отнюдь не коммерческая, а вполне себе азартная. Не разоритесь, нет?

Михаил молча усмехнулся, не глядя на нее. Александр хмуро произнес:

— Катерина, ты нам нравочения пришла читать?

— Ну что ты, откуда такие мысли! — Катя невинно захлопала ресницами.

— А что тогда?

— Да ничего! Научите меня играть.

Откуда взялась эта неожиданная идея, Катя не знала. Но с другой стороны, что еще здесь можно было делать?

Гвардейцы явно были удивлены этой просьбой. Александр сердито кашлянул:

— Это еще зачем? Вот выйдешь замуж, тогда и будешь картами развлекаться... по маленькой, если супруг позволит. А сейчас ни к чему.

— Так уж и ни к чему? — возразила Катя. — Мало ли что, в жизни все пригодится. Так что, давайте, излагайте теорию, я внимательно слушаю.

Александр побагровел.

— Кать, иди к себе! — взорвался он. — Повышайте там чего-нибудь с тетушкой. А здесь тебе делать нечего.

Катя еще не успела ответить, как раздался голос Бухвостова:

— Александр, я был бы счастлив исполнить желание Екатерины Юрьевны. И, думаю, друзья меня поддержат.

Катя одарила Бухвостова лучезарной улыбкой. Тот расплылся до ушей.

— Что скажете, господа? — она обвела невозмутимым взглядом Михаила, Щербатова и Аргамакова.

— Я не против, — застенчиво улыбнулся Аргамаков.

— Желание Екатерины Юрьевны — закон, — поддержал его Щербатов, перебирая дорогие перстни, унижавшие его холеные пальцы.

Александр с упреком посмотрел на друзей:

— Растаяли, да? Бабники! Бахмет, а ты чего молчишь?

Михаил устремил на Катю долгий взгляд, под действием которого замерло ее сердце, и после мучительно длинной паузы изрек:

— Ну, если княжна обещает не жульничать, не курить трубку, и не выпьет весь наш портвейн, то можно и удовлетворить желание дамы.

Гвардейцы рассмеялись.

— И ты туда же! — вздохнул Александр. — Ладно, черт с вами. Пусть остается.

— Но Екатерина Юрьевна еще не сказала, согласна ли она выполнить условия Бахмета, — с тонкой улыбкой вставил Щербатов.

— Обещаю делать только то, чему вы меня научите, — с мягчайшей кошачьей интонацией отозвалась Катя, глядя в глаза Михаилу.

Сердце было охвачено звонким трепетом, который она так любила в себе, тем пьянящим куражом, от которого начинало приятно покалывать кончики пальцев и кружилась голова. Вот для чего она рождена. Идти напролом, сметая к черту условности, самая красивая, самая отчаянная, очаровывающая этих мальчишек и любого, на ком остановит взгляд. И его... того, кто смотрит на нее этими насмешливыми зелеными глазами и словно бы не принимает всерьез. Он будет ее, весь, без остатка, как самый преданный пес. Дело времени.

— Только талию[1] доиграем все же, — сказал Александр, не подозревавший, какие коварные мысли бродят в голове сестрички. — А уже потом приступим к обучению.

— Да, стоит закончить, — согласился Михаил, снова погружаясь в изучение своих карт, словно Кати и не было рядом. — Тем более, что меня наверняка ждет неплохой куш.

— Конечно, не у каждого хватит духу гнуть пароли[2], как ты, — покачал головой Щербатов.

— Ну не мирандолом[3] же мне играть, словно мальчик-юнкер, — отозвался Михаил.

Катя, вопреки высказанному намерению, почти не вникала в игру: ее заворожили руки Михаила, перебиравшие стопку карт. Как красивы были эти руки, каждое движение длинных пальцев пронизано чувственностью, уверенной силой и небрежным изяществом. Должно быть, с таким же изяществом он вонзил клинок в сердце несчастного Леднева, вдруг подумалось ей. Катя мысленно вздохнула, отгоняя от себя эти мысли. Думать о Ледневе ей сейчас не хотелось. Хотелось смотреть на Михаила, украдкой лаская взглядом линию направленных вразлет темных бровей, тени от густых, длинных ресниц, чеканный профиль и четкий абрис губ, которые сводили ее с ума. И руки, чью повелительную силу и нежность безумно хочется испытать на себе.

Он и в самом деле выиграл, раньше всех сдав свои карты. И рассмеялся в ответ на стон проигравшегося, видно уже не в первый раз, Бухвостова:

— Ничего, Василий, считай, в любви повезет.

Бухвостов многозначительно покосился на Катю, словно связывая с ней свои надежды на везение в любви, и та едва не фыркнула.

— А вы часто выигрываете, Михаил Алексеевич? — любопытствовала она, глядя на Бахмета.

Юноша устремил на нее пристальный взгляд, выдержал паузу и небрежно произнес:

— Если мне не изменяет память, княжна, вы сами в прошлый раз назвали меня шулером. Стало быть, я выигрываю практически всегда.

Александр оторвался от подсчитывания очков и уставился на друга:

— Моя сестра назвала тебя шулером?! Катерина, это правда? — сурово осведомился он.

Катя подчеркнуто смущенно кашлянула:

— Не припоминаю такого. Правда, мы пили коньяк, так что, ручаться не могу, но...

— Так вот кто у отца весь коньяк выпил, — протянул Александр. — Господа собутыльники, в следующий раз выбирайте себе другие напитки. С меня отец голову снимет, бутылка этого коньяка стоит, как три арабских жеребца!

— Так ты сам его и выпил весь! — хихикнула Катя.

— Подтверждаю, — отозвался Бахмет. — На нашу с княжной долю всего пол-шкалика пришлось. Все прочее в твоей глотке увязло, любезный друг.

Гвардейцы рассмеялись. Александр недоверчиво покачал головой, но спорить не стал. — Возвращаясь к теме везения, — вставила Катя, — стало быть, в любви вам не везет?

Михаил посмотрел на нее, не скрывая усмешки:

— Екатерина Юрьевна, поверьте, я и не стремлюсь угнаться за двумя зайцами. Каждому свое. Если на то пошло, женская любовь — понятие столь же эфемерное, как и везение в карточной игре.

— Бахмет, — засмеялся Щербатов, — тебе ли жаловаться?

— А я не жалуясь, Илья, просто излагаю свою точку зрения. Я вообще не склонен рассматривать жизнь как цепочку везений и невезений. Все зависит от того, под каким углом смотреть на вещи. Вполне возможно, что кому-то наши победы покажутся поражениями и наоборот. Каждый видит только то, что хочет видеть, не более того.

— Ну, что ты у нас философ, мы давно знаем, — сказал Бухвостов. — Только, помнится, ты сказал однажды, что если бы не карточные выигрыши, то тебе давно пришлось бы выйти из полка за неимением средств.

— Базиль, — укоризненно произнес Щербатов, мельком глянув на внимательно слушающую Катю, — может быть, не стоит сейчас об этом?

— Екатерина Юрьевна, вы позволите? — абсолютно спокойный, Михаил кивком головы указал на трубку, лежавшую рядом на столе. Девушка машинально кивнула. Набив трубку табаком, он прикурил ее от пламени свечи, сделал несколько неторопливых затяжек и продолжил, отвечая на слова друга: — Ну почему же. Я не скрываю от своих друзей, что гол, как сокол. И, кстати, Екатерина Юрьевна об этом прекрасно знает.

«У вас девять братьев и сестер и потому рассчитывать на достойное наследство вам не приходится», — вспомнила Катя свои собственные слова и ощутила, как щеки, неизвестно почему, полыхнули жаром.

— Вот только я не совсем понял, каким образом это относится к моей, как ты говоришь, философии, — продолжал Михаил, раскуривая трубку. — Я пользуюсь тем, что дает мне судьба, для того, чтобы вести достойное дворянина существование. Если же судьба лишит меня своих милостей, что ж, я не стану из-за этого пускать себе пулю в голову.

— А что ж ты сделаешь? — хмыкнул Бухвостов. — Богатую невесту найдешь?

За столом наступила тишина, которую спустя мгновение нарушил Александр:

— Василий, нарываешься ведь...

— Я отвечу, — прервал его Бахмет. — Если это будет девушка, достойная моей любви, что ж, может быть. Если же нет, — никакая нищета не заставит меня продаваться из-за денег. В конце концов, если у мужчины есть голова, руки и шпага, с которой он знает, что делать, он всегда сумеет обеспечить себе кусок хлеба и бутылку вина. А что еще нужно?

— Бахмет, ты не в разбойники ли собираешься? — не без иронии осведомился Щербатов.

— Ну не в монахи-отшельники же мне идти? — отшутился Михаил.

— Хоть скит, хоть острог, по мне разницы никакой! — пожал плечами Бухвостов.

До сих пор молчавшая Катя, растерявшая большую часть своего куража после этого разговора, задумчиво произнесла:

— Так интригующе звучат эти слова, — «девушка, достойная моей любви»... Какой же она видится вам, если не секрет?

— Екатерина Юрьевна, — между двух затяжек ответил Бахмет, — я ничего не имею против женского пристрастия к комплиентам, но, может быть, вам не стоит

демонстрировать его так явно?

— Я напрашиваюсь на комплимент? — засмеялась Катя, скрывая за смехом невольную обиду. — Хорошо, допустим, это так. И что же? Я не стыжусь этого.

Александр вмешался:

— Бахмет, ты это... сестру мою не обижай.

— Действительно, — поддержал его Щербатов, — ты не прав, друг мой. Екатерина Юрьевна восхитительная девушка и ей нет нужды напрашиваться на комплименты.

— Согласен, — выпалил Бухвостов. — Среди московских барышень нет ни одной, равной ей по красоте, хотя красоток, видит Бог, хватает.

Зажав трубку в углу рта, Михаил с усмешкой покачал головой:

— Bravo, княжна! Я вижу, число ваших поклонников неуклонно растет. Сергей, — окликнул он молчуна Аргамакова, — мы знаем твою скромность, но на сей раз, дружище, поделись с нами: намерен ли и ты стать одним из верных рыцарей *princesse* Шехонской?

Аргамаков потупился и залился краской.

— Ну же, — с улыбкой настаивал Михаил, — всего одно слово! Да? Нет?

— Не отвечайте ему, Аргамаков! — кокетливо запротестовала Катя. — Пусть это останется вашей тайной, во веки веков.

— Ну, если так, — Бахмет развел руками. — Не смею настаивать. А что касается несравненной красоты Екатерины Юрьевны, то я и не думал спорить на сей счет. Но дифирамбы дамам предпочитаю возносить тет-а-тет. Вот, собственно, и все, что я хотел сказать по этому поводу.

— Подожди, Бахмет, — Аргамаков, все еще краснея, нерешительно поднял глаза на Катю, потом перевел взгляд на ее брата. — Екатерина Юрьевна, если бы Александр позволил...

— Что тебе позволить? — с тяжелым вздохом сказал Шехонской.

— Ухаживать за Екатериной Юрьевной... — смущенно ответил Аргамаков.

— Я первый спросил! — возмутился Бухвостов.

Катя чуть слышно хихикнула.

— Первый, второй, десятый! — выкрикнул выведенный из терпения Александр. — Еще строем станьте, как на плацу! Вот не было печали! С чего у вас всех вдруг засвербило в одном месте? — заметив вытянувшееся лицо Аргамакова, он отрывисто бросил: — Я подумаю, Сергей. И насчет тебя подумаю! — оборвал он уже открывшего было рот Бухвостова.

Катя захохотала, уже не скрываясь. И услышав этот очаровательный, звонкий, как колокольчик, смех, Бахмет невольно улыбнулся краешком губ.

— Excusez-moi, конечно, — откашлявшись, вклинился Щербатов, многозначительно глядя на Катю, — а мне как, будет дозволено претендовать на эту вакансию?

— Да идите вы все к черту! — взвился Александр. — Мы играть собрались или амурные дела обсуждать? Катя, ну зачем ты пришла? Так хорошо без тебя было!

— Мне уйти, господа? — с неотразимой улыбкой девушка обвела взглядом друзей брата.

Бухвостов, Щербатов и даже Аргамаков громко запротестовали. Михаил молча смотрел на Катю, попыхивая трубкой и девушке на мгновение показалось, что эти спокойные зеленые глаза видят ее насквозь, словно кусок стекла.

— Трое против двух, — объявила Катя. — Я остаюсь. Теперь мы наконец займемся

картами, но в завершение беседы я хотела кое-что сказать. Аргамаков, — обратилась она к застенчивому гвардейцу и тот, вздрогнув, поднял на нее глаза. — Вам я позволяю ухаживать за мной.

Губы Аргамакова дрогнули в несмелой улыбке:

— Благодарю за честь, Екатерина Юрьевна.

Бухвостов обиженно засопел. Щербатов с натянутой улыбкой зааплодировал:

— Виват Аргамакову! Проныра, однако, наш тихоня.

— Ну не красней, не красней, счастличик, — поддел Бахмет Сергея, вприщур разглядывая Катю из-за дымовой завесы. Она тоже смотрела на него, наслаждаясь этой маленькой мстостью, но чуть-чуть все же досадуя, что он воспринял все так бесстрастно. — Саша, а твоя сестра не слишком ли самостоятельная барышня, как ты считаешь?

— Я с ней потом разберусь, — пообещал Александр, тасуя карты. — Ты лучше дай ей новую колоду.

Дотянувшись до коробки, стоявшей на краю стола, Михаил вынул из нее запечатанную колоду карт и положил перед Катей. Потом разлил портвейн в стоявшие перед гвардейцами опустевшие бокалы, и очень серьезно взглянув на девушку, произнес с вопросительной интонацией:

— Екатерина Юрьевна?..

Александр бросил на него хмурый взгляд:

— Что у тебя за упорное стремление сподить мою сестру? Сначала коньяк, теперь портвейн. Угомонись наконец.

— Уже, — пообещал Михаил, убирая бутылку.

— Так и быть, не спорю, ясная голова мне пригодится, — рассмеялась Катя.

— Екатерина Юрьевна, — покачал головой Щербатов, пригубив вино, — здесь нужна не ясная голова, а одно лишь тупое везение, поверьте. Однако во что же нам сыграть? В фараон вшестером не играют.

— Сыграем в шгосс, — предложил Аргамаков.

— Пожалуй, — согласился Александр, продолжая тасовать карты.

— А что поставим на банк? — осведомился Щербатов, набивая табаком свою трубку. — Скажу сразу, мне не хотелось бы играть на деньги с Екатериной Юрьевной.

Александр хмыкнул:

— И что ты предлагаешь, хотел бы я знать?

— Илья прав, — согласился Михаил, перетасовывая свою колоду. — Кто же берет с новичков деньги? Тем более, в процессе обучения.

— Так на что играть будем? — буркнул Александр.

— На поцелуй! — воскликнул Бухвостов, даже привстав со стула.

Катя замерла. Четверо гвардейцев, замолчав, выразительно уставились на Бухвостова.

— О нет, ты сошел с ума? — вполголоса осведомился Щербатов.

Отложив карты, Александр сунул чуть ли не под нос Бухвостову сжатый кулак:

— Я тебя сейчас так поцелую!.. Тебе что, жить надоело?

— Бухвостов, — Михаил покачал головой, — я давно знал, что ты дурак, но что до такой степени... Ты немножко не в том месте, чтобы претендовать на подобное, или ты еще этого не понял?

В спокойном голосе юноши вполне отчетливо прозвучали стальные, угрожающие нотки. Бухвостов сидел, как оплеванный, и молчал. Остальные тоже умолкли, стараясь не

смотреть на Катю.

— Мне это осточертело наконец, — нарушил молчание Александр. — Объясни мне, почему ты считаешь, что можешь так обращаться с моей сестрой?

Бухвостов прогнусавил:

— Александр, я... Екатерина Юрьевна... я приношу свои извинения. Ей-богу, по глупости вырвалось, бес попутал.

— Вечно одна и та же история, — ни к кому не обращаясь, тихо сказал Аргамаков. — Тебе сколько знакомых уже от дома отказали, забыл?

Катя, сидевшая ни жива, ни мертва, вдруг резко отодвинула стул и поднялась на ноги.

— Простите, господа, — холодно произнесла она. — Мне расхотелось играть. Прошу прощения, что отняла у вас столько времени.

С этими словами она двинулась к дверям, но уйти ей не дали. Торопливо поднявшись, Бахмет, Щербатов и Аргамаков окружили ее, преградив путь, и заговорили все разом:

— Екатерина Юрьевна, не уходите, пожалуйста! — сказал Аргамаков.

— Если хотите, мы Бухвостову рот завяжем, так что он даже слова сказать не сможет до конца игры, — пообещал Бахмет.

— Отличная идея, — одобрил Щербатов. — Может нам всегда так делать?

Они продолжали шутить, стараясь развеселить замкнутую девушку, и мало-помалу Катя поняла, что уходить ей и не хочется. Обида была сущим лицемерием с ее стороны, а в глубине души она осознавала, что вовсе не чувствует себя оскорбленной. Получается, в ней нет ничего от благородной барышни, если подобная наглость не оскорбляет ее достоинства, подумалось вдруг.

— Катюш, ну оставайся, раз твои рыцари тебя так просят, — буркнул Александр. — Бухвостов будет молчать, я тебе обещаю.

— Ну хорошо, так и быть, — проронила Катя, и под восторженные возгласы своих поклонников вернулась за стол.

— В конце концов, — заявил Щербатов, видимо, желая разрядить обстановку, — Бухвостов и не утверждал, что желает получить поцелуй именно Екатерины Юрьевны.

— Точно, — съязвил Бахмет, зажигая потухшую трубку, — может, Илья, он твой поцелуй жаждал получить?

Все захохотали, даже Катя не сдержала улыбки. Бухвостов надулся, но не произнес ни слова.

— Ну все, господа, забыли и вымели за дверь, — властно сказал Александр. — Так что ставим на банк?

— У меня есть идея, — откликнулась Катя. — Пусть проигравший расскажет свою самую страшную тайну!

— О, — оживился Щербатов, дымя трубкой, — это я люблю! Если фортуна от меня отвернется, я вас всех запугаю страшными историями!

— Знаем-знаем, — усмехнулся Михаил. — Про твою бабушку вампиршу?

— Ну вот, взял и растрезвонил, — упрекнул Щербатов. — Сорвал спектакль великому рассказчику!

— Ничего, новый спектакль выдашь. А то рассказами про свою бабушку который год из нас всех кровь пьешь.

— Ну а что же получит выигравший? — полюбопытствовал Щербатов.

— А выигравший, — Катя с улыбкой оглядела гвардейцев, — пусть потребует

исполнения своего желания!

Гвардейцы заинтересованно уставились на девушку. Александр недовольно нахмурился, не зная, как расценить слова сестры.

— Черт возьми, — проронил Щербатов, — отличная идея! Пожалуй, в этом куда больше азарта, чем в игре на деньги.

Выдохнув клуб дыма, Бахмет не без иронии посмотрел на Катю:

— Господа, держу пари, Екатерина Юрьевна что-то задумала. Сергей, — обратился он к Аргамакову, который сидел рядом с девушкой, — ты проследи за demoiselle pointer, кто знает, что у нее там в рукаве припрятано.

— Я постараюсь, — улыбнулся Аргамаков.

Катя покачала головой, отвечая на взгляд Михаила:

— Вот увидите, я выиграю. И сделаю это честно.

— Даже страшно представить, что вы потребуете от проигравшего, — усмехнулся Бахмет.

— Но ставки, однако, получаются неравными, — заметил Щербатов. — От проигравшего требуется слишком много: и выполнение желаний, и открытие своих тайн...

— Да, пожалуй, вы правы, — согласилась Катя. — Так что же, сойдемся на желании? А тайны оставим на следующий раз.

— У нас будет следующий раз? — не без удовольствия уточнил Щербатов.

— Возможно. Так все согласны?

Никто не возражал, только Аргамаков застенчиво уточнил:

— А дозволено ли будет отыграться, если желание покажется проигравшему неприемлемым?

— Ну уж нет! — решительно возразила Катя. — Никакого отыгрыша, не стоит вносить сумятицу. Кто проиграл, тот проиграл, и платит по счетам безо всяких уверток!

Возможно, гвардейцы не были согласны, но возражать никто не стал: никому не хотелось показаться трусоватым занудой в глазах красивой барышни.

— Ну все, господа, играем, — сказал Александр. — Катерина, ну чего ты сидишь? Распечатывай колоду.

[1] Партию.

[2] Увеличивать ставки.

[3] Без увеличения ставки.

* * *

Катя сняла обертку с колоды, старательно перетасовала карты.

— Теперь смотри, — начал брат, — я банкومت. Ты понтируешь против меня. Вынь из колоды карту, на которую хочешь поставить и положи ее рубашкой вверх возле себя.

— Любую? — осведомилась Катя.

— Любую, да.

— А тебе ее показать?

Гвардейцы рассмеялись.

— Не надо, — терпеливо отозвался Александр.

Катя выбрала из колоды светловолосого червонного валета и положила его возле себя, как и требовалось, рубашкой кверху. То же самое сделали все остальные понтеры. Александр дал Михаилу снять карту со своей колоды, вложил ее в середину, «подрезав» колоду на две равные части и попутно объясняя:

— Если лоб, то есть верхняя карта, совпадают с достоинством той, на которую ты поставила, пусть даже и другой масти, то твоя карта бита. Если совпадает соник, — выигрыш твой. Дальше еще проще. Следи за картой, на которую ты поставила. Если она ляжет вправо, выиграл я. Если влево — ты. Вот и все.

Перевернув колоду лицом, Александр сдвинул вправо верхнюю карту, семерку пик, до половины открывая соника, — бубновый туз, так чтобы все игроки могли видеть обе карты.

Ни лба, ни соника ни у кого из игроков не оказалось, и Александр начал метать банк. Две кучки карт постепенно росли на столе, четные налево, нечетные направо. Чувствуя отчаянное сердцебиение в груди, Катя внимательно следила за прокидкой, впрочем, и все остальные понтеры не сводили глаз с каждого брошенного на сукно абцуга[1]. Игра с необычной ставкой явно захватила игроков, приободрился даже Бухвостов, и его напряженное сопение повисло над столом.

Наконец брошенная рукой Александра трефовая дама легла в правую стопку, и раздался голос Михаила:

— Sacristi... (*Черт возьми (франц.)*)

С этими словами он швырнул на стол свою карту, — точно такую же черноволосую красотку трефовой масти и, откинувшись на спинку стула, мрачно задымил трубкой.

— Бахмет проиграл! — охнул Щербатов. — Сейчас земля разверзнется...

Катя дотянулась до битой карты, взяла ее и многозначительно улыбнулась, разглядывая трефовую королеву:

— У вас хороший вкус.

— Следите за прокидкой, княжна, — с усмешкой посоветовал юноша, выпустив изо рта кольца дыма.

Следующим из игры выбыл Бухвостов, что вновь вызвало у поручика душераздирающий стон, на который игроки отозвались не слишком сочувственными смешками. А потом в левую кучку лег червонный валет, и Катя взвизгнула на всю гостиную, так что сидевший рядом Аргамаков невольно зажал уши:

— Я выиграла! Я!

Она гордо продемонстрировала брату своего валета, и тот успокаивающе покачал головой, делая мелом отметку на сукне:

— Выиграла, выиграла, успокойся. Продолжаем, господа.

— Позвольте, — перегнувшись через стол, Михаил вынул из пальцев Кати карту и, приподняв бровь, полюбовался на блондинчика: — Не могу не вернуть вам комплимент, княжна. Вкус у вас, подобно моему, отменный.

Их взгляды встретились. Катя ощутила, как приливает к щекам кровь, но все-таки улыбнулась, пренебрежительно встряхнув головой:

— Ах, он просто первым подвернулся мне под руку.

— Конечно, — не без иронии отозвался юноша. — Я так и понял.

Бухвостов окинул флиртующую парочку угрюмым взглядом. Щербатов выразительно выбил пальцами дробь по зеленому сукну. Аргамаков сидел, не поднимая глаз, и плохо скрытая досада читалась на его лице.

— Играем, господа, — Александр продолжил метать банк.

Еще через несколько абцугов тяжело вздохнул Аргамаков. Его карта тоже оказалась бита. И только Щербатову улыбнулась удача, на что он отозвался восторженным возгласом:

— Фортуна на моей стороне! Грех этим не воспользоваться!

— Что нас ждет, о Боже, — засмеялся Бахмет.

— Поздравляю, — Катя улыбнулась Щербатову. — Стало быть, мы с вами можем требовать все, что хотим от этих неудачников?

— Я даже знаю, что я потребую, — значительно подняв указательный палец, отозвался Щербатов.

— Что же, если не секрет?

— Увы, Екатерина Юрьевна, но это как раз секрет, — улыбнулся Щербатов. — Тем более, что я собираюсь отсрочить возвращение этого долга чести. Этот выигрыш мне очень пригодится в ближайшее время... но не сейчас.

— Илья, не пугай, — засопел Бухвостов.

— Вы меня просто заинтриговали, — сказала Катя и обернулась к брату. — Саша, а какое желание у тебя?

Александр пожал плечами:

— Не знаю. Пока никакого.

— Ах, нет у тебя фантазии!

— Зато у тебя фантазий хоть отбавляй, — проворчал брат.

— В этом ты прав, — кивнула Катя и оглядела проигравших: — Так что же, господа? Вы готовы исполнить мое желание?

— Хоть в петлю, — с пафосом пообещал Бухвостов.

— Все, что угодно, Екатерина Юрьевна, — отозвался Аргамаков.

Довольная, словно кошка, налакавшаяся сливок, Катя окинула вопросительным взглядом Михаила.

— Ну не томите, княжна, — отозвался тот вкрадчивым и мягким, как бархат, голосом. — Я сгораю от нетерпения.

— Мы будем играть в прятки, — с лукавым блеском в глазах объявила девушка.

— Что? — расхохотались гвардейцы.

— В прятки, господа, в прятки! А когда надоест, — в жмурки.

Молодые люди захохотали пуще прежнего, но Катя видела, что эта идея им понравилась. Только Щербатов произнес:

— Екатерина Юрьевна, жмурки — это уже получается второе желание.

— Ну и что? — не моргнув глазом, парировала Катя. — Я так хочу, и этого довольно. Кроме того, я хочу, чтобы в игре приняли участие все, а не только проигравшие.

— Я-то уж точно не останусь в стороне, — заметил Щербатов.

— Ох, Катерина, — вздохнул Александр, поднимаясь.

— Что? — весело откликнулась девушка. — Будет забавно.

— Не сомневаюсь, — проворчал брат.

Гвардейцы, улыбаясь, стали кругом и Катя, присоединившись к ним, начала проговаривать считалку:

— За морями, за горами,

За железными столбами

На пригорке теремок,

На двери висит замок.

Ты за ключиком иди

И замочек отопри!

Благодаря ловкости девушки, вовремя заметившей нежеланный для нее расчет, последнее слово, которое должно было достаться Михаилу, выпало Бухвостову. Неизвестно, заметил ли кто-нибудь ее хитрость, но протестов не последовало.

— Всех найду, — кровожадно пообещал Бухвостов, отворачиваясь к стене.

— Считайте до пятисот, поручик! — хихикнула Катя.

— Зачем так много? — подозрительно покосился на нее водящий.

— Желание, — ехидно пропела Катя, — это все входит в желание! Только не ходите за мной, господа, прошу вас, — рассмеялась она, видя, что Щербатов и Аргамаков выжидательно смотрят на нее, — иначе я рассержусь! Пусть каждый прячется сам по себе!

Щербатов и Аргамаков удрученно вздохнули. Бухвостов начал считать. Поспешно покинув гостиную, играющие разошлись, кто куда. Аргамаков направился в диванную. Щербатов спрятался за шпорой в парадной зале, там же, за каминным экраном устроился Александр и, услышав его шуршание, Илья тихонько засмеялся:

— Саша, мы вправду это делаем?

— Сам не верю, — усмехнулся Шехонской.

— Нам повезло, что твоя сестра не приказала нам прыгать из окна.

— С нее станется, — пробормотал Александр. — А ты бы прыгнул?

— Ну если бы действительно проиграл, то прыгнул бы. А куда деваться? Долг чести! Только боюсь, скучновато нам тут будет. Может, стоило принять в игру парочку молоденьких горничных?

Катя не слышала этого разговора. Приметив, что Михаил вошел в кабинет, она, неслышно ступая, последовала за ним. Приоткрыв створку двери, девушка мгновение вглядывалась в беспросветную темноту, потом юркнула в проем и тихонько затворила дверь. Сердце беспорядочно колотилось и ладони стали влажными.

— Кто здесь? — послышался во мраке спокойный голос Бахмета. — Вы, княжна?

— Я, — шепнула Катя.

— Идите сюда.

Услышав это приглашение, девушка на мгновение замерла. Осторожно ступая в темноте, она двинулась на звук его голоса. Бахмет прятался в глубине комнаты, в самом темном ее углу, в нише за книжными шкапами. Катя приблизилась и встала рядом. Глаза уже привыкли к темноте, и она видела его стройный силуэт и едва заметный отсвет, лежавший на светлых волосах. Исходивший от него пряный и необыкновенно чувственный аромат, смешанный с запахом трубочного табака, коснулся ноздрей, вызывая трепет в душе. Михаил не повернул головы к ней, молча стоял, прислонившись к шкафу. Из-за дверей доносился гнусавый голос Бухвостова, продолжавшего счет.

— Стало быть, вот для чего вы все это затеяли, — произнес Михаил после паузы.

Катя бросила на него настороженный взгляд:

— Что все?

— Игру в карты и эти дурацкие прятки.

— И для чего же? — севшим голосом отозвалась Катя.

— Ну, как я понял, для того, чтобы остаться со мной наедине.

В первую секунду Катя хотела было возмутиться этим самоуверенным заявлением, но вдруг передумала.

— Да, это правда, — признала она тихо.

Бахмет бросил на нее мимолетный взгляд. Если он и был удивлен ее признанием, то никак не показал этого.

— Ну так чего же вы хотели? Говорите, я слушаю вас.

Катя собралась с духом. Ей всегда было нелегко извиняться, но сейчас выбора не было.

— Я виновата перед вами, — шепнула она.

— О да, — подтвердил Бахмет.

— И я прошу прощения за то, что ударила вас. Мне очень жаль, что я сделала это, Миша...

Имя сорвалось с губ помимо ее воли, и Катя тревожно замолчала, вслушиваясь в его тихое дыхание. Бахмет обернулся, но ответил не сразу.

— Вы думаете, стоит вам назвать меня Мишей, и я сразу же растаю и забуду, как вы меня «приласкали»?

Катя застыла, вглядываясь в едва различимое во мраке лицо.

— Нет, я совсем не хочу, чтобы вы это забыли, — отозвалась она. — Знаете, моя кормилица говорит, что не нужно забывать ни плохое, ни хорошее. Это единственный способ воздать каждому по заслугам.

— Вот сейчас я возьму и воздам вам по заслугам, — пообещал Михаил, становясь перед ней, и прижал ладони к стене по обе стороны от девушки, так что она оказалась в кольце его рук, хотя он и не дотрагивался до нее.

В это мгновение из гостиной донесся голос Бухвостова:

— Пятьсот! Я иду искать!

— Кто не спрятался, я не виноват, — с усмешкой прошептал Михаил, и его горячее дыхание коснулось Катиной щеки.

Полузакрыв глаза, она с трепетом ждала, зная, что не будет, не сможет противиться, что бы он ни сделал. Но Михаил не шелохнулся, по-прежнему нависая над ней, и только тихо произнес:

— Хотите, чтобы всегда все было по-вашему, да?

Катя разочарованно открыла глаза, помолчала, думая, что ответить.

— Не всегда, — мягко возразила она. — Пусть будет и по-вашему, я... согласна.

Михаил тихонько засмеялся.

— Боже всемогущий, убереги меня от соблазна. Вы задались целью свести нас всех с ума, Екатерина Юрьевна... Катиш... — добавил он после паузы новое имя. — И у вас это неплохо получается. Я уже предчувствую: скоро мои друзья будут рвать друг другу глотки за малейший знак вашего внимания. Пусть так. Только я в эти игры играть не хочу. И вам не советую.

— Почему? — едва слышно выдохнула Катя, сердце которой плавилось от его близости и этого околдовывающего, чувственного шепота.

— Со мной это будет не так просто. И, кроме того, вы балансируете на грани, Катиш, неужели вы этого не видите? Да, признаюсь, мы здесь таких, как вы, барышень не видели. Потому что барышни обычно не ведут себя так смело и вольно.

Катя выпрямилась, гневно пробуравив глазами его темный силуэт:

— Вы хотите обидеть меня?

— Нет, — медленно ответил он, покачив головой. — Я просто хочу просить вас не переступать эту грань. Мы, друзья Александра, ребята простые и все поймем правильно, а вот другие... другие могут не понять. И осудить вас.

В отдалении послышался ликующий возглас Бухвостова:

— Стуки-стуки, Сергей!

Катя не сдержала нервный смешок и тут же вздрогнула, чувствуя, как пальцы Михаила медленно скользят по ее волосам.

— Я пойду в другую комнату, — шепнул он, убирая руку. — Будет лучше, если нас не застанут вдвоем.

С этими словами он выбрался из ниши и взялся за ручку двери, ведущей в парадную спальню.

— Михаил, — тихо окликнула его Катя, — так мы... помирились?

С дрожью в сердце она ждала его ответа, вслушиваясь в темноту и наконец Бахмет отозвался:

— Думаю, что да.

Дверь заскрипела, затворяясь за ним, и Катя осталась в кабинете одна.

По всей анфиладе раздавался грохот: Бухвостов бродил по темным комнатам, натываясь на мебель, и безуспешно пытаясь разыскать спрятавшихся.

— Черт возьми, это не по правилам! — вопил он. — Зачем вы свет погасили? Как я теперь вас найду?

По-видимому, мысль взять канделябр из гостиной ему в голову не приходила. Внезапно из парадной залы послышался оглушительный хохот: Александр и Щербатов все громче смеялись над незадачливым другом и тот, услышав этот издевательский смех, воспрянул духом и рванулся на поиски.

Катя ничего этого не слышала. Прислонившись щекой к стене, еще хранившей, казалось, тепло тела Бахмета, она потрясенно прислушивалась к себе.

«Я люблю его. Я не знала, что так бывает... Миша, славный мой... Только бы быть с тобой рядом. Мой червонный валет, мой Бог, мой любимый...»

[1] Пара карт в игре.

Глава 10. Князь и княгиня Шехонские

Выйдя из дверей церкви Святого Георгия, Катя задержалась на ступеньках, ожидая, когда Акулина расправит складки своего просторного плаща.

День был холодный, ветреный. Время от времени мелкий дождик начинал сыпать со свинцово-серого неба, вызывая единственное желание: устроиться возле натопленного камина с чашкой горячего чаю и наслаждаться теплом и покоем под завывание ветра и стук дождевых капель по мокрому стеклу...

— Ну что, Катенька, полегчало на душе после исповеди? — осведомилась наконец Акулина, осторожно сходя по залитым водой ступеням.

— Не полегчало.

Услышав эти слова и мрачный тон, каким они были произнесены, тетка не без удивления оглянулась на племянницу:

— Что так? Неужели епитимья настолько тяжела?

Катя покачала головой:

— Лучше не спрашивай.

Говорить сейчас о епитимье, возложенной на нее отцом Серафимом после исповеди, Кате не хотелось. Все было ей по силам: и строгий пост, и длительные каждодневные молитвы, но главное, что потребовал от нее пресвитер, чтобы окончательно укрепить врачевание духовное, было суровее самого сурового наказания. В сто раз лучше быть осужденной молиться на паперти, словно душегуб, не имея права войти в храм Господень, или получить длительное отлучение от причастия, но выполнить то, что назначил ей отец Серафим?!..

...Она снова увидела перед собой изуродованное оспой спокойное лицо священника, и в голове прозвучал его звучный низкий голос:

— Раба Божия Анна, о которой вы упомянули в своей исповеди, находится в большой беде. Вам следует предпринять шаги, чтобы разыскать родных этой девицы и принести им весть о ее участи. А так же, если это окажется возможным, и помочь им найти ее.

Катя в ошеломлении смотрела на отца Серафима.

— Отче, — с мольбой сказала она, — я прошу вас, не требуйте этого от меня! Я понимаю, что это мой долг христианский — поступить так, как говорите вы, но я не могу! Первая встреча с этой девушкой не принесла мне ничего, кроме бед и страданий, я лишь чудом осталась жива и не опозорена! Что же, кроме новых бед, может принести мне еще одна встреча?

— Все в воле Божьей, дочь моя, — возразил пресвитер. — Я не могу требовать от вас исполнения епитимьи, это дело доброй воли кающегося. Но о каком же раскаянии может идти речь, если вы не хотите совершить одно доброе дело в возмещение многих, очень тяжких грехов?

Катя вскинула голову, вперив взгляд в его лицо, на котором ясно читался упрек, и несколько мгновений молчала.

— Хорошо, отче. Я подчиняюсь вашему требованию. Хочу только напомнить, что я девица и не могу свободно располагать собой, если это расходится с желанием моих родителей. Что если они запретят мне?

Отец Серафим покачал головой:

— Вы сделаете то, что сможете, дочь моя. Я не вправе налагать на вас непосильную епитимью. И не бойтесь зла, которое, быть может, принесет вам эта жертва. Доверьтесь Господу, его милости и всемогуществу. Другого пути очиститься от греха не существует...

...Он был прав. Она должна принести эту жертву, чтобы Господь поверил в ее раскаяние. Но насколько искренней может быть эта жертва? И не присоединится ли она к стану фарисеев, уверенных, что пробили себе дорогу в райские кущи наружным благочестием, хотя душа осталась черства и пуста, словно скорлупа гнилого ореха?..

Машинально отвечая что-то односложное на расспросы Акулины, Катя шла вслед за ней по церковному двору, направляясь к воротам. Но когда лакей распахнул перед ними дверцу экипажа, Катя внезапно застыла при виде высокого черноволосого мужчины в войлочной шляпе и длиннополом синем кафтане, который быстрым шагом шел по улице, удаляясь от них.

Она видела его только со спины, но сердце гулко застучало в груди, боясь и безумно желая поверить увиденному. Неужели Драгомир?

Забыв о тетке, которая, кряхтя, усаживалась в салон, Катя подхватила юбки и на глазах изумленных слуг помчалась по мокрой бревенчатой мостовой вслед за уходящим цыганом. Вслед ей раздался чей-то испуганный вскрик, но девушка не остановилась. Оскользываясь и едва не толкая многочисленных прохожих, которые спешили найти укрытие от внезапно усилившегося дождя, Катя бежала по улице, крича на ходу:

— Драгомир! Драгомир, стой же!

Наконец она ухватила цыгана за плечо, он обернулся, и Катя замерла. На нее смотрело чужое лицо, заросшее бородой чуть не до самых глаз. Рука, сжимавшая плечо незнакомца, бессильно упала.

— Обозналась, что ли, барышня? — рассмеялся цыган, оскалив в улыбке лошадиные зубы.

— Да, — выдохнула Катя, отступая на шаг. Сердце рухнуло вниз, словно брошенный с обрыва камень. — Прости...

— Да ничего, с меня не убудет... — незнакомец продолжал улыбаться, вприщур разглядывая девушку из-под широких полей шляпы, с которых стекали капли дождя. — А кого ищешь-то?

— Его зовут Драгомир, — сама не зная зачем, тихо ответила Катя. — Он из молдавских цыган, кажется... Я точно не знаю.

— Из молдавских? — пренебрежительно протянул цыган и выразительно сплюнул: — Тьфу ты... Рабское племя...

У Кати запоздало запылали щеки, — не от презрительных слов цыгана, смысла которых она не понимала, а от непристойности положения, в котором оказалась по собственной вине. Ей казалось, что все прохожие смотрят на нее, едва не прожигая взглядами. А что скажет Акулина?

Запыхавшаяся тетюшка, которую сопровождал лакей, уже была рядом.

— Да уйди ты, черт проклятый! — замахнулась она на цыгана.

Тот засмеялся и пошел своей дорогой, оглядываясь на Катю.

— Ты что творишь, Катерина? — хватая племянницу за рукав, прошипела тетка. — Совсем стыд потеряла!

Девушка безропотно позволила Акулине увести себя. Капли дождя текли по ее лицу, смешиваясь со слезами. Она сама не знала, почему плачет, отчего так больно сердцу.

Драгомир по-прежнему был далеко от нее. Неужели им никогда не суждено увидиться вновь?

Оказавшись в салоне кареты, которая двинулась в обратный путь, оцепеневшая Катя тупо слушала гневные слова, что без перерыва сыпались с уст Акулины:

— Ты вообще соображаешь, что делаешь? Это же Моховая, соседи кругом, а ты мчишься через всю улицу за каким-то бродягой! Что на тебя нашло?!

— Мне показалось, я его знаю, — дрогнувшим голосом выговорила Катя.

— И что с того?! Это все Улька твоя, чертова бестия, вечно цыган к дому приваживала и тебя с пути сбила! Ух, я ей все выскажу, пусть только приедет!

— Ульяна здесь ни при чем. Прости, Акулинушка, — всхлипнула Катя, вытирая слезы. — Я больше не буду. Может быть, обойдется, меня ведь здесь еще никто не знает.

— Твое счастье, что лакеи у нас не болтливые, — буркнула Акулина, постепенно успокаиваясь. — Юрий Александрович их в строгости держит. Пречистая Богородица, скорее бы уж тебя замуж отдать, может, хоть тогда ума наберешься и перестанешь семью позорить!

Замуж? Катя отвернулась к окну, которое заливали струи дождя, и ее губы дрогнули в невеселой улыбке. Знать бы еще, кого придется ей осчастливить. Она понимала, что Михаил едва ли покажется ее родителям достойной парой. Имя любимого отозвалось привычной волной нежности в душе, но Катя сразу же ощутила какую-то смутную вину.

До сих пор ей казалось, что она знает свое сердце. Но сегодня оно сыграло с ней очень злую шутку...

* * *

Распахнув двери перед Катей и Акулиной, улыбающийся дворецкий сообщил:

— Их сиятельства только что вернулись, барышня.

Родители?.. Катя обомлела. Все эти дни она готовилась к разговору с матерью, но сейчас, когда этот момент наступил, все нужные слова вылетели из головы.

— Пречистая Богородица, — прошептала Акулина, — что сейчас будет?

Катя метнула на нее взгляд исподлобья.

— Что будет, то и будет. А мой брат?.. — спросила она у дворецкого.

— Александр Юрьевич дома. Все собрались в кабинете, — почтительно сообщил дворецкий.

Бросив плащ на руки слуге, Катя решительно вошла в вестибюль и направилась к лестнице. Остановившись внизу, Акулина молча наблюдала за тем, как девушка поднимается по ступеням, потом перекрестилась, вполголоса шепча молитву.

Распахивая одну за другой двери парадной анфилады, Катя шла к кабинету, и еще не дойдя до него, услышала громкий голос матери:

— Вы понимаете, что теперь будет? Все насмарку, все! Все, чего я с таким трудом добилась! Саша, я надеюсь, у тебя хватило ума не извещать прабабушку?

— Хватило, — послышался в ответ угрюмый голос Александра. — Только, татаа, мне совсем не нравится все это...

— Изволь молчать! — оборвал его голос матери. — Ты еще дитя неразумное и выгоды своей не понимаешь! Поэтому я буду решать за тебя!

Катя приблизилась к дверям кабинета. Дрогнувшей рукой ухватила ручку. И не стуча, распахнула створки.

Отец сидел в кресле, раскуривая сигару. Саша и мать стояли возле письменного стола, продолжая препираться, и мать замолкла на полуфразе, когда Катя появилась на пороге. Все трое уставились на нее.

— Bonjour, maman. Bonjour, papa, — старательно сложив губы в улыбку, Катя почтительно поклонилась.

— Солнышко мое! — бросив сигару в пепельницу, князь Юрий Александрович Шехонской поспешно поднялся и, приблизившись к дочери, с нежной улыбкой обнял за плечи. — Как же я рад видеть тебя! Молодец, что приехала.

Как изящен он был, как величествен и одновременно прост! И по-прежнему хорош собой, — годы совсем не портили его. Среднего роста, худощавый, но крепкий, как железо. Плечи, затянутые в бордовое сукно по-модному узкого кафтана, так широки и надежны. Правильные черты лица, обрамленного гривой седеющих черных волос, выразительные, темные, как крепкий чай, глаза и улыбка... сдержанная, как всегда, но удивительно теплая, и взгляд его неизменно теплеет, когда обращен к ней.

Катя порывисто прижалась к отцу. Она так любила его, что каждый знак внимания с его стороны воспринимался как дар Божий, захлестывая душу волной самых пылких чувств. Исходивший от него чуть уловимый запах коньячного перегара защекотал ноздри, но она не отстранилась, с готовностью принимая звонкие поцелуи в обе щеки.

Александр, стоя за спиной у матери, подал ей знак, приложив палец к губам. Катя напряглась. Она не должна о чем-то говорить? Но о чем именно?

— Красавица моя, — отец ласково погладил ее по волосам, любуясь дочерью. — Совсем взрослая стала.

— Извольте прекратить! — крикнула Софья Петровна. — Жорж, отлепитесь от нее наконец! И пусть она подойдет ко мне! Иди сюда, Катерина!

— Нет нужды так волноваться, — сухо заметил Юрий Александрович, отпуская дочь. — Поберегите нервы, дорогая.

Катя медленно приблизилась к матери, покорно поцеловала протянутую руку и, подняв глаза, мужественно встретила обвиняющий взгляд.

Княгиня Софья Шехонская была высокая, стройная женщина лет сорока, с некрасивым, чрезмерно удлинненным лицом, на котором светились беспокойным блеском огромные, невыразимо прекрасные, но, увы, несколько не украшающие ее, ореховые глаза. Большой седловатый нос бы в едином стиле с тяжелым, не по-женски массивным подбородком; бледные губы — правильной, изящной лепки, но присущая им безвольная гримаса то и дело придавала лицу выражение какой-то жалкой, почти карикатурной нелепости.

— А теперь, — приказала княгиня, усаживаясь в кресло, — рассказывай, как ты посмела послушаться меня!

Но едва Катя открыла рот, ее перебил Александр:

— Мaman, это я разрешил Кате приехать.

— Ты?! — круто развернувшись, Софья Петровна ошеломленно уставилась на сына. — Ты?! — она без сил откинулась на спинку кресла. — Да как же такое могло прийти тебе в голову?

— Ну так вот... пришло, — пробурчал Александр.

Катя с благодарностью посмотрела на брата. Однако, это так похоже на него: не

предупредить ни о чем заранее! Впрочем, скорее всего, он и не задумывался об этом до последней минуты.

— Вот значит как, — выдохнула мать. — У вас заговор против меня. Ох, и дурак же ты, Саша! Зачем ты сделал это? — закричала она.

По лицу Александра ясно было видно, что он сдерживается из последних сил, чтобы тоже не сорваться на крик. Но все же он ответил почти спокойно:

— Я сделал то, что считал нужным, мама. Кате уже шестнадцать лет. Ей давно пора выйти в свет и найти себе мужа.

— Я могла бы найти ей мужа и не привозя ее сюда! Что если она опять заболит? Об этом ты подумал?

Александр исподлобья посмотрел на мать.

— Подумал, да. И еще кое о чем подумал. Я не стану сейчас говорить об этом, вы и без того знаете мое мнение.

Катя устало прислонилась к краешку стола, наблюдая за отцом. Неужели он ничего не скажет в ее защиту? Юрий Александрович, снова устроившись в кресле, молча курил свою сигару и в разговор не вмешивался. Вертикальная морщинка, идущая от переносицы к высокому лбу, обозначилась резче, словно он напряженно думал о чем-то, и пальцы, подносящие сигару ко рту, казалось, двигались совершенно механически.

— Значит так, — Софья Петровна резко поднялась на ноги и повернулась к дочери. — Все еще можно поправить. Ты немедленно отправишься назад в Вольногорское. Акулина будет сопровождать тебя.

— Что? — Катя отпрянула. — Мама, прошу вас!

Вот и произошло то, чего она так боялась. Мама отказывается принять ее в доме, и один Бог знает почему. Неужели ей и вправду придется вернуться в деревню? Она с надеждой посмотрела на отца и брата, но те молчали. На Сашинем лице ясно читались злость и растерянность, а вот о чем думал отец, понять было невозможно.

— Ничего не хочу слушать, — отрезала мать. — Собирайся. Только прежде... — она на миг заколебалась, но все-таки закончила: — Прежде отдай мне перстень, который подарила тебе прабабушка.

Катя похолодела.

— Но зачем он вам, мама? — настороженно спросила она, пытаясь выиграть время. — Ведь прабабушка подарила его мне.

— Изволь не спорить со мной, — отозвалась княгиня. — Наталья Ильинична совершила ошибку, доверив его такой глупой и сумасбродной девчонке, как ты. У меня он будет в большей сохранности. И довольно препирательств! Ну же, перстень, сию секунду, я жду!

Катя тяжело перевела дыхание. Руки дрожали.

— У меня его нет, — угрюмо выдавила она. — Я его потеряла.

— Как?.. — раскрыв рот, Софья Петровна потрясенно смотрела на дочь.

— Да, потеряла, — обреченно подтвердила Катя. — Еще летом, когда... когда купалась в озере.

Произнеся эти слова, она бросила украдкой взгляд на брата, и Александр чуть заметно кивнул головой, словно одобряя сказанное. Правды и в самом деле говорить было нельзя, Катя это понимала. Что изменится, признайся она, что перстнем завладела Габриэла Канижай? Если откроется ее знакомство с дамой подобного сорта, станет только хуже.

То, что произошло в следующую минуту, было больше похоже на кошмарный сон.

Взвывая, словно волчица, потерявшая детенышей, трясущаяся от ярости княгиня схватила дочь за волосы и свободной рукой стала наотмашь хлестать ее по щекам.

— Дрянь, дрянь, дрянь! — рычала она, цепко удерживая девушку и со всей силы лупила по лицу, уже не разбирая, куда попадает.

Катя в ужасе съежилась, зажмурив глаза, закрылась руками, но не посмела противиться, молча терпя безжалостные затрецины, которые без перерыва сыпались на нее. Отец и брат, в первую секунду ошарашенно застывшие, бросились к ним, но не так-то легко было остановить разъяренную княгиню.

— Софи, прекрати! — князю наконец удалось оторвать жену от дочери. Схватив за плечи возмутительницу спокойствия, которая продолжала отчаянно вырываться, он оттащил ее на безопасное расстояние и толкнул в кресло, принуждая сесть.

Софья Петровна, тяжело дыша, плюхнулась на сиденье, и муж предусмотрительно навис над ней, продолжая удерживать за плечи.

Дрожащая Катя, лицо которой горело огнем, беспомощно подняла полные слез глаза на Александра, и тот сгреб ее в объятия, крепко прижав к себе. Неразборчиво пробормотал что-то успокаивающее, глядя растрепанные волосы сестры, из которых посыпались шпильки, звонко ударяясь о паркет.

Катя стояла, задыхаясь от невыплаканных слез, судорожно вцепившись в Александра, и чувствуя лишь тупой животный страх в оцепеневшем теле. Голова была пуста.

На несколько долгих минут в кабинете повисло напряженное молчание. Отступив от затихшей супруги, Юрий Александрович окинул детей сокрушенным взглядом и усталым жестом скрестил руки на груди. Тишину нарушил его голос, звучавший на редкость твердо и непреклонно:

— А теперь послушайте меня, Софи. Я больше никогда не допущу ничего подобного. В прошлом я почти не принимал участия в судьбе своей дочери, позволив себе пойти на поводу у вас, но теперь все будет иначе. Я принял решение. Наша дочь останется здесь, с нами, навсегда. И я не собираюсь спорить по этому поводу.

— Здесь? — прохрипела мать, и ее лицо собралось в жалобную гримасу, словно она собралась плакать. — И вам безразлично, что...

— Мне безразлично все, кроме счастья моих детей, — оборвал ее Юрий Александрович. — Катя останется здесь. И вы больше никогда не поднимете на нее руку. Саша, — после паузы окликнул он сына, — уведи сестру и... позаботься о ней.

— Хорошо, отец, — отозвался Александр, не глядя на родителей.

Прежде чем уйти, он критически осмотрел растрепанную Катю и принялся вынимать оставшиеся шпильки из ее развалившейся прически, кидая их в ближайшее кресло. Тщательно пригладив волосы сестры, неумело заплел некое подобие косы и, удовлетворившись результатом, кивнул:

— Идем, Катюшка.

Взяв сестру за руку, он молча вывел ее из кабинета. Катя шла, как сомнамбула, едва переставляя ноги.

Когда взойдя на антресоли, они вошли в ее комнату, девушка без сил опустилась на кровать. Александр сел рядом и обняв сестру, привлек ее голову к себе на плечо. Они долго сидели так, не произнося ни слова. За окном шумел дождь, и на душе у обоих было так же промозгло и скверно.

— Саша, — наконец тихо выговорила Катя, — в чем я провинилась перед маман?

Александр тяжело вздохнул.

— Ни в чем.

— Тогда почему...

Александр поднялся.

— Ты прости, Катюшка, я не могу тебе этого рассказать. Мы... все очень виноваты перед тобой, — не без труда выговорил он. — Но я обещаю тебе, что сделаю все, что от меня зависит, чтобы ты была счастлива.

Катя медленно подняла голову и взглянула на него. В чем мог быть виноват Саша? Только в том, что он беспечный мальчишка, у которого ветер в голове? Она тихо отозвалась:

— А что от тебя зависит, Саша?

Александр угрюмо взглянул на нее.

— Об этом мы еще успеем поговорить. Всему свое время. Ты, главное, помни, что все, что было в твоей жизни до этой минуты — осталось в далеком прошлом и никогда не вернется. А теперь у тебя начнется совсем другая жизнь...

— А перстень? — Катя вздрогнула, когда перед ее глазами вновь встало искаженное яростью лицо матери. — Зачем он был нужен ей?

Брат покачал головой:

— Я не знаю, Катюшка. Клянусь тебе, не знаю...

* * *

Прошло несколько дней. Как ни странно, маменькина злоба иссякла. Княгиня больше не задевала дочь, но что было тому причиной, — запрет отца или же ее собственное смирение перед тем, чего нельзя было изменить, — оставалось тайной. Она ходила по дому потерянная, жалкая, с заплаканными глазами и даже приказания слугам отдавала тоном умирающей на кресте мученицы. Точь-в-точь человек, который был уже на волоске от цели, но в последний момент вдруг вместо желаемого получил от судьбы издевательский кукиш, подумалось Кате, осторожно наблюдающей за матерью.

Наружно они вели себя так, словно ничего не произошло; иногда даже обменивались парой-тройкой ничего не значащих слов, но отвечая ей, девушка ясно видела: мама ее не слышит. Софья Петровна была совершенно погружена в себя и, казалось, никто из окружающих не вызывает у нее интереса.

Но свойственное Кате живейшее любопытство на сей раз дало осечку: ни малейшего желания проникнуть в этот секрет и искать подоплеку всех происшедших событий, она не испытывала. Хотелось сохранить к матери хоть немного тепла, а способ для этого был только один — не думать.

А дни, насыщенные приятной жизненной круговертью, предоставляли ей для того немало возможностей. Прежде всего, по настоянию отца в Катино распоряжение отдали гостевые покои на втором этаже, и девушка радовалась, что не придется больше ютиться к маленькой комнатке на антресолях. Новая спальня была изящно обставлена и очень уютна, а примыкавшая к ней обширная гардеробная, как надеялась Катя, ей очень скоро пригодится.

Кроме того, княжна наслаждалась обществом отца, который проводил с ней едва ли не все свое свободное время, стремясь компенсировать дочери нанесенную матерью обиду и, несомненно, желая восполнить упущенное прежде время.

Предысторию Катиного появления в доме, включая все ее дорожные приключения, Юрий Александрович узнал в сжатом пересказе сына, о чем Кате было известно. Он не торопился заговаривать с дочерью на эту тему, щадя ее нервы, но Катя надеялась, что всегда сможет рассчитывать на его снисхождение и понимание. Она чувствовала любовь отца так же ясно, как даже незрячий может чувствовать тепло солнечного луча. Что с того, что в прошлом отец, как и Саша, часто был невнимателен к ней. Прошлое осталось в прошлом, и к нему, слава Богу, нет возврата. А в будущем же, как старалась надеяться Катя, ее ждет только хорошее...

Поводов для радости у нее и вправду было теперь немало: впереди был сезон, обещавший множество увлекательных празднеств. Благодаря немалой щедрости отца, готового исполнить любой ее каприз, княжна Шехонская стала одной из самых желанных и почитаемых клиенток модных магазинов на Кузнецком мосту. Для нее были заказаны восхитительные платья, куплены чудные украшения, и Катя уже предвкушала, какой фурор произведет в свете ее яркая внешность в этом роскошном обрамлении. Но удовлетворить Катины аппетиты было не так-то просто, и она продолжала бессовестно пользоваться добротой отца, который беспрекословно исполнял все ее весьма недешевые прихоти. Казалось, князь Шехонской получал от этого только удовольствие, а комплименты красоте и изяществу его дочери, которыми без устали сыпали французские модистки, явно льстили его самолюбию.

— Ну что, Катенька, — спросил он в один из таких дней, когда они вышли из галантерейной лавки, где Катя разгулялась в полную силу, выбирая всевозможные безделушки, — есть еще что-нибудь, что я не купил для тебя?

Катя помолчала, машинально глядя на Неглинную, которая быстрым потоком текла под широким мостом, застроенным магазинами. Нарядные экипажи, запряженные холеными рысаками, с гайдуками в ярких ливреях, стоявшими на запятках, катили по мостовой. Дамы, — чудо грации и изящества, прогуливаясь в сопровождении своих кавалеров, разглядывали витрины, где было выставлено все, что так дорого женскому сердцу.

Стоял один из тех теплых осенних дней, когда небо кажется прозрачным, как хрусталь, и червонное золото падающей листвы несказанно радует глаз. Приземистая башня Пушечного двора отражается неровными изломами в беспокойной речной воде. Кажущаяся отсюда крохотной утлая лодчонка с рыбаками, переваливаясь, плывет к арочным пролетам моста и скрывается под ними. На пологом склоне берега, где простирается без края роскошная усадьба графа Воронцова, маленькие фигурки прачек в подвернутых до колен платьях полощут белье. И тихий благовест с колокольни Чудова монастыря разносится над водой...

Кругом царило такое умиротворение, что Катя невольно ощутила вину за свою упорную суетность. Но, тем не менее, услышав вопрос отца, все-таки отозвалась, хоть и не без некоторого смущения:

— Есть.

Юрий Александрович драматически возвел глаза к небу, но тут же рассмеялся:

— Ну хорошо, выкладывай! Посмотрим, на сколько потянет этот каприз. Но сразу говорю: луну с неба даже не проси.

— Да на что она мне может понадобиться? — хихикнула Катя. — Нет, то, о чем я мечтаю, вполне материально.

— Так чего же ты хочешь?

Катя вздохнула, словно набираясь решимости, и объявила:

— Я хочу арапчонка.

Некоторое время Юрий Александрович смотрел на нее, переваривая услышанное.

— Бог мой... — проговорил он, явно немного растерянный. — Признаюсь, этого я не ожидал. Арапчонка... — он задумчиво почесал переносицу. — Арапы достаточно редки и стоят очень дорого.

— Значит, нет? — упавшим голосом сказала Катя.

Отец покачал головой:

— Я этого не сказал. Но я правильно понял тебя? Тебе нужен мальчик, который служил бы тебе в качестве пажа?

— Да, именно так, — обрадованно закивала Катя и, затаив дыхание, уставилась на отца.

— Хорошо, — не слишком уверенно сказал князь. — Я подумаю, что можно сделать. Видишь ли, в большинстве случаев наши вельможи сами привозят чернокожих слуг по своему вкусу из-за границы. Помнится, еще до войны с турками один из моих друзей вывез прелестную черную невольницу из Константинополя[1], а другой, когда наши войска взяли Бендеры[2], привез как трофей после этой кампании, огромного, черного, как уголь, арапа.

— А разве купцы не привозят сюда на продажу черных невольников? — с надеждой спросила Катя.

— Бывает и такое, но все же здесь в Москве это достаточно редкий товар. А вот в Петербурге купить чернокожего невольника не так уж трудно. Капитаны торговых судов вместе с всевозможными заморскими редкостями привозят на продажу и «черное дерево», так что там вполне можно выбрать себе арапа, какого пожелаешь. Покойного Маруфа, который, если помнишь, когда-то служил в нашем доме, я именно там и купил.

— Ах, как жаль, что мы не в Петербурге! — вздохнула расстроенная Катя.

— Не переживай раньше времени. Я съезжу в Гостиный двор, у меня есть знакомый армянский купец, может быть, он сможет раздобыть для тебя подходящего мальчика.

— Отец, спасибо! — Катя с чувством сжала его руку, ее глаза сияли, как звезды.

Рядом остановился сверкающий лаком экипаж, и они отступили на шаг, чтобы не мешать выходящей из него даме. Та шагнула было к дверям магазина, которые уже распахнул для нее лакей, и тут же остановилась, бросив взгляд на князя Шехонского:

— Юрий Александрович! — воскликнула она, приближаясь. — Очень рада вас видеть!

— Я тоже очень рад видеть вас, Дарья Аполлинарьевна, — улыбнувшись, отозвался отец.

Катя с любопытством уставилась на незнакомку, которая смотрела на нее с не меньшим интересом. Ей было лет тридцать, и она выглядела на редкость элегантно; красивая, статная блондинка с чудным цветом лица, в ротонде из лилового кашемира, которая удивительно подходила к цвету ее фиалковых глаз.

— Я не буду слишком нескромной, если спрошу: кто эта очаровательная барышня? — осведомилась незнакомка, с улыбкой разглядывая Катю.

— Мне незачем скрывать, Дарья Аполлинарьевна, — не без отцовской гордости ответил князь. — Это моя дочь, княжна Екатерина.

— *Ne peut pas être! (Не может быть! (франц.))* — изумленно ахнула дама. — Та маленькая чахоточная девочка, о которой говорили, что она вот-вот умрет?.. — спохватившись, она закрыла себе рот маленькой рукой, затянутой в лиловую перчатку и даже покраснела от неловкости. — О, Бога ради, простите меня, княжна! Юрий

Александрович, представьте же меня вашей дочери!

Отец, недовольно нахмурившийся после простодушного восклицания собеседницы, бросил осторожный взгляд на ошеломленную Катю.

— Да, конечно... Катенька, познакомься: княгиня Дарья Аполлинарьевна Гагарина, мы с нею давние добрые друзья.

— Рада знакомству, княгиня, — Катя машинально поклонилась.

— Как видите, княгиня, моя дочь вполне здорова, — прибавил отец, — так что, все эти сведения безнадежно устарели.

— Я это вижу и очень-очень рада! — улыбка на лице Гагариной была настолько приятной и искренней, что Катя мало-помалу начала оттаивать. — Княжна, простите мне мою бестактность! Я несу все, что в голову придет, в этом моя беда! Я бы очень хотела, чтобы мы с вами стали друзьями. Ведь вы простите меня? Ну скажите же, простите?

При виде виноватой гримаски на ее хорошеньком личике, Катя не сдержала невольной улыбки.

— Мне нечего прощать вам, княгиня. Но если вам угодно, — все уже забыто.

— Вот и славно! — обрадовалась Гагарина. — Юрий Александрович, если помните, мы присылали вам приглашение на бал, который даем через две недели. Так вот, я была бы очень-очень рада, если бы княжна тоже приехала!

Катя засияла. Дебютировать на балу в доме, где такая милая хозяйка, — что может быть приятнее? Дождавшись, когда отец выразит свое согласие, она присоединилась к его благодарностям и они наконец расстались. Гагарина вошла в магазин, а отец и дочь Шехонские забрались в салон своей кареты.

— Ну и что ты скажешь, Катенька? — осведомился отец, когда лошади понесли экипаж с Кузнецкого моста. — Как тебе понравилась княгиня Комета?

— Княгиня Комета? — Катя в недоумении приподняла бровь.

— Так ее называют в свете за привычку ляпать, что ни попадя, самым простосердечным образом, ошарашивая собеседников. Как то самое небесное тело, что неожиданно валится на Землю из-за облаков, вызывая всевозможные разрушения и всеобщий переполох.

— Пожалуй, похоже, — усмехнулась Катя. — Что вам сказать... Вполне приятная дама, если, конечно, не считать того, что по ее словам я должна скоро умереть.

Отец помрачнел.

— Не принимай близко к сердцу то, что она сказала. Она безобидная болтушка, только и всего и, конечно же, не желает тебе зла.

— Да при чем здесь она, отец, — тихо сказала Катя. — Мне просто хотелось бы понять: откуда пошли настолько нелепые слухи?

Отец пожал плечами.

— В свете всегда болтают лишнее, разве это новость, даже для тебя?

— Не новость. Но почему никто из вас не опроверг эти слухи?

Катя ясно видела, что разговор этот отцу очень неприятен. Но после некоторого молчания он все же ответил:

— Среди наших знакомых твое имя уже давно под запретом. Вспомни, ты ведь и вправду была очень больна, и мать считала, что все разговоры о твоём нездоровье или, напротив, выздоровлении, могут только накликать беду. Прости ей это суеверие, оно вполне понятно. Даже когда ты пошла на поправку, ее страх за тебя никуда не исчез. Поскольку она не поощряла расспросы о тебе, знакомые перестали спрашивать. Большинство о тебе просто

забыли, те же, кто помнил, — а это самые близкие наши друзья, — решили, видимо, что дело совсем плохо. И предположения, конечно, могли у них родиться самые печальные.

Катя скептически приподняла брови.

— И только? Значит, именно по этой причине татап запретила Саше рассказывать обо мне своим друзьям?

Юрий Александрович снова пожал плечами:

— Что касается Сашиних друзей, я в эти подробности не вникал, но другой причины я здесь не вижу. Меньше расспросов, меньше огорчения для матери.

Катя откинулась на спинку сиденья и погрузилась в размышления. Да-а, приятно узнать, что большая часть знакомых благополучно о тебе забыла за давностью лет, а близкие друзья семьи считали, что ты уже не жилец на этом свете. Если, конечно, отец не выгораживает мать... Катя украдкой бросила подозрительный взгляд на князя Шехонского.

Что же касается Саши... Полтора года назад ее брат закончил обучение в Петербургском кадетском корпусе и, в ожидании вакансии в столице, вернулся в Москву, будучи временно определенным в московскую команду Семеновского полка. Тогда же он и свел знакомство со своими друзьями. Кто знает, может быть, кто-нибудь из них и слышал прежде о «безнадежно больной» княжне Шехонской, но не придавал этому значения или просто забыл. Впрочем, едва ли в свете часто говорили о ней, — кого мог удивить тот факт, что дитя воспитывается отдельно от семьи? Это было вполне в порядке вещей, как и детские хвори...

Так что, совсем не факт неосведомленности Сашиних друзей тревожил Катю. Неожиданная мысль зазубренной иглой вонзилась в мозг. Не в том ли истинная причина запрета, что брат по своей простоте мог сболтнуть что-нибудь лишнее, например, что она вовсе не больна?

Катя похолодела. Этого не может быть. Просто не может. Отец сказал правду, он не мог солгать ей. Какая выгода была матери в том, чтобы все окружающие считали ее дочь безнадежно больной? Это просто нелепость!

И чтобы сохранить хоть немного душевного спокойствия, ей лучше отбросить все эти подозрения. Забот хватает и без того, чтобы еще копаться в мозгах татап, где, несомненно, сам черт ногу сломит. И одна из этих забот — мертвая невеста, чей призрак вновь вызван к жизни благодаря вмешательству отца Серафима.

[1] В России в те времена предпочитали называть Стамбул его прежним именем, — Константинополь или даже Царьград.

[2] Крепость Османской империи на Днестре, взятая русскими войсками в 1770 году, в ходе русско-турецкой войны 1768–1774 гг.

* * *

Тем же вечером, когда отец отбыл в Английский Клуб, татап предавалась меланхолии в своем будуаре, а Саша отдавал всего себя службе, Катя решила присоединиться к Акулине, занятой вышиванием в своей комнате. Некоторое время она наблюдала за тетушкой, прилежно склонявшейся над пальцами, и наконец заговорила.

— Акулинушка, — начала Катя, — скажи, ты ведь, наверное, многих знаешь в Москве?

— Да уж немало. А что за нужда у тебя, Катенька?

— Да как сказать... — Катя пожалала плечами. — Об одном человеке нужно сведения собрать.

— Ой, — опустив пяльцы, Акулина лукаво посмотрела на девушку, — неужто какой-то кавалер так скоро в глазок тебе впал?

Интерес Акулины был вполне объясним: имя Михаила в их беседах пока еще не всплывало, хотя Катя и планировала со временем посвятить тетку в свою сердечную тайну. Но, разумеется, не сейчас, когда на ней висит, словно долговая расписка, эта епитимья... Едва не покраснев, Катя поспешно покачала головой:

— Да нет, что ты, совсем не в этом дело! Мне о девице одной разузнать нужно.

— О девице? — не без разочарования отозвалась Акулина. — А что за девица? Ну, спрашивай, раз надобно. Чем сумею — помогу.

Катя уселась напротив тетушки, откидывая со лба непослушную прядь волос, собралась с мыслями.

— Скажи, есть ли среди твоих знакомых молодая барышня по имени Анна, с которой в последнее время произошло что-нибудь странное?

— Хм. Анна, говоришь? — Акулина наморщила лоб, припоминая. — Да у нас, кажись, все Анны в возрасте твоей татап, никак не моложе. Барышень и нету вроде с таким именем. Если только перестарок, но ведь ты говоришь — молодая? В каких годах-то, Катенька?

— Лет четырнадцати-пятнадцати, я думаю, — отозвалась Катя и спохватилась: — Так ведь я могу тебе ее наружность обрисовать!

— Ну-ка, ну-ка, — поощрила Акулина, еще не зная сути дела, но уже заинтригованная.

— Среднего роста, тоненькая такая, — начала Катя, — личико белое, красивое, глаза голубые и волосы светлые, как лен...

— Анна, светловолосая, — задумчиво повторила Акулина.

Катя ждала, затаив дыхание, но после минуты напряженных размышлений, Акулина сокрушенно покачала головой:

— Нет, Катенька, что-то не припомню такой девицы... Хотя, — внезапно встрепенулась она, — постой: барона Строганова внучка — как раз Анна. Только она постарше будет, ей, пожалуй что, осьмнадцатый пошел. Правда, смотрится она совсем отроковицей, никак ей не дашь ее летов.

— А как выглядит она? — жадно спросила Катя.

Акулина закатила глаза, вспоминая:

— А так и выглядит, душа моя, как ты обрисовала. Беленькая, как херувим Господень, очи лазоревые... Врать не стану, хороша барышня. Я почему ее не тотчас вспомнила? Маменька-то, да папенька твои с той новой знатью не якшаются, вот и Анну я не коротко знаю.

— Ну разумеется, — хмыкнула Катя, — я скорее удивилась бы, если б татап сочла ровней для себя это семейство, которое только при Петре Алексеевиче[1] в дворянское достоинство и возвели.

— Так понятное дело, Катенька, у нас тут не Петербург, а Москва все-таки! — придиричливо разглядывая вышитый лепесток, проронила тетка.

— И кичиться принято не умом и заслугами перед отечеством, а происхождением от Рюрика, — не без иронии заметила девушка. — Впрочем, Бог с ними. А где она сейчас, эта Анна?

— Ну, где! Дома, должно быть.

— Акулинушка, а ты не можешь узнать это поточнее как-нибудь? Очень нужно! — Катя молитвенно сложила руки перед грудью.

Акулина оторвалась от вышивки и внимательно оглядела племянницу:

— Да что стряслось-то, Катенька? Ты меня удивляешь, ей-Богу. То какого-то цыгана ищешь, то теперь — вынь да положь тебе эту Анну. Что за тайны?

— Да никаких тайн нет! — Катя с трудом сдержала раздражение. — Я встретила ее в дороге. Она попала в затруднительное положение. В общем... ну как тебе сказать... С женихом она бежала из дома, а тот обманщиком оказался. Я рассказала об этом отцу Серафиму на исповеди, и он посчитал, что я должна найти родителей этой барышни.

— Свят, свят, свят! — Акулина в ужасе перекрестилась. — Да неужели та самая Анна? Вот беда! — она призадумалась. — Помочь надо, конечно, тут я с батюшкой нашим согласна. Только чем тут поможешь, Катенька? Хоть венчанная, хоть нет — все одно, — без родительского благословения сбежала. Считай, погублена девица. А с кем сбежала-то она? Я про то и не слыхала.

— Это... не имеет значения, не помню я его имени, — отмахнулась Катя, инстинктивно не желая называть фамилии Стрешнева. — Я должна найти ее родных и рассказать им обо всем. Вот только, ты говоришь, что не слыхала ни о каком бегстве? Это странно. Быть может, это совсем не та Анна? Давно ли ты видела ее?

— Ой, давно! — подумав, сообщила Акулина. — Дай Бог не соврать, — еще на Троицу в церкви встретила. А с тех пор и не видала.

— Ну если так, тогда есть смысл уточнить, где сейчас эта барышня. Сможешь, Акулина? Тетка вздохнула.

— Попробую.

Вошел лакей с сообщением, что барин вернулся и просит барышню спуститься в вестибюль. Катя вскочила, машинально расправляя юбки, и торопливо направилась к дверям.

— Только не тяни с этим, Акулинушка, хорошо? — бросила она на ходу. — Узнай как можно скорее!

И не слушая того, что беззлобно проворчала в ответ тетушка, вновь погружившаяся в вышивание, Катя поспешила спуститься вниз. Сходя по ступеням парадной лестницы, она заметила отца, который просматривал стопку писем, поданных ему на подносе лакеем, а рядом... Катя издала ликующий вопль, отозвавшийся звонким эхом под сводами вестибюля, и в несколько мгновений одолела оставшиеся ступени.

Рядом с князем Шехонским, боязливо прижимаясь к его боку и озираясь по сторонам, стоял темнокожий мальчик лет восьми-девяти, в синем бархатном камзолычке и малиновых шальварах, с белоснежным тюрбаном на голове, украшенным серебристым пером цапли.

При виде громогласной незнакомки, малыш поспешил спрятаться за спину князя, но, не сдержав любопытства, все же высунул голову, настороженно разглядывая приближавшуюся Катю.

— Ne crains pas, Chanku, *(Не бойся, Шанку (франц.))* — усмехнулся отец, ободряюще похлопав его по плечу. — Это твоя новая госпожа, княжна Катрин. Она не кусается.

Катя засмеялась, наклонившись к негритенку, мягко потянула его к себе, и тот, обреченно вздохнув, покинул свое убежище за спиной князя. Поднял на девушку жгучие глазищи, синеватые белки которых так и сверкали на черном личике, не без достоинства

поклонился и произнес нежным голоском:

— Bonsoir, Mademoiselle.

Умиленная Катя опустила на корточки и порывисто прижала ребенка к себе.

— Он просто чудо! — с восхищением глядя на свою так скоро воплотившуюся мечту, воскликнула она. — Такой славный!.. Как тебя зовут, малыш?

Похоже, мальчик понял вопрос, но князь ответил раньше, опередив его:

— Его зовут Шанку. Он немного знает по-русски, но в основном тебе придется общаться с ним по-французски, если, конечно, ты не решишь с его помощью изучать абиссинский. Впрочем, он еще неплохо болтает по-турецки.

— Он абиссинец? — Катя поднялась на ноги, наконец оставив смущенного арапчонка в покое, но по-прежнему не сводила с него восторженного взгляда.

— Именно. И притом, — добропорядочный православный христианин, — усмехнулся отец.

— Да где же вы взяли его так скоро? Я и не надеялась почти...

— Просто повезло. Выиграл в карты у графа Головкина. И, кстати сказать, граф был счастлив оплатить свой долг предложенным мною способом.

— Отец! — Катя с нежностью обняла его, расцеловала в обе щеки. — Как мне благодарить вас?

— Не беспокойся на этот счет, Катенька, — отозвался отец, возвращая ей поцелуй. — Мне было очень приятно доставить тебе эту радость. Я очень надеюсь, что вы с Шанку подружитесь.

— Я не сомневаюсь в этом! — повернувшись к Шанку, Катя с улыбкой протянула ему руку, и тот застенчиво вложил в ее ладонь свои черные пальчики...

[1] Царь Петр I (1682–1725).

Глава 11. Камень преткновения

Появление в доме арапчонка вызвало немалый интерес челяди. Катя помнила, что когда-то давно в доме был чернокожий дворецкий, впоследствии умерший от горячки, но уже много лет единственными чужеземными слугами Шехонских была горничная Софья Петровна, турчанка Алтынбасак и двое гайдуков-албанцев.

Кстати сказать, увидев Шанку, который немало оробел при появлении хозяйки дома, Софья Петровна не выразила ни малейшего недовольства, которого так ждала и боялась Катя. Но, видимо, татап уже знала, что арапчонок достался князю практически даром. Не без интереса оглядев ребенка, она спросила у Кати, где намеревается дочь устроить своего нового пажа.

— В своей гардеробной, татап, — почтительно ответила Катя. — Надеюсь, вы не возражаете?

Софья Петровна покачала головой и, подумав, прибавила:

— Тебе следует проследить за тем, чтобы он держался подальше от людской и не общался с дворовыми. Бог знает, чему они его научат.

Совет был вполне разумный: в домах знати и вправду было принято держать чужеземных слуг обособленно от прочей челяди, и отношение к ним было гораздо более милостивым. Хотя об этом и не принято было говорить вслух, но все эти уроженцы заморских стран, привезенные, как трофеи, из военных походов или купленные здесь же за большие деньги, считались свободными людьми в отличие от крепостных и даже получали жалованье за свою службу. Дворня, как правило, недолюбливала «басурман», завидуя их лучшей, как они считали, судьбе. А маленького мальчика, такого, как Шанку, несомненно, могли и обидеть. Так что, слова матери Катя с благодарностью приняла к сведению.

Остаток вечера она провела, устраивая Шанку в своих покоях. В ее гардеробной для мальчика поставили удобную кровать, там же разместились его скромные пожитки, привезенные из дома Головкиных.

Катя пыталась разговорить Шанку, расспрашивая его о прежней жизни, но то ли малыш был слишком застенчив, то ли действительно почти ничего не помнил о том, что было до его появления в семье графа Головкина. Он упомянул только о «большом корабле», на котором, как поняла Катя, попал в Россию и о камеристке супруги своего прежнего хозяина, по его словам, «очень доброй», по которой он, видимо, немало скучал. Катя почувствовала себя виноватой. Но дело было сделано, и она надеялась, что со временем Шанку привыкнет и к ней, перестанет дичиться и станет более открытым.

Впрочем, внимание новой хозяйки к своей персоне мальчик переносил вполне терпеливо, лишь немного смущаясь, когда Катя разглядывала его, любуясь оливковой кожей, гладила жесткие, шероховатые кудри и с удивлением изучала светлые ладошки с темными прожилками линий. Он был так очарователен, что ей поминутно хотелось тискать его, играясь, как с младшим братишкой, которого у нее никогда не было. Хотелось выпытать все его секреты, все радости и печали, сделать счастливым, заставив поверить в то, что он для нее отныне — важная часть жизни, а вовсе не экзотическая модная игрушка. Конечно, в первоначальном желании иметь при себе арапчонка, присутствовала и эта, не слишком красившая ее мысль, но воочию увидев Шанку, Катя об этом больше не думала. Он станет для нее младшим братом, которого ей всегда не хватало. А все остальные пусть думают как

им угодно. Только доверие самого Шанку имело значение для нее...

Он немного грустил, когда пришло время укладываться спать. Первая ночь в чужом доме, — Катя прекрасно его понимала. Она долго сидела у его кровати, прислушиваясь к тихим, но очень горестным вздохам, но наконец малыш все-таки заснул.

Оставив свечу зажженной возле его кровати, Катя хотела было вернуться к себе в спальню, но в этот миг на пороге гардеробной появился Александр.

— Как дела, рабовладелица? — улыбаясь, негромко произнес он.

Похоже, брат уже знал о ее новом приобретении. Катя цыкнула на него, приложив палец к губам. Дождавшись, пока он удовлетворит свое любопытство, разглядывая спящего негритенка, девушка вытолкала Александра из гардеробной и вышла сама, аккуратно прикрыв дверь.

— Что праздновал? — не без иронии осведомилась она, поняв, что брат слегка навеселе.

Александр плюхнулся в кресло, вытянув длинные ноги в черных ботфортах.

— Арапа обмывали, — сообщил он. — Чем не повод?

— Ну-ну, — хмыкнула Катя, расположившись в соседнем кресле. — Ты у нас, оказывается, провидец.

— Да нет, все намного проще. Борис Головкин, сын графа, со мной служит, он и рассказал, что его татап два часа в истерике каталась, когда узнала, что муженек ее любимца в карты продул.

— Что же он так о матери? — сдерживая улыбку, осудила Катя.

— Ну, может, и не так откровенно, но смысл был такой.

Помрачнев, Катя нервно переплела пальцы.

— Думаешь, Шанку было лучше с ней?

Брат пожал плечами.

— Не расстраивайся. Поплачет и забудет, купит себе другую куклу, еще чернее и страшнее. Я думаю, с тобой ему лучше будет.

— Очень на это надеюсь, — вздохнула Катя.

— А как в остальном? — осведомился брат после паузы. — Жизнь бьет ключом?

— Да уж... — отозвалась девушка и, немного поколебавшись, спросила: — Саш, а почему твои друзья не приходят больше?

Прищурившись, Александр не без интереса взглянул на сестру:

— Мишка, что ли? Наверное, испытывает тебя. Сказать ему, чтоб пришел?

— Вот еще! Не хочет, не надо.

— Да хочет, хочет, — отозвался Александр, с улыбкой глядя на надувшуюся сестру. — Но ты его тоже пойми. Уж слишком ты у нас девушка коварная. Слушай, я до сих пор не могу понять: ты чего с моими друзьями сделала? Они что, все в тебя влюбились, что ли? Только о тебе и говорят, надоели уже.

— Вот у них и спроси, — усмехнулась Катя. — Кстати, а Бахмет будет на балу у Гагариных?

— Не знаю... Мы с ним об этом не говорили. Бахмет вообще не особый любитель балов.

— Почему? — расстроилась Катя.

— Его барышни раздражают. Он говорит, что они дуры все.

— И я тоже? — любопытствовала Катя.

— Ну, про тебя он пока ничего такого не говорил, — зевнул Александр. — Да ладно,

Катюш, чего ты переживаешь? Не встретитесь у Гагариных, так на другом балу увидите, когда-нибудь же Мишка созреет с тобой станцевать. Сейчас балы один за другим пойдут, где-нибудь да встретитесь.

— Да как ты не понимаешь? Это же мой дебют! Ой... — Катя схватилась за голову. — Я совсем забыла сказать отцу, — мне же нужен учитель танцев! И как можно скорее! Я должна выучить менуэт, чтобы никто не смог сказать, что я неумелая провинциальная дурочка! Господи! — она ошарашенно помотала головой. — Бал уже через две недели!

— Для тебя времени вполне достаточно, — заверил брат, поднимаясь. — Ты же у нас все на лету схватываешь. Да и вообще, если хочешь знать, когда танцуешь с красивой барышней, насколько хорошо она выучила танцевальные фигуры.

— А я красивая? — оживилась Катя.

— Наверное, красивая, раз мои друзья так по тебе сохнут, — усмехнулся Александр.

...Отправившись в постель, после того, как вновь навестила безмятежно спящего Шанку, Катя долго лежала без сна, обдумывая то, что услышала от брата. Несмотря на то, что все эти дни были насыщены событиями, она втайне очень грустила, не видя Михаила, да и разве могло быть иначе. Она очень надеялась, что если не раньше, то хотя бы на балу у Гагариных они все-таки встретятся и тогда в их еще неопределенных отношениях произойдет желанный для нее сдвиг.

Но разделяет ли он ее так внезапно вспыхнувшие чувства, думает ли о ней, хочет ли увидеться? Кате хотелось верить, что и она более чем небезразлична Бахмету, но кто знает, как все обстояло на самом деле?..

* * *

На следующий день, когда Катя и Шанку сидели вдвоем за клавесином, увлеченно барабанив по клавишам в четыре руки и смеясь, вошедший в гостиную лакей сообщил, что барышню желает видеть прапорщик Бахметьев.

— Проси, голубчик, — даже не в силах скрыть свою радость, поспешно сказала Катя и быстрыми движениями пригладила чуть растрепавшиеся черные локоны. Затем, как ни в чем ни бывало, вернулась к игре.

— Quest? (*Гость? (франц.)*) — спросил Шанку.

Мальш уже немного освоился в доме и был не таким зажатым, как накануне.

— Да, Шанку, гость, — машинально по-русски шепнула ему Катя, чувствуя, как дрожат лежавшие на клавишах руки. — И очень долгожданный.

— День добрый, Екатерина Юрьевна, — произнес молодой гвардеец, переступая порог и с улыбкой разглядывая мизансцену. — О, новый обитатель дома?..

Катя поднялась на ноги и улыбнулась, не сводя глаз с лица Михаила. За несколько дней, что прошли с последней встречи, она отчаянно соскучилась. И теперь была очень рада тому, что он сам решил навестить ее.

— Рада видеть вас, Михаил Алексеевич, — она позволила ему прикоснуться поцелуем к своей руке и, когда он выпрямился, окинув ее внимательным взглядом лучистых зеленых глаз, невольно порозовела. И желая скрыть смущение, поспешила ответить на заданный перед тем вопрос: — Да, вы правы, Шанку совсем недавно появился в нашем доме.

Видимо, поняв, что говорят о нем, мальчик соскользнул с высокого табурета у

клавесина и, став рядом с Катей, с любопытством уставился на гостя. Михаил с улыбкой оглядел арапчонка.

— А ведь я, кажется, его знаю... Он принадлежал графине Головкиной.

— Да, верно, — кивнула Катя. — Мой отец выиграл его в карты у графа. Мне очень хотелось иметь черного пажа.

— Вот оно что... Экий красавчик! — опустившись на корточки, Михаил слегка щелкнул мальчика по приплюснутому носику, что вызвало его смех, и спросил: — *Comment vas-tu, bébé? (Как поживаешь, малыш? (франц.))*

Разглядывая молодого офицера, Шанку с застенчивой улыбкой пожал плечами, а потом потянулся к рукояти его шпаги. Катя не без удивления наблюдала за ним. Похоже, обаяние Михаила действовало не только на женщин.

— *Belle, (Красивая (франц.))* — негромко сообщил Шанку, пытаясь вытянуть тяжелый клинок из ножен.

— *Belle,* — согласился Бахмет, бережно отодвигая руку мальчика. — *Mais très pointu. (Но очень острая. (франц.))*

Поднявшись на ноги, он потрепал Шанку по волосам. Довольно благосклонно перенеся эту ласку, тот вернулся к клавесину и принялся снова нажимать на клавиши, пытаясь составить из нежных стеклянных звуков некую ему одному ведомую мелодию.

— Очаровательный малыш. Станет настоящим красавцем, когда вырастет, и разобьет не одно женское сердце, — изрек Михаил, поворачиваясь к Кате. И спокойно прибавил: — Новая игрушка?

Катя ошеломленно взглянула в его невозмутимое лицо.

— Ну зачем вы так? — с упреком отозвалась она. — Мы с ним по-настоящему подружились. Он будет мне вместо младшего брата...

Бахмет усмехнулся:

— На роль вашего младшего брата куда более пристал бы цыганенок. Арап же — явный перебор.

Оскорбительная насмешка, которую он и не думал скрывать, уже начала действовать Кате на нервы.

— Я вольна выбирать себе таких братьев, каких считаю нужным. Тем более, что на цыганят, в отличие от арапов, мода еще не распространилась, — с лучезарной улыбкой пояснила она.

— Ах, значит, вы не отрицаете, что приобрели эту двуногую головешку, следуя веяниям моды?

— О нет, конечно же! Нисколько не отрицаю. — Катя едва сдержала желание треснуть Бахмета по голове. — Еще я собираюсь обзавестись парой-тройкой шутов. Вы не знаете, случайно, где можно подобрать уродцев посмешнее?

— Знаю, — не моргнув глазом, отозвался Михаил. — Вася Бухвостов подойдет?

Не сдержавшись, Катя прыснула, но, разумеется, обида, которую пробудили в душе его слова, не могла улетучиться так легко.

— Ну все, довольно, — отозвалась она, подавляя невольную улыбку и стараясь, чтобы голос звучал как можно более холодно. — Вы излили на меня столько желчи, что я, положительно, теряюсь в догадках, — что тому истинной причиной?

Бахмет бросил на нее мимолетный взгляд и, отведя глаза, с равнодушным видом пожал плечами.

— Мне просто стало любопытно, что было бы со мной, окажись я на месте Шанку.

— Вы? — на лице Кати отразилась тонкая усмешка. Смерив Бахмета медленным, оценивающим взглядом, она проронила: — Для пажа вы, пожалуй, уже слишком велики. Но в одном вы правы. Остаться для меня новой и любимой игрушкой слишком долго, вам бы точно не удалось. Думаю, ваша новизна поблекла бы для меня гораздо раньше, чем новизна Шанку.

На его лице не дрогнул ни один мускул, только убийственный взгляд, казалось, пронизывал ее сердце насквозь.

— Приятно знать, что я не ошибся в своих предположениях.

Несколько мгновений они молчали, похоже, оба удрученные тем, какой нежеланный поворот приняла беседа. Неожиданно Бахмет взял Катю за руку и потянул за собой в дальний угол гостиной, где Шанку не мог видеть их.

И там, положив дрогнувшие руки на плечи девушки, он нахмурившись взглянул в ее напряженно застывшее личико:

— Почему все так, Катиш, почему? Мы же не были врагами. Что изменилось?

— Вы меня спрашиваете? — Катя подняла глаза к его суровому лицу. — Вы приходите в мой дом, оскорбляете меня без всякой причины, а потом спрашиваете, что изменилось?

Молодой гвардеец тяжело вздохнул.

— Да, вы правы. Видит Бог, я не хотел обижать вас, но не смог остановиться. Потому что вижу, что вы идете все к той же цели и ваши планы ни на йоту не изменились. Я не хочу быть ни вашей игрушкой, как этот маленький арап, ни polygone, как мои друзья.

— Чего же вы хотите? — тихо спросила Катя, невольно замирая в его руках.

Он чуть ближе придвинулся к ней и, осторожно приподняв ее голову за подбородок, заставил взглянуть себе прямо в глаза.

— Я хочу, чтобы вы были честны со мной, — хриловатым шепотом произнес он. — Больше ничего!

Катя покачала головой:

— Это очень много.

— Больше, чем вы готовы мне дать? — с усмешкой уточнил он.

Она отдала бы ему все на свете, если б только он захотел. К чему все эти язвительные укусы, это недоверие? Неужели он не чувствовал, что она искренна с ним?

— Когда-то вы сказали, что сейчас мы будем друзьями, а потом — как Богу угодно. Почему же вы не хотите просто узнать меня получше и уже тогда делать выводы на мой счет?

— Да, вы правы, Катиш. И я очень хотел бы узнать вас получше. Только... вы не представляете, как меня бесит это ваше стремление очаровывать всех и каждого. Упорно стремясь сделать своим покорным рабом каждого встреченного мужчину, — даже этого маленького мальчика, — горько усмехнулся Бахмет.

— Я уже сказала вам, кто он для меня! Что же касается остальных... Увы, я не могу быть очаровательной только для одного, так же, как солнце не может дарить тепло лишь одному из земных жителей, — резко сказала Катя. — Так что, вам остается либо смириться с этим прискорбным фактом, либо давайте прекратим наше общение раз и навсегда!

Когда были произнесены эти безрассудные слова, сердце сжала жестокая боль. Бахмет был горд так же, как и она, если не более. Что если он сейчас развернется и уйдет, навсегда покинув ее?

Похоже, ему и вправду хотелось сделать это. Убрав руки с ее плеч, Михаил отступил на шаг и надолго замолчал. Катя сжала зубы, впиваясь ногтями в ладони, и изо всех сил пытаясь подавить желание броситься ему на шею, открестившись от всех сказанных слов, готовая даже унизиться до оправданий, лишь бы только он не ушел.

Но она знала, что никогда не простит себе этого и продолжала молчать, напряженно сжимая кулаки.

— Вы этого хотите? — после долгого молчания отрывисто бросил Михаил.

И выдержка изменила ей: взглянув на него глазами затравленной лани, Катя потупилась и поспешно замотала головой.

Лицо Михаила чуть смягчилось.

— И я этого тоже не хочу, Катиш, — тихо сказал он, беря ее за руку.

С минуту они молча стояли рядом. Тепло руки Михаила перетекало в ее ледяные пальцы, принося душе робкую надежду.

— Не могу скрывать, — не глядя на нее, продолжал молодой человек, — несмотря на все обидные слова, которые я сказал вам, вы мне очень нравитесь. Признаюсь, Катиш, нравитесь даже больше, чем хотелось бы мне самому.

Чувствуя, как пылают щеки, девушка стояла перед ним, с трепетом впитывая каждое слово, каждый вздох и звучание этого тихого голоса, от которого замирало сердце.

— Почему? — шепнула она. — Почему вы не хотите, чтобы я нравилась вам?

Михаил негромко вздохнул.

— Этому множество причин. Возможно, вы еще не задумывались над этим, но, увы, мы с вами совсем не пара. И я нисколько не удивлюсь, если в скором времени родители найдут для вас кавалера, куда более подходящего вам по своему положению, чем я.

Катя поспешно покачала головой:

— Я этого не хочу.

Михаил окинул ее внимательным взглядом и его губы дрогнули в улыбке.

— Я очень рад это слышать... И не менее рад был бы узнать, чего же именно вы хотите, дорогая.

— Все, чего я сейчас хочу, — отозвалась Катя, ответив на его взгляд, — чтобы мы с вами по-прежнему оставались друзьями и могли лучше узнать друг друга. И еще, чтобы вы не были так ревнивы и больше доверяли мне.

— Вы считаете, что я вас ревную? Ну что ж, может быть, вы и правы. А вот доверие... доверие надо заслужить, Катиш. А что-то подсказывает мне, что даже узнав вас очень близко, я останусь при своем мнении: вы пожираете сердца с такой неприхотливой жадностью, что этот процесс способна остановить только очень глубокая старость.

— Я такая, какая есть! — выкрикнула Катя, окончательно потеряв терпение. — Снова вернемся к тому, с чего начали? Или может быть, мне напомнить вам, что слава куда более прожорливого сердцееда принадлежит вам?

Ее голос звенел от обиды. Неужели и вправду согласие невозможно между ними?

— Вот так вот значит, да? — сказал Михаил. — Я что-то устал, Катиш, вы меня совершенно выпотрошили. Давайте сядем и тогда продолжим нашу баталию. Ей-Богу, нет в ногах правды.

Катя не стала возражать, когда Михаил, отступив от этикета, опустился на диван рядом с ней. Перестав мучить клавесин, подошел Шанку и вопросительно уставился на Катю. Но разглядев расстроенное выражение на лицах, предпочел ретироваться. Взял свою коробку с

солдатиками и, разложив миниатюрное войско на медвежьей шкуре, лежавшей у камина, погрузился в игру.

* * *

— Катиш... — заговорил Бахмет, опустив голову и разглядывая свои руки, сложенные на коленях, — если б вы могли сказать мне, что я значу для вас больше, чем другие... И если бы я сам мог поверить в это... Тогда многое изменилось бы. Я знаю, что способен любить одну единственную девушку, если найдется такая, что заполнит собою весь мой мир. Поверьте, это так.

— И что же, — украдкой разглядывая его тонкий профиль, осведомилась Катя, — вы уже встретили эту девушку?

— Не знаю. Сначала мне казалось, что да. А теперь...

Он замолчал.

— Может быть, вам только показалось, что вы ее встретили, а на самом деле вам нужна совсем другая? — холодно обронила Катя.

— Мне нужны вы.

Эти три коротких слова были сказаны так просто, обреченно и вместе с тем властно, что Катино сердце на мгновение пропустило один удар. И тут же бешено заколотилось, вызвав чувственную дрожь в теле. Она внезапно испугалась, как не испугалась бы, даже если бы Михаил вдруг обнял и поцеловал ее. У нее пересохло в горле, стало трудно дышать, но ничего не могло остановить слов, которые сами собой сорвались с ее губ:

— Тогда почему же вы не видите, что и вы нужны мне? И что все остальные... они ничто для меня?..

Он долго смотрел на нее, словно не в силах оторвать взгляда от черных, как мрачная и завораживающая бездна, глаз этой притягательной дочери Лилит, самой прекрасной из всех, кого он знал, самой гордой, строптивой и мучительно желанной. Странная судорога пробежала по его лицу и на губах проступила беззащитная улыбка.

— Это именно то, что я хотел услышать, Катиш. Именно это.

Катя робко протянула руку и с нежностью коснулась его густых белокурых волос.

— Миша, — едва слышно шепнула она, в то время как он, взяв эту руку, прижал ее к своим губам, — мне бы так хотелось, чтобы все наши распри остались в прошлом. Я не знаю, пара мы или нет, наверное, лишь один Бог может судить об этом... Но вы просто верьте мне, просто верьте.

— Это очень соблазнительно, — поверить вам, — пробормотал Михаил, целуя один за другим ее безвольные пальчики. — Как тут устоять?..

Снаружи послышались шаги, и двери гостиной скрипнули, отворяясь. Катя и Михаил поспешно отпрянули друг от друга, глядя на князя Шехонского, который остановился на пороге.

Юрий Александрович не без удивления оглядел смущенную парочку. Но в следующий миг доброжелательно кивнул молодому гвардейцу, который поднялся ему навстречу:

— Рад видеть вас, Михаил.

— Здравствуйте, Юрий Александрович, — Бахмет уже пришел в себя и держался вполне спокойно. — С возвращением.

— Благодарю. — отец многозначительно покосился на краснеющую дочь. — А Катенька и не говорила мне о том, что вы уже стали друзьями.

— Как я успел заметить, — сообщил Михаил, тоже бросив весьма выразительный взгляд в сторону девушки, — Екатерина Юрьевна вообще очень скрытная барышня.

— Есть немного, — согласился отец. — Как служба, Михаил?

— Спасибо, Юрий Александрович, все идет своим чередом.

— Вот и прекрасно. А где же наш *enfant terrible*? (*ужасный ребенок (франц.)*) — улыбаясь, отец оглядел гостиную. — Где это невозможное дитя? — судя по всему, он имел в виду Шанку, потому что заметив мальчугана, полускрытого каминным экраном, удовлетворенно кивнул: — Ах, вот он где! Нет, это поистине чудовище, — продолжал князь, перейдя на французский язык, — вместо того, чтобы как все прилежные дети, сидеть в уголке и помалкивать, он носится по дому, как угорелый, оглашая окрестности дикими воплями!

Катя и Михаил, переглянувшись, рассмеялись. Шанку, мирно переставлявший солдатиков, в недоумении выглянул из-за экрана, вслушиваясь в странные обвинения. Но улыбка князя, должно быть, что-то объяснила ему, и он застенчиво улыбнулся в ответ, сверкнув белоснежными зубками, нестерпимо яркими на черном личике.

— А я думала, что только я у нас в доме *enfant terrible*, — хихикнула Катя.

— Да, в этом ты дашь фору любому, не только Шанку, — признал отец. — Михаил, вам еще не довелось испытать на себе устрашающий нрав этой девицы?

— Довелось, — кивнул Бахмет, глядя на Катю.

— Но, судя по всему, вас это не напугало, — констатировал отец.

— Меня не так легко напугать, Юрий Александрович.

— Знаю. Кровь царевича Бахмета говорит сама за себя. Но вы не воспринимайте Катеньку слишком всерьез. Она, по сути, еще совсем дитя.

— *Enfant terrible*? — усмехнувшись, уточнил Михаил. — Что ж, это многое проясняет.

Проведя в обществе Шехонских еще несколько минут, молодой человек наконец откланялся. Катя проводила его до дверей гостиной. Спросить, когда они увидятся в следующий раз, она, разумеется, не могла, а Михаил ничего не сказал. Только сжал на прощание ее руку, тяжело вздохнул и ушел. Когда его стройная фигура в зеленом мундире скрылась в глубине анфилады, Катя, издав не менее тяжелый вздох, вернулась в гостиную. Как досадно, что отец пришел так не вовремя, нарушив их уединение! Кто знает, чем мог закончиться этот откровенный разговор. Оставалось надеяться, что в будущем ничто не помешает им благополучно продолжить начатое...

— А это кто у тебя — турки? — машинально прислушалась она к разговору отца с Шанку. — И за кем же будет виктория?

Заметив вернувшуюся дочь, отец присел на диван и приглашающее кивнул на место рядом с собой. Катя послушно села возле него, нервно переплетя пальцы и застыла в тревожном ожидании.

— Умный, незаурядный и прекрасно воспитанный молодой человек, — задумчиво произнес Юрий Александрович. — Потомок древнего рода, пусть и без титула, но, увы, ни положения, ни перспектив и ни единого гроша в кармане.

У Кати болезненно сжалось сердце.

— Зачем вы говорите мне это, отец?

— Я просто хочу, чтобы ты поняла, что Бахметьев тебе, к сожалению, совсем не пара.

Она пожала плечами:

— В наше время красивому гвардейцу, чтобы стать сиятельным вельможей, достаточно пару раз попасться на глаза ее величеству. Ничего запредельного!

Отец, явно удивленный, пристально взглянул на нее:

— Ты что-то знаешь об этом?

Катя растерянно замерла.

— О чем? — в недоумении отозвалась она. — Я вас не понимаю...

— Если не понимаешь, к чему тогда настолько опасные шутки? — неодобрительно покачал головой отец. — Хорошо. Вернемся к тому, о чем говорили.

— Отец, подождите, — поспешно возразила Катя, чувствуя, что стоит на пороге некой зловещей тайны. — Что вы имели в виду?

Юрий Александрович откинулся на спинку дивана и скрестил руки на груди.

— Стоит ли тебе знать об этом?

— Конечно, стоит, если это касается Миши!

— Ах, он уже Миша? — отец недовольно сжал губы. — Ну хорошо, только ради того, чтобы ты не ходила за мной по пятам, продолжая выпытывать, я расскажу тебе. Правда, это не совсем для девичьих ушей, но... В общем, если вкратце, — ходят слухи, что твой драгоценный Миша, в пору его службы в Петербурге, действительно попался на глаза императрице и она пожелала приблизить его к себе. Но вмешался светлейший князь Потемкин и устроил так, чтобы Бахметьева перевели в Москву, так сказать, с глаз долой.

Катя ошеломленно молчала.

— Господи... — она закрыла руками лицо, но тут же, опустив трясущиеся ладони, с ужасом взглянула на отца: — Вы что, хотите сказать, что Миша был любовником этой старухи?!

Юрий Александрович выразительно кашлянул, услышав эти более чем оскорбительные слова о царствующей государыне, но замечания дочери отчего-то не сделал. Боль и смутнение, отразившиеся в ее глазах, были такими очевидными, что он невольно ощутил сочувствие.

— Ну, не такая уж она старуха на мой взгляд. Сорок семь лет, даже моложе меня, а я себя стариком не считаю. Хотя, конечно, в твои годы и тридцатилетние кажутся стариками, из которых песок сыплется.

— Отец, ответьте же! — задыхаясь, выпалила Катя. — Да или нет?

— Нет, не думаю, — решительно отозвался Юрий Александрович. — Все произошло слишком быстро. Императрица, скорее всего, видела его один-два раза в карауле. Да Потемкин и не допустил бы их сближения. Как я уже говорил, Бахметьев очень умен и для Потемкина мог стать чрезвычайно опасным соперником. Впрочем, и светлейшему князю недолго улыбалась удача. Стоило ему уехать этой весной, как его место в сердце ее величества занял этот малороссиянин, как бишь его?.. Ах, да, Завадовский.

— А Михаил, — дрожащим голосом выговорила Катя, — Михаил хотел быть фаворитом императрицы?

Юрий Александрович обнял дочь за плечи и притянул к себе.

— Расстроил я тебя, Катенька, старый дурак... Знаешь, если б ты спросила меня о любом другом, даже о Сашке нашем, я бы без колебания ответил, — хотел бы, да кто бы не хотел? Большинство из тех, кто служит при дворе, готовы идти по головам, чтобы урвать кусок пожирнее со стола ее величества. Но Михаил?.. Я знаю этого мальчику чуть больше

года, но сразу заметил: он не такой, как остальные. У него есть гордость, есть честь, есть достоинство. И он, как мне кажется, никогда не опустился бы до того, чтобы связаться с женщиной без любви, в надежде на возвышение, почести и богатство.

Катя слушала, жадно впитывая каждое слово, и на душе постепенно становилось легче. Она знала, что отец, как никто другой, видит людей насквозь и никогда на ее памяти он не ошибался, давая оценку тому или иному человеку. К тому же, ведь и она сама, с первого же дня знакомства отметила, насколько разительно отличается Михаил от других. Несмотря на внешний налет бретерства и грубоватой язвительности, благородство его натуры было таким же ясным и незыблемым, как земная твердь. Впрочем, что удивительного? Разве она полюбила бы его, будь он иным?..

Но разговор, получивший настолько непредвиденный поворот, еще не был окончен и Катя, почти успокоившись, вернулась к тому, что больше всего интересовало ее:

— Отец, вы сами признаете все Мишины достоинства и в то же время говорите, что он мне не пара. Как понять это? Неужели при выборе жениха для меня только высокое положение и богатство имеют ценность в ваших глазах?

— А что, все уже настолько серьезно? — нахмутив брови, осведомился Юрий Александрович.

Уткнувшись лицом в его плечо, Катя негромко, но решительно отозвалась:

— Я люблю его, отец. И никто кроме Миши мне больше не нужен.

Князь Шехонской выдержал паузу и, вздохнув, отозвался:

— Вот с этого и надо было начинать.

Поднявшись с дивана, он прошелся по гостиной, машинально наблюдая за играющим Шанку. Катя следила за ним с замиранием сердца. Мужская привычка в затруднительные моменты бесконечно мерить пространство ногами и раньше раздражала ее, теперь же она едва сдерживала желание запустить в отца диванную подушку. Но наконец он повернулся к ней и проговорил:

— Давай договоримся так, Катенька. Ты выходишь в свет, общаешься с молодыми людьми, не ограничиваясь обществом одного лишь Михаила, а через несколько месяцев, если твои чувства не изменятся, и в сердце не появится новый претендент, мы с тобой вернемся к этому разговору.

— Хорошо, отец, — Катя благодарно улыбнулась ему.

Она знала, что ее чувства не изменятся и через много лет, но какой смысл убеждать в этом отца? Впрочем, чего больше? Он не отказал ей и, следовательно, она с полным правом может теперь лелеять надежду на то, что однажды станет женой Михаила Бахметьева.

Если только не вмешается неожиданно злая судьба, чьи парфянские стрелы могут быть так неистребимо жестоки...

Глава 12. Семена сомнения

На следующий день вернувшаяся из церкви Акулина наконец принесла новости о Строгановых, которые так ждала Катя.

— Неладно что-то у них, Катенька, — сообщила тетка, оставшись с племянницей наедине в ее комнате. — Я в Богоявленской церкви была на Никольской, где Строгановых двор. Службу отстояла, все ждала, что появится кто-то, — сам барон или старшая внучка его, сестра Анны, либо тетушки ее. Никто не пришел, зато после, в лавке иконной, встретила племянницу графа Шереметева, старуху Салтыкову, уж она известная сплетница, так я ее и расспросила...

— Ну говори же, Акулинушка, — заторопила Катя. — Что узнала?

— Говорит, уже третья седмица пошла, как Строгановы в доме заперлись, как в крепости осажденной, никого не принимают, никуда не выходят. Привратник визитеров даже на порог не пускает, дескать, больны все...

— Больны? — задумчиво повторила Катя. — Думаешь, правда?

— То-то и оно! — не без торжества отозвалась тетка. — Салтыкова, видишь ты, говорит, доктора ни разу не приглашали, а ей ли не знать!.. Небось, от темна до темна только и глазеет в окна, что там у соседей происходит. Что же это за хворь такая, что доктор не надобен?

Некоторое время Катя молчала, обдумывая услышанное.

— Думаю, ты права, Акулинушка. Это действительно кажется подозрительным. И если это та самая Анна, то, похоже, что таким образом семья пытается скрыть от света ее побег. Должно быть, они не теряют надежды, что она вернется, возможно, ищут ее... Кстати, а что, родителей у Анны нет?

— Сирота она, — сообщила Акулина, — только и есть, что дед, Николай Григорьевич, да сестра Глафира.

— И что они собой представляют?

— Ну, Николай Григорьевич старец почтенный, слова худого про него не скажу. Он из младшей ветви рода Строгановых, и держался всегда особняком от родни, хотя и богат несметно, как вся эта новая знать. А Глафира... что про нее сказать? Вековуха, годочков двадцать шесть-двадцать семь уже. Не так хороша, как Анна, но тоже недурна собой. Только уж очень себе на уме, да спесива без меры.

— Это у них, похоже, фамильное, — усмехнулась Катя, вспомнив «мертвую невесту». — Что же делать, Акулинушка? Мне поговорить надо с бароном или его старшей внучкой, выяснить, та ли это Анна.

Акулину передернуло:

— А ну как и вправду больны они, Катенька? Вдруг оспа, или еще какая напасть?

— Ты же привита от оспы, так чего боишься? — рассмеялась Катя. — Успокойся, Акулинушка. Сама знаешь, обо всех случаях оспы следует властям сообщать, таких больных в Оспенный госпиталь увозят. Кто бы посмел умолчать, императорского указа ослушаться?

— О ком это вы? — дверь спальни отворилась и на пороге, испытующе глядя на дочь, появилась княгиня Софья Петровна. — Оспа, у кого?

Акулинушка испуганно застыла. Катя, мысленно выругавшись, поднялась на ноги.

— Ни у кого, татап, — как можно спокойнее ответила она. — Мы говорили о

Строгановых. Они, кажется, больны, но это не оспа.

— Строгановы? — Софья Петровна произнесла эту фамилию с презрением, точно сплюнула. — Какие у тебя могут быть дела со Строгановыми?

Катя молчала, лихорадочно соображая, что ответить. Матап была известна лишь очень сокращенная и вычищенная история ее дорожных злоключений, в которой, разумеется, не было места ни цыгану Драгомиру, ни баронессе Канижай, ни «торговцу редкостями» Сильвестру Стрешневу. По словам Кати, после падения кареты с моста и гибели гувернантки и слуг, ее спасли люди некоей вполне приличной дамы, которая и довезла ее до Москвы в своем экипаже.

Разумеется, и эта версия тогда вызвала у матап бурю негодования на непослушание дочери. Тем более, что фамилия доброй самаритянки, наскоро выдуманная Катей, была Софье Петровне абсолютно неизвестна, и выяснить ее личность не представлялось возможным. Утеря кареты, четверки отличных лошадей, и гибель слуг тоже вызвали немалый гнев княгини. Не было в ее бесчисленных попреках и выговорах только одного: хоть мало-мальского беспокойства за судьбу дочери, которая чудом осталась жива.

— Я встретила на почтовой станции в Твери младшую внучку барона, — на ходу сочиняла Катя. — Она ездила на богомолье, и сильно задержалась в дороге из-за... из-за сломанного экипажа. Я просто хотела сообщить ее родным, чтобы они не тревожились о ней. Хотя бы письмом, если вы позволите, матап.

— Ни в коем случае! — отрезала Софья Петровна. — Ты девица, тебе писать мужчине — непристойно!

— Но ведь барон уже старик... — нерешительно возразила Катя.

— Как бы то ни было! Еще не хватало, чтобы Шехонские якшались с этими парвеню. Пусть Акулина напишет письмо от своего имени, с них и этого довольно!

Катины пальцы, нервно теребившие отделку корсажа, непроизвольно сжались в кулаки, так что ногти впились в ладони. Как опостылел ей этот резкий, вечно недовольный тон! Усилием воли обуздав накотившую злость, она заставила себя склонить голову и кротко отозвалась:

— Хорошо, матап, как скажете.

Из слов матери было понятно, что визита к Строгановым она не допустит ни в коем случае. Но по зрелом размышлении, это не слишком огорчило Катю: хозяином в доме, все-таки, был отец и, зная о епитимье, наложенной на нее, он не стал бы препятствовать дочери увидаться со Строгановыми. Кроме того, тетушка на ее стороне, и Катя могла надеяться, что визит в дом барона останется только между ними...

— И впрямь, напишу барону записку, — шепотом сказала Акулина, когда они остались одни. — Намекну, что об Анне сведения имею, поглядим, что он ответит.

— А если не ответит?

— Если не ответит, стало быть, не та Анна, — неуверенно предположила Акулина. — Будем дальше искать.

— Хорошо, — согласилась Катя, подумав.

Иметь дело с родственниками «мертвой невесты» ей и самой не слишком хотелось. Возможно, записка подтвердит ее ошибку, а дальше... Кто знает, может быть, все как-нибудь разрешится само собой, без ее участия.

В тот же день Акулина отправила Николаю Григорьевичу Строганову письмо, но посланный с этим письмом лакей вернулся без ответа. Правда, по его словам, послание

обещали немедленно передать барону, — это было единственное, чего достиг посланец.

— Подождем, — беззаботно решила Катя, и на время выбросила эту историю из головы.

В самом деле, ей было о чем подумать и без странных хитросплетений, творящихся у Строгановых. Ее дни были наполнены приятной и необременительной суетой по поводу предстоящего выхода в свет, мечтами о Михаиле и визитами друзей семьи, которые теперь заново знакомились с ней. А кроме того, Кате также давал обильную пищу для размышлений крайне занимательный разговор, случайно подслушанный в тот же вечер.

Это и вправду вышло само собой: Катя направлялась в свои апартаменты, когда ее внимание неожиданно привлекли приглушенные голоса, доносившиеся из отцовской спальни. И слова, произнесенные негромким, дрожащим голосом матери, заставили ее замереть:

— ...я прошу вас, я вас умоляю... Пока еще есть время, прикажите ей уехать! Слухи распространяются быстро, и со дня на день Наталья Ильинична узнает, что Катерина в Москве, что она здорова и тогда уже ничего не спасти.

Катя быстро огляделась по сторонам. Коридор был пуст, и она осторожно прильнула к двери, с тревогой ожидая ответа отца. Тот не замедлил себя ждать:

— Софи, я уже сказал вам — нет. Оставим этот разговор раз и навсегда.

Мать бессильно всхлипнула:

— Поймите же: я прошу не для себя. Мне уже ничего не нужно, я давно смирилась. Я на все закрываю глаза, — на ваши беспутства, грубость, безразличие... Бог вам судья, Жорж. Прошу только об одном: подумайте наконец о своем сыне! Вы же всё, всё делаете для того, чтобы Александр лишился наследства!

— Ну что ж, значит, так тому и быть, — помолчав, отозвался отец. — С тем, что Саша унаследует после меня, беден он не будет, так что, не следует зарываться, дорогая. Если моя бабушка приняла такое решение в отношении Кати, — сделать все равно ничего нельзя.

Поглощенная беседой, Катя не сразу заметила, что фижмы излишне громко шуршат по полотну двери, выдавая ее присутствие. Спohватившись, она едва успела отступить на шаг, как дверь распахнулась и мать показалась на пороге. Ее глаза гневно вспыхнули при виде дочери.

— Подслушиваешь, мерзавка?

Ее рука уже поднималась для пощечины, но отец, поспешно выглянув, сжал ее запястье и окинул Катю озабоченным взглядом:

— Что случилось, дитя мое?

— Ничего, отец, — девушка перевела взгляд на мать. — Если я и услышала что-то, татап, то совершенно случайно.

С трудом вырвав руку из пальцев князя Шехонского, Софья Петровна молча прошла мимо дочери и вошла в свою спальню, громко хлопнув дверью. Проводив ее взглядом, Катя медленно повернулась к отцу.

С минуту они напряженно молчали. Наконец Катя тихо произнесла:

— Отец, значит, прабабушка еще не знает о моем приезде?

— Вероятно, еще нет, — не глядя на нее, отозвался Юрий Александрович. — Но я в самое ближайшее время сообщу ей. Думаю, она захочет увидеть тебя, так что, приготовься к этой встрече.

Катя долго колебалась, прежде чем задать следующий вопрос.

— Отец, а что имела в виду татап, говоря, что из-за моего приезда Саша лишается

наследства?

Юрий Александрович тяжело вздохнул.

— Ну что ж, рано или поздно ты это все равно узнаешь. Твоя прабабушка хотела сделать тебя единственной наследницей, в обход Саши, и не спрашивай меня — почему.

Некоторое время Катя молчала, обдумывая услышанное. В обход Саши? Неужели все дело в этом? И корень всех интриг матери в этом наследстве? Но почему прабабушка приняла такое странное решение? Стало быть, и подаренное ей кольцо, которым теперь владела Габриэла Канижай, указывало на то, что своей наследницей прабабушка видит только ее, Катерину?

— Отец, скажите, — Катя вскинула голову, пытливо вглядываясь в его глаза, — а я действительно ваша дочь?

Лицо князя Шехонского на мгновение ошеломленно застыло.

— Девочка моя, откуда такие мысли? — он взял ее за плечи, порывисто притянул к себе. — Ты наша дочь, только наша, и никогда, слышишь, никогда не сомневайся в этом! Прости мать, она бывает не в себе, но она искренне любит тебя и желает только счастья! И мы все сделаем для того, чтобы ты была счастлива.

— Да, конечно, — глухо откликнулась Катя. — Я верю вам, отец. Спасибо...

Последующие дни не прояснили тайн, которыми был полон этот дом, и мозг Кати то разрывался в бесплодных попытках понять смысл происходящего, то застывал в полнейшей апатии, вовсе не желая разгадки.

Но обращенные к отцу слова матери: «Я на все закрываю глаза, — на ваши беспутства, грубость, безразличие...», долго не выходили у нее из головы. Пожалуй, впервые в жизни Катя задумалась о том, что представлял собой брак ее родителей. В детстве для нее все было просто: папа — неизменно строгая и недоступная, отец — разный, но может быть очень нежным и ласковым. Отца в его лучшей ипостаси, — той, которую она наблюдала после приезда, Катя любила пламенно, чувства же к матери не имели с любовью ничего общего.

Судя по всему, отец тоже не любил свою супругу, и едва ли хранил ей верность. Князь Шехонской был красивый мужчина, сравнительно моложавый, и неординарность его натуры всегда привлекала к нему женское внимание. Кто знает, сколько сердечных ран нанес таким образом отец матери... Кате вспомнилась княгиня Комета, — милая болтушка Дарья Гагарина, встреченная недавно на Кузнецком мосту. «Мы с ней давние и близкие друзья», — так сказал о ней отец. Только ли друзья?..

Одним словом, княгиня Софья Шехонская определенно была несчастлива в браке и, возможно, не только по своей вине. Но к стыду своему, Катя поняла, что особого сочувствия к матери не испытывает...

* * *

В один из этих дней, к радости Кати, в дом Шехонских приехала с кратким визитом княгиня Гагарина. С собою Дарья Аполлинарьевна привезла свою золовку, младшую сестру мужа, недавнюю воспитанницу Смольного монастыря. Княжну Гагарину звали Евгенией, и Катя, когда их представили друг другу, подумала, что это строгое имя, отдающее монастырской кельей, совсем не подходит такой яркой девушке.

— А как вас называют друзья? — любопытствовала Катя, стараясь разговорить

княжну, которая была не слишком многословна. — Эжени?

— Женни, — улыбнулась Евгения. — В детстве меня так называла моя бонна, немка. С тех пор так и повелось.

— Очень красиво! — оценила Катя. — И идет вам.

Ласковое «Женни» и в самом деле очень шло к нежному облику княжны. Среднего роста, чуть-чуть пухленькая, она казалась очень милой и женственной, движения ее были полны непринужденного изящества. А ко всему прочему у Женни Гагариной были чудесные золотисто-каштановые волосы, сияющие глаза цвета морской воды, чуть вздернутый носик и маленький рот в форме купидонова лука. И кожа выглядела такой бархатистой и свежей, что так и тянуло ущипнуть за розовую щечку...

Похоже, Дарья Аполлинарьевна была бы рада, если бы они подружились, подумала Катя, продолжая разговаривать с Женни. У нее самой эта перспектива тоже не вызывала возражений. При Катиной общительности ей трудно было обходиться без подруг, а новая знакомая производила очень приятное впечатление. Она держалась просто, была явно неглупа и проявляла к молодой хозяйке дома пусть и сдержанный, но вполне искренний интерес.

В эти дни во всех салонах обсуждали главным образом недавнюю женитьбу сына императрицы, цесаревича Павла, на принцессе Софии Доротее Вюртембергской, — отныне великой княгине Марии Федоровне. А в доме Шехонских подробности этого события можно было узнать из первых рук: родители Кати провели сентябрь в Петербурге, были приняты при дворе и собственными глазами наблюдали свадебные празднества.

— Их высочества производят впечатление очень счастливой пары, — сказала мама. — Великая княгиня просто обворожительна!

— И ко всему прочему, — откликнулся отец, с невинным видом глядя на свою жену, — видно, что у нее очень мягкий и покладистый характер. Надеюсь, что его высочество будет счастлив в этом браке.

— Да-да, все говорят, что Павел Петрович влюблен без памяти, — вздохнула тетушка Акулина. — Пусть Господь даст их высочествам безоблачное счастье, которое они заслуживают!

Хозяева дома и княжна Женни единодушно присоединились к этому пожеланию. Кате вспомнилась великая княгиня Наталья Алексеевна, первая жена цесаревича, недавно умершая в родах. Всего три месяца траура, — ничтожные три месяца! — которые Павел Петрович носил по горячо любимой им прежде супруге, говорили сами за себя...

Перед глазами Кати встало озаренное любимой, насмешливой улыбкой лицо Бахмета, и сердце дрогнуло. Как долго он хранил бы ей верность, если бы смерть разлучила их до срока? И способны ли мужчины вообще хранить верность тем, кто уходит с глаз, не напоминая больше о себе?..

В эту секунду княгиня Гагарина, точно прочитав ее недавние мысли, серьезно изрекла:

— Увы, постоянство не входит в число добродетелей Павла Петровича. Прискорбно для будущего монарха, не так ли? Но я тоже искренне надеюсь, что любовь его высочества к молодой супруге будет более долгой, чем та, что он питал к несчастной Наталье Алексеевне, упокой Господи ее душу! — и она благочестиво перекрестилась.

Катя с любопытством уставилась на княгиню, а сидевшая рядом Женни порозовела и мучительно зажмурилась, словно от стыда за глупость невестки. На несколько мгновений в гостиной воцарилась неловкая пауза, которую затем прервал спокойный голос князя

Шехонского:

— Да будет так, Дарья Аполлинарьевна.

Он улыбнулся княгине Комете, запоздало смутившейся своих неосторожных слов. Улыбнулся с такой нежностью, что Катя невольно потупилась. Но хмурый взгляд татап, брошенный вскользь на мужа и гостью, перехватить успела. И к собственному стыду, ощутила в глубине сердца всплеск какого-то пакостного злорадства.

Тему разговора поспешно переменили. Кате подумалось, что свое мнение о непостоянстве цесаревича, княгине стоило бы высказывать лишь в тесном семейном кругу. Но, похоже, никого, кроме нее и Женни, невинное злословие Дарьи Аполлинарьевны особо не впечатлило, должно быть, Шехонские к ее выходкам давно привыкли.

Наконец заговорили о предстоящем у Гагариных бале. И Дарья Аполлинарьевна, узнав, что Кате необходимы уроки танцев, тут же посоветовала лучшего в Москве maestro di ballo[1], Антонио Ринальди, который был учителем двух ее дочерей.

— Фоссано[2], конечно, ставит себя очень высоко, — говорила Гагарина, — и запросит немало, но его уроки того стоят! Недаром же он многие годы возглавлял Императорскую балетную труппу при государыне Елизавете Петровне. И дети его любят.

— Нам и в самом деле нужен самый лучший учитель, — согласился отец. — Ведь времени до бала осталось совсем немного. Увы, мы поздно спохватились. Я по наивности думал, что наша Катрин и без того умеет все на свете, и учиться ей ничему не нужно.

Дамы рассмеялись.

— Я уверена, Юрий Александрович, что ваша дочь грациозна, как фея, так что, дело за малым! — сказала Женни, застенчиво улыбнувшись князю Шехонскому.

— Благодарю, Евгения Николаевна, — князь тепло улыбнулся в ответ.

— Вот и славно! — воскликнула Дарья Аполлинарьевна. — Договаривайтесь с маэстро, а брать уроки вам будет удобно в нашем доме. У нас очень весело, собирается большая компания: Львовы, Аплечеевы, Щербатовы, Мельгуновы, Кайсаровы и, кстати, вашего друга Барятинского дочки, князь!

Отец немедленно принял предложение, а Катя мысленно вздохнула, представив свое обучение танцам в обществе детей. Едва ли там найдется кто-то ее возраста. К примеру, старшей дочери Барятинского, о котором упомянула Гагарина, всего двенадцать. Но как иначе учиться танцам? В детстве, до отъезда из Москвы, она тоже занималась танцами в большой компании детей разного возраста и, помнится, было очень весело.

Когда Гагарины уехали, взяв с Кати обещание вернуть визит в самое ближайшее время, отец сказал:

— Ты очень нравишься Дарье Аполлинарьевне, Катенька, и я рад этому. Ее любят в свете и, если она станет для тебя в некотором роде патронессой, твой успех обеспечен.

— Она мне тоже очень нравится, отец, — кивнула Катя, — но... разве я недостаточно хороша, чтобы добиться успеха без чьей-либо протекции?

Она смотрела на отца с видом полной невинности, только капризно надутые губки выдавали ее истинное настроение. Юрий Александрович рассмеялся при виде этой жеманной гримаски и, обняв дочь за плечи, поцеловал в макушку:

— Ah, les femmes, les femmes! Vous êtes incorrigible. *(Ах, женщины, женщины! Вы неисправимы. (франц.)*

И ушел, не прибавив больше ни слова. А Катя, отбросив свою глупую маленькую обиду, всерьез задумалась о том, что же все-таки связывало отца с княгиней Гагариной. И как

отнесется татап к ее сближению с этой дамой и ее семейством?

* * *

В тот же день в дом Шехонских был приглашен итальянский танцмейстер Антонио Ринальди. Перед его талантом благоговела вся Москва, и маэстро пользовался этим достаточно беззастенчиво. Стоимость его уроков, как и говорила княгиня Гагарина, оказалась просто фантастической, но отец был тверд в своем решении избрать на эту роль именно Ринальди.

— Я не ожидал, что синьорина настолько взрослая, — без обиняков объявил маэстро, увидев Катю. — Вы должны были пригласить меня много раньше, *Eccellenza*. (***Ваше сиятельство (итал.)***)

«Эчеленца» покачал головой:

— Не будем терять время, вздыхая об упущенных возможностях, маэстро. Лучше скажите мне: вы беретесь за обучение моей дочери?

— Да, разумеется, — отозвался Ринальди, окидывая пристальным взглядом напряженную Катю. — Вы платите, *Eccellenza*, и я в вашем распоряжении. Но прошу вас, *signorina principessa*, сделайте несколько шагов. Я должен посмотреть, как вы двигаетесь.

Несколько мгновений Катя настороженно разглядывала бесцеремонного итальянца, но поняв, что выхода нет, выпрямила спинку и заскользила по паркету. Ей казалось, что каждое ее движение — верх грации и изящества, и она обескураженно замерла, услышав негодующий возглас Ринальди:

— No, no! Questo è impossibile! (***Нет, нет! Это невозможно! (итал.)***) Вы не умеете ходить, синьорина принчипесса, совершенно не умеете!

Маэстро замахал руками и сморщился, словно во рту у него был лимон. Катя задыхнулась от возмущения:

— Я не умею ходить? Да что вы о себе возомнили? А вы вообще прыгаете, словно с кочки на кочку!

Князь Шехонской закашлялся, чтобы скрыть невольный смех, но тут же бросил укоризненный взгляд на дочь. Ринальди остался невозмутим:

— У вас был когда-нибудь учитель танцев?

— Очень давно.

— Это заметно. Поскольку пользы он вам все равно не принес, забудьте о нем.

— Моя дочь собирается на бал через две недели, — вставил отец.

Услышав это, маэстро энергично затряс головой:

— Это совершенно невозможно! Ничтожно мало времени, я не смогу за такой срок дать ей достаточно навыков. Едва ли она сумеет достойно танцевать что-то кроме полонеза.

— Если вы сосредоточитесь на обучении вместо того, чтобы критиковать меня, — сухо отозвалась Катя, — то я сумею достойно танцевать не только полонез. Я схватываю на лету, маэстро, и уверена, что не разочарую вас.

Ринальди разразился странным трескучим смехом, склонив голову набок и с любопытством разглядывая будущую ученицу.

— Ваш апломб просто восхитителен, синьорина принчипесса! Ну что ж, давайте заниматься. И не жалуйтесь потом, если на дебютном балу в вас будут тыкать пальцами: я

вас предупредил!

Так начались эти уроки, ставшие для Кати, что бы она ни говорила, нелегким испытанием. Ринальди был преподавателем строгим до свирепости, въедливым, занудным, насмешливым. Хвалить было не в его правилах; каковы бы не были успехи ученика, он большей частью оставался недоволен.

Для Кати долгое время было загадкой, почему ученики Ринальди, несмотря на эти малоприятные свойства его натуры, все-таки искренне привязаны к нему. Не раз и не два в присутствии Кати он доводил до слез своих маленьких учениц грубыми придирками, но отчего-то, едва высохали слезы, они истово продолжали свои экзерсисы, сияя от радости, если на сей раз маэстро ругал их меньше обычного.

Но в одном Катя не могла отказать ему: Ринальди был танцовщиком от Бога, когда он двигался, демонстрируя ученикам затейливые танцевальные па, от него невозможно было оторвать взгляда. Танец был его стихией, в каждом движении было столько грации, огня и экспрессии... Ринальди оставался великолепен и в манерном, нарочито медлительном менуэте, и в энергичных контрдансах, а то, какими блестящими выдумками-фигурами он расцвечивал плавное шествие полонеза, казалось просто фантастическим. Катя, которая всегда считала себя барышней вполне изящной, не могла не изумляться тому, каким послушным малейшему импульсу мозга может быть тело. Должно быть, такая идеальная гармония между телом и духом может быть только от природы, думалось ей иногда в минуты отчаяния, когда казалось, что не удастся решительно ничего. Но все-таки она не теряла надежды и кое-какие навыки у нее уже начали появляться.

Дети, которых привозили на уроки танцев в дом Гагариных, Катю приняли вполне радушно. Очень скоро, помимо Женни, которая из солидарности с новой приятельницей тоже посещала занятия, Катя сдружилась с дочерьми Дарьи Аполлинарьевны, десятилетней Веро и тринадцатилетней Надин. Девочки были очень милые, забавные, и некоторая застенчивость их по отношению к взрослой соученице быстро растаяла, сменившись восторженной влюбленностью, которая немало льстила Катиному тщеславию.

Среди мальчиков самому старшему было четырнадцать; звали его Гриша Щербатов, и едва увидев этого долговязого, бледного юнца, Катя мгновенно его признала, хотя и никогда не видела прежде. Он был точной копией своего старшего брата Ильи, одного из друзей Александра, — победителя памятной игры в карты с ее участием. В основном Гриша и был партнером Кати на уроках Ринальди, и регулярно передавал ей поклоны от старшего брата.

[1] Балетмейстер, учитель танцев (итал.)

[2] Fossano — «Веретено» (итал.), прозвище хореографа А. Ринальди.

* * *

Кстати сказать, сам Илья нередко в последние дни появлялся в доме Шехонских и явно искал общества Кати, — в отличие от Михаила и остальных гвардейцев, которые точно в воду канули. Долгим отсутствием Михаила Катя была встревожена сильнее всего, но из гордости не расспрашивала о нем брата. Также она недоумевала, почему ее не навещают прочие «рыцари», к примеру, тихоня Аргамаков, которому она так смело позволила ухаживать за собой. Впрочем, и общество Ильи Щербатова доставляло ей немало приятных

минут.

Родители к ухаживаниям Ильи относились без особого восторга. Как друг сына, наследник знатного княжеского рода и приятный молодой человек, он всегда был желанным гостем в доме, но в качестве кавалера для Кати, по их мнению, решительно не подходил: слишком юный для женитьбы, впрочем, как и все друзья Александра. А раз так, к чему смущать барышню ненужными отношениями, которые не могут вылиться ни во что серьезное?

Но с другой стороны, иметь поклонников, которые заполнят ее бальную книжечку на первом балу, было полезно, поэтому видеться Кате с Ильей все-таки не запрещали. Но, разумеется не наедине: после того случая, когда Катя по недосмотру слуг осталась тет-а-тет с Бахметом, надлежащий надзор был восстановлен. Тетушка Акулина теперь неизменно присутствовала при их встречах.

Щербатов был тетушке симпатичен, да и Кате тоже: он держался непринужденно и вместе с тем скромно, не позволяя себе ничего лишнего. Говорили они главным образом о литературе и искусстве, — Илья был юноша образованный и довольно интересный собеседник. К тому же, по возрасту он ближе всех был к Кате среди друзей Александра: совсем еще мальчик, ему едва сравнялось восемнадцать.

Внешне он тоже был достаточно своеобразен: высокий, тонкий и гибкий, как плеть, с надменной осанкой и бескровным, продолговатым лицом типичного аристократа. Волосы очень светлые, почти белые, взгляд серо-голубых глаз холоден и задумчив. Костюм и прическа его всегда была безупречны, кольца, украшавшие длинные, изящные пальцы, не по-московски строгого вкуса, трость — верх совершенства. А великолепные часы, которые он, как и всякий петиметр, носил с собой не менее трех штук одновременно, едва ли не каждый раз были новые.

Катю это явное стремление Щербатова преподнести себя как можно более эффектно, поражая присутствующих подчеркнутым аристократизмом своей наружности, всегда забавляло, вызывая желание поддразнивать Илью, что она и делала без малейших угрызений совести. К примеру, спрашивала, где он покупает изумительную пудру, которая так благородно оттеняет цвет его лица, чрезмерно восхищалась формой его тщательно отполированных ногтей или манерой говорить по-русски, нарочито растягивая слова.

Илья эти подколки воспринимал с царственной снисходительностью, никак не показывая, что они задевают его самолюбие и, как ни странно, похоже, все ближе прикипал к Кате душой. Впрочем, и она чувствовала, что постепенно привязывается к юному князю, — разумеется, чисто по-дружески.

Одним словом, в скором времени Катя и Щербатов ощущали полную непринужденность в обществе друг друга и иногда, когда внимание тетушки Акулины ослабевало, оставляли излишнюю церемонность, называя друг друга только по именам.

— Катрин, — сказал Илья в один из таких дней, когда они стояли у окна гостиной в тишине, что прерывалась лишь тихим стуком самшитовых спиц и бормотанием тетушки Акулины, шепотом считающей петли на диване, — я могу быть с вами совершенно откровенным?

Катя чуть заметно напряглась, но справившись с собой, окинула Щербатова не лишенным иронии взглядом:

— Ну что ж, Эли, попробуйте.

— Я не хотел бы напоминать вам о нашей первой встрече, когда я и мои друзья повели

себя так постыдно по отношению к вам, — заливаясь легким румянцем, тихо начал он. — Но с тех самых пор я постоянно думаю о вас. Вы девушка совершенно исключительная, я таких никогда не встречал и, надо думать, не встречу. Вы такая искренняя, живая, остроумная, и обаянию, которое исходит от вас, противиться просто невозможно. Но даже не в этом дело. Вы еще и умны, Катрин, я понял это сразу, и наше общение только подтвердило мое мнение о ваших исключительных достоинствах.

— Сколько красивых слов, — Катя не сдержала улыбки, и восхитительные ямочки появились на ее щеках. — Но ближе к делу, прошу вас.

— Ближе к делу, да... и именно потому, что вы такая, как есть, мне трудно понять и смириться с тем, что ваши вкусы ничем не отличаются от вкусов всех остальных юных барышень.

Катя нервно переплела дрогнувшие пальцы.

— Что вы имеете в виду?

— Я имею в виду Бахмета, — невозмутимо пояснил Илья. — Он мой друг и я не скажу с нем ни единого дурного слова, но в нашем окружении нет ни одной женщины, которая не покорила бы ему, когда он этого по-настоящему хотел. А есть такие, что отдают ему свои сердца и без малейших усилий с его стороны. Я их не осуждаю, что с них взять, но мне казалось, что такая исключительная девушка, как вы, просто не может быть одной из многих, кого Михаилу так легко будет добиться.

Катя помолчала. Прямота Ильи ее не столько задела, сколько обескуражила. Они почти никогда не говорили о Бахмете, и теперь она чувствовала растерянность оттого, что ее новый друг оказался так проницателен. Неужели и для Бухвостова с Аргамаковым тоже оказалось достаточно сцены за ломберным столом, чтобы понять, что она равнодушна к их общему другу? Это что же получается: у нее все написано на лице?

— Ну что ж, благодарю вас за высокое мнение обо мне, — усмехнулась она, — хотя, надо сказать, что начали вы за здравие, а кончили за упокой. Что вам ответить...

— Прежде всего, — вставил Илья, — я знаю, что не имею права спрашивать вас об этом, но если мы друзья... Развейте мои сомнения или подтвердите, прошу вас, Катрин.

— Ах, значит, вы все-таки не уверены?

— Как я могу быть уверен? — юноша взглянул на нее и, снова опустив глаза, пожал плечами. — Я могу лишь догадываться. Но, видит Бог, я очень хотел бы проникнуть в тайны вашего сердца.

— Катенька, — подала голос с дивана Акулинушка, — от окна сильно дует!

— Совсем нет, — откликнулась Катя, но чтобы отвязаться от тетушки, плотнее закуталась в шаль, лежавшую на ее плечах. И, понизив голос, снова обратилась к напряженно ожидавшему Щербатову: — Эли, знаете, я не стану лгать вам. Бахметьев мне и вправду нравится.

Она выговорила эти слова абсолютно спокойно, бессознательно гордясь своей смелостью, которая возвышала ее в собственных глазах. Отрицать чувства к Михаилу отчего-то казалось ей предательством, а кроме того, она была уверена, что Щербатов никогда не употребит во зло ее откровенность.

Когда слова были сказаны, Илья шумно выдохнул и сжал губы. Лицо его точно окаменело. Катя продолжала:

— Возвращаясь к вашим словам: я ведь не ошибусь, если скажу, что вы и себя считаете человеком исключительным?

— Вы правы, — сухо отозвался Илья, — так и есть.

— Но, тем не менее, вы не единственный среди ваших друзей, кто высоко оценил мое обаяние и прочие достоинства. Это ни о чем не говорит вам?

Илья долго молчал, прикусив губу и не глядя на девушку.

— В этом есть зерно истины, — промолвил он наконец. — Но, поймите, Катрин, у мужчин все по-другому. Самой красивой нам кажется та, что красива для многих, — это природа, которой противиться бессмысленно. А женщины, по крайней мере, такая, как вы, должны проникать в самую суть вещей, не обольщаясь...

— Подождите-ка, — Катя требовательно развернулась к нему, — не хотите ли вы сказать, что я нравлюсь вам лишь потому, что нравлюсь и другим?

Илья в недоумении приподнял брови и несколько мгновений молчал, похоже, не зная, что ответить.

— Разумеется, нет, Катрин, — пылко возразил он наконец. — Это не так! Поверьте, вы не первая барышня, которой увлечены мои друзья, но до сего дня я никогда не разделял их пристрастий. Вы — первая, очарованию которой я не смог противиться... Поверьте, это правда!

Эти заверения Кате решительно не понравились, вызвав в душе нечто похожее на ревность и возмущение. Быть лишь одной из многих девиц, которым поклонялись друзья брата, отнюдь не являлось предметом ее мечтаний. Она молчала так долго, что Щербатов не выдержал.

— Катрин, почему вы молчите? — он встревоженно и чуть-чуть виновато заглянул ей в глаза. — Ответьте мне...

Катя вздохнула, раздраженно теребя бахрому шали:

— Эли, ну что я могу вам ответить? Вы не хуже меня знаете, что мы можем быть только друзьями. Так к чему мучить друг друга?

Юный гвардеец покраснел. Намек, содержащийся в словах девушки, был совершенно прозрачен: она уже более чем достигла брачного возраста, годы уходили, а для него, как и для любого другого офицера, брак до достижения двадцати трех лет был невозможен.

— Я готов уйти в отставку, если потребуется, — глухо сказал Илья, не глядя на нее. — Достаточно одного вашего слова...

«Глупенький, глупенький мальчик, — с нежностью подумала Катя. — Ну какой из тебя муж? Да и кто позволил бы мне выйти замуж за восемнадцатилетнего мальчишку, даже если бы я и захотела?»

— Эли, — тихо ответила она, оглянувшись на тетушку, которая клевала носом над своим вязанием, — спасибо! За ваши чувства, за вашу преданность. Я очень рада, что у меня есть такой друг, как вы. Но давайте не будем торопить события. Пусть все идет, как идет.

— Хорошо, — Илья отозвался хрипловатым шепотом, точно голос внезапно изменил ему. С минуту он молчал, мучительное колебание отражалось на его бледном лице, он словно боролся с желанием сказать что-то еще. И наконец не выдержал: — Катрин... Он же разобьет вам сердце... Он уже играет вашим сердцем.

— Каким же образом? — холодно осведомилась Катя.

— Я знаю, что Бахмет давно не появлялся здесь, хотя не может не знать, что вы его ждете. Я бы никогда так не смог! Что это как не расчет, не стремление заставить вас страдать, пробуждая еще более сильные чувства? Или, кто знает, может быть, он уже охладел к вам?..

Катя молча отошла от окна и села на диван рядом с дремлющей тетушкой. Вздрогнув, та открыла глаза и уставилась на племянницу:

— Ох, неужели я заснула? Вот она, старость, уже на пороге! А где же наш гость?..

— Мне пора, Акулина Никодимовна, — отозвался Илья, нервно проведя рукой по волосам. — Был очень рад повидаться с вами.

Он на секунду застыл, вопросительно глядя на Катю и, поняв этот взгляд, она поднялась, чтобы проводить гостя до дверей гостиной.

— Катрин, — тихо попросил юноша, когда они остановились на пороге. — Не сердитесь...

— Я не сержусь, Эли, — вяло сказала Катя. Этот разговор уже вымотал ей всю душу и сил держать лицо просто не осталось. — Мы друзья, как и прежде, если, конечно, вас устраивает моя дружба.

Илья осторожно взял ее ледяную руку и, склонив голову, прикоснулся к ней губами. Уверять ее в своей преданности он не стал, сказал просто:

— Не лишайте меня этой дружбы, хорошо? Несмотря на то, что я был сегодня таким наглым и нудным болваном. Клятвенно обещаю впредь быть более приятным и скромным собеседником.

Катя молча кивнула, выдавив улыбку. Когда Илья ушел, она снова опустилась на диван рядом с тетушкой и погрузилась в свои невеселые мысли.

Михаил не появлялся уже неделю. Кто знает, почему? И так ли уж неправ был Щербатов?

Глава 13. Неожиданная встреча

В католическом храме Пресвятой Троицы, что расположен был в Немецкой слободе, стояла гулкая тишина. Месса уже подошла к концу, и лишь немногие прихожане еще оставались в церкви. Лицо Кати, остановившейся на пороге рядом с братом, разочарованно вытянулось: ей так хотелось послушать орган, о котором она столько слышала от своей покойной гувернантки! Но ничего не поделаешь. Возможно, ей удастся еще раз навеститься сюда. А вот долг, который привел в эти стены, не терпит дальнейших отлагательств: недаром мадемуазель Дюбуа снова приснилась ей в прошлую ночь и смотрела с таким упреком...

Александр незаметно пихнул в бок задумавшуюся сестру:

— Катерина, мы что, так и будем здесь торчать, как два волоса на лысине? Вон стоит падре, или как его там. Идем, скажем ему все, что нужно и возвращаемся, пока Акулинушка дуба не дала от беспокойства.

Александр говорил шепотом, но находившиеся в церкви люди, тем не менее, начали оборачиваться на них, словно угадав в этих молодых людях чужаков. Подошедший мальчик-служка протянул Александру корзинку для пожертвований и тот, без особой радости развязав кошелек, опустил в нее двугривенный. В ту же минуту худошавый пожилой капуцин, беседовавший возле исповедали с кокетливо одетой барышней, сделал ей знак, прося повременить, и приблизился к Шехонским.

— Мадемуазель, мсье, — негромко произнес он по-французски, — я вижу, что вы не из здешнего прихода. Меня зовут падре Моретти. Могу я чем-нибудь быть вам полезен?

Нерешительно откинув вуаль с лица, Катя изложила просьбу о заупокойной мессе для своей гувернантки. Падре выслушал ее с сочувственным вниманием, спросил, сколько прошло времени со дня смерти усопшей, каковы были обстоятельства ее гибели, и пообещал выполнить просьбу.

— Кроме того, — прибавил он, — совсем скоро День Всех Усопших, это второго ноября. Было бы желательно заказать заупокойную мессу и в этот день.

Княжна согласилась, поблагодарив священника, и тот позвал служку, чтобы он проводил господ в церковную лавку, находившуюся снаружи.

— Саша, ты сходи в лавку один, а я подожду тебя здесь, хорошо? — попросила Катя. — Тут все так необычно, мне хочется посмотреть.

Александр, рассудив, что никто не обидит девушку в церкви, не стал возражать. Когда он вышел, Катя покинула притвор, прошла вдоль ряда резных скамей, с любопытством разглядывая убранство церкви, и умиленно улыбнулась при виде трогательно-наивных, ярко раскрашенных статуй святых.

В следующее мгновение в поле ее зрения оказалась молодая дама, молившаяся в одном из боковых приделов, и сердце неожиданно екнуло. Что-то очень знакомое было в этой высокой, стройной фигуре, в высокомерной манере держать голову, не склоняясь даже перед святыней. Блеск множества свечей слепил глаза, но когда незнакомка, повернувшись, выступила из тени, и на свету блеснули ее ярко-рыжие волосы, у Кати перехватило дыхание.

Почти не дыша, она смотрела на ту, что медленно шла теперь по проходу, приближаясь к ней. Синие глаза, милое, серьезное веснушчатое личико, гордая стать... Не замечая Кати, Оршоло Есенская прошла мимо и остановилась возле каменной чаши со святой водой. Тихо

плеснула под ее пальцами вода, и венгерка спокойно осенила себя крестным знаменем.

Девушка, которую Катя прежде заметила возле исповедальни, приблизилась к Оршоло и зашебетала что-то, по-свойски беря ее за локоть. Они явно собирались уходить и Катя наконец пришла в себя. Не думая о том, что делает, забыв о поднятой вуали, о том, что Саша с минуты на минуту появится здесь, она шагнула вперед и сдавленно окликнула венгерку:

— Оршика!

Оршоло медленно, словно нехотя, обернулась и смерила Катю вежливо-равнодушным взглядом.

— Vous vous trompez, mademoiselle. Je ne vous connais pas, *(Вы ошибаетесь, мадемуазель. Я вас не знаю (франц.)* — сухо изрекла она и, взяв за руку свою подругу, которая с любопытством уставилась на Катю, потянула ее к выходу.

Катя растерянно сникла, понимая, что ждать другого ответа было просто бессмысленно. Но чувство потери, охватившее ее после этих безжалостных слов, было так нестерпимо, что смириться она не смогла.

— Значит, вы меня все-таки узнали! — с горечью сказала она вслед уходящей венгерке. — Узнали и прошли мимо!

Оршоло замерла на пороге, потом, обернувшись, шагнула к Кате и, нахмурившись, требовательно оглядела ее:

— Почему вы здесь? И одна? Я надеюсь, с вами все в порядке?

Растроганная плохо скрытым беспокойством, прозвучавшим в этих словах, Катя благодарно улыбнулась:

— Спасибо, Оршика, у меня все замечательно. Я не одна здесь. Мой брат...

Шаги, прозвучавшие у порога, затихли. Катя увидела Александра, в изумлении смотревшего на венгерку. Они обменялись сдержанными поклонами, причем спутнице Оршолы, игриво стрельнувшей глазами в его сторону, молодой князь кивнул тоже.

Приблизившись к сестре, Александр крепко взял ее за руку.

— Опустите вуаль, — негромко буркнул он. — И идем.

— Я никуда не пойду! — прошипела Катя, пытаясь высвободиться так, чтобы не привлечь к себе внимания пожилого господина, увлеченно молившегося в глубине храма.

Кроме него других прихожан в церкви не было, и это только укрепляло стремление Кати остаться здесь, не дав уйти и Оршоло. Она видела, что та все еще стоит у дверей. Подруга говорила ей что-то на ухо, не сводя глаз с Шехонских, но та, похоже, не слушала.

— Чего ты хочешь? — злым шепотом отозвался брат, накидывая вуаль Кате на лицо. — Скандала? Он будет, не сомневайся.

— Князь, — неожиданно окликнула его Оршоло, — ваша сестра хочет поговорить со мной. Позвольте ей, всего несколько минут. Я думаю, в этом не будет беды.

Александр бросил на барышню Есенскую не слишком приятный взгляд:

— Как можете вы об этом просить? Я был о вас лучшего мнения, мадемуазель.

Лицо Оршолы чуть заметно дрогнуло.

— Ну, если так... — чуть слышно вздохнув, она шагнула за порог.

— Саша, пожалуйста, — взмолилась Катя, чувствуя, что на глаза наворачиваются слезы. — Прошу тебя...

Александр тяжело выдохнул. Вид у него был несчастный и злой одновременно: ни дать ни взять попавший в капкан волк.

— Ладно, — бросил он, отпуская сестру. — Пять минут. Только... уйдите куда-нибудь с

глаз подальше.

Они выбрали укромный уголок, где недавно молилась Оршола: там висела одна из немногих в этом храме икон. Венгерка скрестила руки на груди, выжидательно глядя на Катю.

— Как вы поживаете? — тихо спросила та.

— Благодарю, у меня все прекрасно, — сдержанно отозвалась Оршола.

Этот более чем сухой тон и последовавшее за ним молчание развеяли последние остатки Катиной уверенности. Она положительно не знала, что еще сказать. Чувства переполняли, а вот слов... не было. Пауза затягивалась и, внезапно испугавшись, что Оршола уйдет, Катя произнесла первое, что пришло в голову:

— Что это за икона?

Оршола с иронией изогнула золотистую бровь:

— Вы позвали меня сюда, чтобы поговорить об иконах? — Катя пристыженно молчала и венгерка, небрежно пожав плечами, ответила: — Это список с чудотворного образа Пречистой Девы Марии из города Мариапоч. Очень почитаемая в Венгрии святыня. Говорят, что в конце прошлого века, когда венгры были еще под властью осман, и шла жестокая война, икона Девы Марии стала источать слезы...

Катя бросила короткий взгляд на печальный лик Пречистой Девы.

— Вы в это верите?

Оршола снова пожала плечами, и на сей раз в этом жесте Кате почудилась какая-то усталая обреченность.

— Не знаю. Это прежде всего ниточка, связывающая меня с Венгрией. Я и прихожу сюда главным образом из-за этой иконы...

— И как часто? — сама не зная зачем, полюбопытствовала княжна.

— Нечасто. Прихожу иногда, когда служба уже окончена: мое положение не позволяет мне слушать мессу с остальными прихожанами, — спокойно сказала Оршола.

Катя зажмурилась, точно от зубной боли, услышав эти произнесенные будничным тоном слова. Кто знает, сколько еще подобных унижений перенесла и продолжает переносить гордая венгерка?.. Катя внезапно поняла, что совсем ничего не знает о жизни Оршолы, но в одном она была уверена: какими бы ни были грехи баронессы Канижай, ее дочь страдает без всякой вины.

Они помолчали.

— А я о вас очень скучала, — снова невпопад сказала княжна.

Оршола грустно улыбнулась:

— Теперь, когда вы увидели меня, вам будет что вспомнить.

Катя молча кивнула. В горле стоял комок, слезы душили ее. Рыжеволосая девушка, отстраненно стоявшая рядом, была так близка и болезненно необходима ей! Только к этой высокомерной молчунье, от которой не дождешься ни единого доброго слова, она неведомо почему ощущала такую пламенную и благоговейную нежность, что сердце замирало в груди и становилось трудно дышать. Что случилось бы с Катей, если бы не ум, проницательность и благородство Оршики и ее матери? Только сейчас она ясно ощутила, что неосознанно тосковала по ней все эти недели, не в силах расстаться с мечтой о невозможной, немислимой дружбе, которой никогда, никогда не стать явью...

Шагнув вперед, Катя обняла Оршолу за шею и расплакалась.

— Я так тебя люблю, — прерывающимся от слез голосом выговорила она. — Так

люблю, Оршика! Как же я без тебя буду? Ты так нужна мне...

Ошеломленная девушка на секунду застыла. Потом нерешительно привлекла Катю ближе к себе и осторожно провела рукой по ее волосам. Она не говорила ни слова, молча слушая бессвязный Катин шепот, только пальцы едва заметно дрожали, и лицо утратило привычное выражение невозмутимости.

Наконец, услышав приближающиеся шаги, Оршола бережно приподняла голову Кати, быстро коснулась губами ее лба и, мягко отстранив от себя, почти виновато сказала:

— Катерина, ты же знаешь, что по-другому нельзя.

— Я знаю, — хрипло сказала Катя и, торопливо вынув платок, вытерла слезы. — Но я не хочу мириться с этим, Оршика. Не могу и не хочу.

Оршола медленно покачала головой:

— Ты так упорно стремишься разрушить свое будущее, Катерина. Одумайся, пока не поздно. Забудь о нас и постарайся стать счастливой, хорошо?

Катя ответила вымученной улыбкой. Подошел Александр, выжидательно глядя на них, и личико Оршолы мгновенно изменилось, утратив следы минутной слабости. Встряхнув рыжими кудряшками, она насмешливо посмотрела на молодого человека:

— Забирайте свою сестру, князь. Как видите, я ее не съела.

— Премного благодарен, мадемуазель, — не без язвительности отозвался Александр, беря Катю за руку.

— Передай мадам Габриэле, что я ее помню и люблю, — торопливо сказала Катя, прежде чем последовать за братом. — Надеюсь, у нее все хорошо?

Оршола молча кивнула, пропуская ее, но после некоторого колебания неожиданно окликнула уходящих Шехонских:

— Да, вот еще что, — она серьезно смотрела на встрепенувшуюся Катю. — В самом крайнем случае, если вам будет необходимо увидеть меня, передайте записку через падре Моретти. Ему можно доверять. Напишите «для Урсулы», он поймет. Но только не ставьте своей подписи, подпишитесь, ну скажем... «мадемуазель Мономах», — Оршола слегка улыбнулась. — И я буду знать, что это вы.

— Спасибо, Оршика, — протянув руку, Катя крепко сжала ее пальцы. — Храни тебя Господь...

Окончательно потеряв терпение, Александр оторвал сестру от венгерской барышни и потащил за собой. Смирившись, Катя покорно пошла за братом, на ходу вытирая все еще текущие слезы. Проходя мимо спутницы Оршолы, ожидающей на скамье, она метнула на нее неприязненный взгляд. Почему все так несправедливо? Почему эта глупая гусыня может находиться рядом с Оршикой, дружить с ней, поверять ей свои тайны, делить радости и печали, а она — не имеет права?

* * *

Большую часть обратного пути Александр упорно молчал. Впрочем, и Катя не испытывала ни малейшего желания вести беседу. Задыхаясь от слез и бессильного гнева, она сидела напротив брата и невидящим взглядом смотрела в окно экипажа.

Почему она не может открыто встречаться с теми, кто ей дорог? Почему вынуждена скрывать свою привязанность к Драгомиру, Оршоле и Габриэле, точно это постыдно —

ценить тех, кто протянул тебе руку помощи, кто истинно достоин любви и уважения? Достоин не из-за чинов и богатства, не из-за безупречной репутации в этом проклятом свете, а потому что благороден душой? Почему, почему, черт побери, этот поганый мир устроен так, что нелепые условности и предрассудки властвуют над людьми, делая их своими покорными рабами?

Кто придумал эти бессмысленные ханжеские заповеди, эту извращенную мораль, преступив которую навеки становишься изгоем? Можно скрываться от кредиторов, хоть на куски резать собственных дворовых, и никто не скажет тебе ни единого слова, если ты прилежно выполняешь правила этикета. Даже шулерство и пренебрежение долгом чести — грехи куда меньшие в глазах этих людей, чем «неподобающие», — Боже, какое отвратительное слово! — знакомства. Можно менять любовников чаще, чем перчатки, а вот разводиться, чтобы не жить во лжи, нельзя. Можно брать взятки, красть казенные деньги, злословить за спиной и губить этим злословием доброе имя ни в чем не повинных людей. Нельзя только жить в простоте и открытости, делая то, что считаешь правильным, без оглядки на мнение света. Но кто дал право всем этим гнусным ханжам судить о чужой нравственности?

И что ей остается? Принять правила этой ненавистной игры, лгать и лицемерить, предать тех, кого любит, потому что им нет места в ее новой жизни? Она не может стать такой, как эта кучка лицемеров и снобов, мнящих себя центром мироздания, но разве у нее есть выход?..

В груди бушевала ярость, хотелось выть, топтать ногами, крушить и ломать все вокруг. Катя рванула трясущимися пальцами прикрепленный к поясу шатлен с эмалевыми часиками, безжалостно выкручивая цепочку, пока не рассыпались хрупкие звенья. Потом часики полетели в угол, а Катя, выместив свой гнев на ни в чем не повинной безделушке, переключилась на брата.

Александр сидел напротив, замкнувшись во враждебном молчании и, судя по всему, был зол едва ли не больше, чем она сама. Но его подчеркнутое недовольство лишь подстегнуло Катин гнев.

— Что же ты молчишь? — бросила она. — Давай, зуди, расскажи мне, как я дурно воспитана и какие у меня порочные наклонности!

Не глядя на сестру, Александр сжал челюсти, и его густые темные брови сошлись на переносице.

— А не пошла бы ты к чертовой матери! — рявкнул он.

— Что? — тяжело переведя дыхание, Катя уставилась в его багровеющее лицо. — Это все, что ты можешь мне сказать?

— А что ты хочешь услышать? — крикнул брат. — Может, мне заплакать от умиления? Или что там я должен был делать, пока ты расшибалась в лепешку, доказывая свою преданность этой... — он замолчал, не договорив.

— Не смей так говорить о ней! — взвилась Катя, прекрасно понимая, каким эпитетом брат мог бы закончить свою фразу. — В чем ее вина?

— В том, что ей не повезло родиться такими, как мы! — отчеканил Александр. — Когда наконец в твою пустую башку дойдет мысль, что ты губишь себя собственными руками? И, главное, зачем? Кому ты хочешь сделать лучше? Есенской? Да чихала она на тебя! У нее своя жизнь и в отличие от тебя, она прекрасно понимает, что тебе в ее жизни места нет. Точно так же, как и в твоей для нее.

— И это, по-твоему, правильно? — крикнула Катя.

— Правильно! — огрызнулся брат, врезав кулаком по жесткой обивке сиденья. — Ее мать развелась с мужем, родила дочь неизвестно от кого, — одного этого достаточно, чтобы все порядочные женщины шарахались от нее, как от прокаженной, но Габриэла ведь и на этом не остановилась! Что общего может быть у тебя с этими людьми? Ты девушка из княжеского рода с незапятнанной репутацией, неужели даже начатки понятий о чести нам не удалось вбить тебе в голову? Неужели ради пустой прихоти ты готова разрушить то, что создавалось веками и опозорить честное имя своих родителей, меня?

— Вот о чем ты волнуешься! — окончательно взбесилась Катя. — Тебе наплевать на меня, на мои чувства, только бы самому остаться чистеньким!

— Дура ты! — гаркнул молодой человек прямо в лицо сестре.

— Конечно, таких, как я, только дурами и можно назвать! Умные — те, кто делают подобные делишки по-тихому, а я — дура! — истерично расхохоталась девушка.

Несколько мгновений Александр угрюмо смотрел на сестру, словно раздумывая, не врезать ли ей пару успокоительных пощечин. Но намерение свое, если оно и было, к счастью, не осуществил. А Катя все не умолкала, и голос ее вибрировал, как натянутая струна:

— Ты не смеешь упрекать меня! Тебе никогда не понять, каково это — чувствовать себя безмозглой куклой, за которую все решают другие: родители, тетка, гувернантка или какой-нибудь поп с раскормленной мордой! Куда ездить, с кем разговаривать, кому письма писать, как грехи замаливать! Ты можешь делать все, что хочешь! Кутить, драться, играть, заводить любовниц из числа этих самых женщин, все, что угодно! Какого черта ты читаешь мне наставления, что ты можешь знать о моей жизни?!

— Ну извини! — театрально разведя руками, выкрикнул Саша. — Тебе не повезло родиться мужчиной, только при чем здесь я? Не умеешь достойно вести себя, значит, будем ломать тебя через колено, пока не появятся проблески разума. А если нет — пойдешь в монастырь, там и не таких обламывали!

Они орали так громко, что один из стоявших на запятках лакеев в конце концов не выдержал и, крикнув кучеру остановить лошадей, встревоженно заглянул в салон.

— Пошел вон отсюда! — крикнула разъяренная Катя при виде его глупой физиономии.

Если бы бедолага не ретировался в ту же секунду, она не сдержала бы порыва швырнуть в него чем-нибудь. Но, к счастью, лакей оказался проворнее.

Дверца захлопнулась, колеса вновь загрохотали по бревенчатой мостовой. Катя закрыла лицо руками и, отвернувшись от брата, затряслась от сдерживаемых из последних сил слез.

— Ты думаешь, я ничего не понимаю? — всхлипнула она. — Я не такая, как вы, я не дочь своих родителей, я не сестра тебе. Может быть, поэтому ваша проклятая честь для меня пустой звук. Я не хочу жить по идиотским правилам, только потому, что кто-то решил, что они должны быть моими!

— Ты что несешь? — ошарашенно произнес Александр. — Ты не дочь своих родителей? Что за бред?

— Хотя ты не делай вид, что для тебя это новость! — отозвалась Катя. — Отец отрицает, ты тоже, только я все равно знаю, что это так! Я вам чужая, приبلуда неизвестно чья. Неужели у вас никогда не хватит мужества сказать мне правду?

Брат в совершенном изумлении встряхнул головой:

— Да с чего ты это взяла?!

Катя горько усмехнулась, размазывая по лицу слезы:

— Вижу, Саша. По всему вижу. Матап меня ненавидит, даже при себе держать не хотела. И я не такая, как все барышни с благородной кровью. Меня учат, воспитывают, а из меня все равно черт какой-то лезет. Разве не так?

— Насчет черта не поспоришь, но... — немного смягчившись, Александр осторожно положил руку на дрожащее сестрино плечо. — Катюш, это все неправда! Честное слово, ты дурью маешься. Я ведь уже большой был, когда ты родилась, — шесть лет, все отлично помню. Матап тобой была тяжела, с животом ходила. И как утром проснулся, а мне говорят, что сестра у меня родилась, я тоже помню.

Катя замерла, слушая брата.

— Правда? — робким, дрожащим голосом выговорила наконец она, поднимая на Александра полные слез огромные глаза.

— Вот те крест, — тот истово перекрестился. — Я тебе врал когда-нибудь?

С минутой они молчали. Потом Катя высвободилась из-под руки брата, промокнула платком мокрое лицо и сумрачно сказала:

— Тогда объясни мне, почему я такая?

Вздыхнув, Александр откинулся к стене и окинул сестру задумчивым взглядом.

— Отец говорит, что ты вся в прабабушку. Я слышал, она та еще чертовка была в молодости, творила, что хотела. Не зря же она тебя так любит, единственной наследницей выбрала...

Тон Александра обвиняющим, вроде бы, не был, но Катя немного смутилась:

— Я ее об этом не просила.

— А я тебя и не виню, — спокойно сказал брат. — Все, успокоилась?

Катя метнула на него взгляд, в котором снова вспыхнула злость:

— Не заговаривай мне зубы, Саша! Даже если ты не врешь насчет того, что матап мной тяжела была, все равно многое неясно. Почему матап меня так ненавидит, если я ее родная дочь? Это ты можешь мне объяснить?

Задав этот вопрос, Катя переплела дрогнувшие пальцы и затаила дыхание в ожидании ответа. Наверное, если бы брат начал отрицать очевидное, уверяя ее в незыблемости материнской любви, она очень глубоко и надолго разочаровалась бы в нем. Саша молчал очень долго и наконец мрачно выдавил:

— Я бы и сам хотел это понять, Катюшка...

Катя отвернулась и невидящим взглядом уставилась в окно. Как странно. Она давно знала, что мать не любит ее, более того, — ненавидит. Почему же именно теперь стало так невыносимо больно?

Остаток пути прошел в тишине. И только когда ворота дома Шехонских распахнулись перед каретой, Александр тихо произнес:

— В общем... прекрати забивать себе голову всякой ерундой и подумай о том, что я сказал. Пока ты девица, веди себя, как должно, а выйдешь замуж, будет немного побольше свободы.

Катя не ответила.

— И никакой переписки с Есенской, даже думать об этом забудь, — жестко закончил брат. — Не дай Бог матап узнает, — убьет...

А вот в этом, невесело усмехнулась Катя, можно было не сомневаться...

Как и в том, что Сашке нет до нее никакого дела. Лишь бы только она семью не

опозорила. А то, что сестра несчастна — его не беспокоит.

Впервые со дня своего приезда в Москву Катя пожалела о том, что уехала из деревни. Живя там, она не чувствовала над собой этого удушающего давления, этой сводящей с ума несвободы, словно пичуга, запертая в клетку.

А может быть, до сих пор она просто не понимала, что несвободна? И лишь теперь, когда узнала Драгомира, Оршолу и Габриэлу, — людей по-настоящему свободных, ущербность собственного бытия стала очевидна для нее?

Едва они вошли в дом, подросла Акулина и вцепилась в племянницу, шепотом расспрашивая ту о поездке «к папистам». Считая визит в католический храм серьезным прегрешением, тетюшка наотрез отказалась сопровождать Катю туда, и теперь дотошно выспрашивала о «соблазнах и смущении духа» которым могла подвергнуться Катя в еретическом святилище.

— Отстань от меня!!! — заорала Катя, для которой назойливые теткинны расспросы стали последней каплей, переполнившей чашу ее терпения. — Мессу не слушала, не причащалась, а священнику вообще в рожу плюнула! Довольна?

Александр, сбрасывая епанчу на руки камердинеру, приглушенно фыркнул. Провожаемая изумленными взглядами Акулины и челяди, Катя взбежала по лестнице, торопясь как можно скорее оказаться за дверьми своей спальни.

Шанку сидел в гардеробной на своей кровати, играя с котенком, и широко улыбнулся, когда Катя остановилась на пороге. Та молча села рядом, порывисто притянула мальчика к себе и спрятала лицо на его худеньком плече.

Шанку, который привык к тому, что княжна Катрин почти неизменно весела, немного растерялся. Но вскоре поддался естественной жалости к явно несчастной молодой хозяйке и, осторожно обняв ее в ответ, принялся бережно гладить по волосам.

Он ничего не говорил, не задавал вопросов, только тихонько вздыхал, продолжая гладить ее, точно котенка. И Катя была благодарна маленькому абиссинцу за это молчание, за робкую нежность и готовность утешить. Когда в гардеробную несмело заглянула Груня, чтобы переодеть барышню, та уже немного успокоилась, пылающие в сердце злость и отчаяние на время присмирели.

Но идти обедать Катя отказалась: «держать лицо» не было ни сил, ни желания. К обеду, как всегда, ждали гостей, — своей семьей Шехонские обедали очень редко, разве что в пост. Почти каждый день приходилось лицезреть за столом либо друзей семьи, либо многочисленных кузин и тетюшек матери. Случалось, сваливались на голову прежние отцовские товарищи по полку, жаждущие протекции провинциалы, заглядывал в поисках благодетелей какой-нибудь монастырский игумен, или знакомые привозили в качестве особого подарка модного иностранца. Словом, безопаснее остаться у себя, чтобы не навлечь потом на свою голову упреков в отсутствии хороших манер.

По просьбе Кати лакей принес сладкие пирожки и засахаренные фрукты, которые так любил Шанку. Некоторое время княжна и ее маленький паж лакомились вкусностями и болтали, сидя в уютном гнездышке гардеробной. И под конец, уверившись, что дурное настроение госпожи не вернется, Шанку решился спросить на ломаном русском:

— Почему ты была такая, Катрин? Тебя кто-то обидел?

Расправившись с горстью лимонных цукатов, Катя вздохнула:

— Нет, малыш. Просто иногда я чувствую себя птицей в клетке. И очень сержусь из-за этого.

Шанку посмотрел на нее с некоторым недоумением, приподняв и без того высокие брови. Помолчал и вдруг печально изрек:

— Если ты птица в клетке, то кто же тогда я?

Ответить было нечего. Катя ощутила нечто похожее на стыд.

— Тебе плохо со мной? — виновато спросила она.

Шанку долго молчал, точно раздумывая. И наконец неуверенно покачал курчавой головой:

— Нет, Катрин. Ты смешная. — и закончил после паузы дрогнувшим голосом: — Но я пока еще не знаю...

Катя невесело усмехнулась. «Смешная...» Один Бог знает, что имел в виду мальчик, да и какое это имеет значение. Шанку слишком добр к ней, а она... Она ничем не лучше других и думает только о себе. Вот и получает по заслугам.

Когда Шанку ушел в буфетную, где обедал в обществе особо приближенной к господам прислуги, Катя забралась с ногами в уголок его кровати и закрыла лицо ладонями.

— Мишенька, любимый, — она всхлипнула, не сдержавшись, — если б ты знал, как мне плохо... Где же ты, неужели забыл меня? У меня же никого, кроме тебя, не осталось...

Никого, и вправду никого. Драгомир ушел и один Бог знает, где он теперь. А Оршола и Габриэла никогда не приблизятся к ней по доброй воле, заботясь о ее репутации.

Илюша Щербатов, Женни Гагарина, — они милы, дружелюбны и, кажется, их симпатия вполне искренна, но трех дорогих ей людей, которых она обрела во время своих дорожных злоключений, заменить не в состоянии. И любимого ей никто никогда не заменит. Если б только знать, что Миша думает о ней, что он ее не забыл!..

За порогом комнаты прошуршало платье, и в отворенную дверь вошла мать. Катя вздрогнула.

* * *

— Садись, — довольно благосклонно кивнула княгиня поспешно поднявшейся дочери и сама опустилась на стул, тщательно расправив юбки. — Что, посещение костела прошло удачно? Ты заказала заупокойную мессу?

— Да, мама.

— В таком случае, что за вопли я слышала недавно из передней? — по-прежнему невозмутимо осведомилась она. — Ты кричала на глазах у челяди, словно уличная девка, вопила что-то совершенно непотребное. Как это понимать?

Катя смешалась:

— Простите, мама. Я просто немного повздорила по дороге с Сашей, была раздражена, а тетушка так настойчиво расспрашивала меня о том, не поддавалась ли я соблазну, что я просто вышла из себя.

— Ты никогда не умела держать себя в руках, Катерина. Моя вина, признаюсь. Но здесь тебе не деревня. И если я еще раз узнаю, что ты позволяешь себе настолько вульгарные проявления дурного настроения, наказание будет более чем суровым.

«Да, конечно, — угрюмо подумала Катя, — только тебе можно орать, как помешанная и выдирать мне волосы клочьями».

— Что касается Акулины, — продолжала Софья Петровна, — я понимаю ее

беспокойство. Ее набожность очень глубока и достойна уважения. Но и ты, отправившись в костел, поступила по-христиански, никто не вправе тебя осудить. Но на этом все: я считаю, что ты достаточно позаботилась о душе покойной мадемуазель Дюбуа, так что тебе больше нет нужды снова идти туда. Иначе это произведет дурное впечатление.

Ногти Кати сами собой впились в ладони, едва утихшее бешенство вновь всколыхнулось в груди. Она с трудом заставила себя ответить с должной почтительностью:

— Да, тапан, как скажете...

— Вот-вот, — едва заметно усмехнулась мать, — затверди эти слова как «Отче наш», и тон соответствующий запомни. Ты слишком суетна, легкомысленна, тебе не хватает смирения и благочестия. У тебя одни развлечения на уме, Катерина, а ведь у женщин нашего круга есть и множество забот и обязанностей. Конечно, если эта женщина добрая христианка.

— Что вы имеете в виду? — девушка немного насторожилась.

— Если ты помнишь, мы с Акулиной каждую неделю ездим в Бутырский замок, чтобы облегчить участь заключенных, навещаем бедных. В следующий раз ты поедешь с нами, тебе это будет полезно.

Катя едва удержала недовольную гримасу. Вот-вот, для полного счастья ей не хватает только любоваться гниющими язвами вшивых арестантов. Она еще не успела ответить на это «заманчивое» предложение, когда на пороге комнаты показался лакей. На серебряном подносе, который он с поклоном протянул хозяйке дома, лежал конверт.

— Ваше сиятельство, от княжны Гагариной для Екатерины Юрьевны. Ответа не нужно.

Взяв письмо, Софья Петровна отпустила лакея, ничтоже сумняшея распечатала предназначавшийся дочери конверт и пробежала глазами ряды изящных букв, выписанных рукой Женни.

Глаза Кати почти спокойно наблюдали за матерью. Разрешение на переписку с новой подругой у нее было, к тому же, она знала, что ничего неподобающего тапан в письме не найдет: общих секретов у них пока не водилось, да и Женни не дура, чтобы доверить бумаге что-то пикантное.

— Княжна просит тебя приехать завтра пораньше, — сообщила мать, не отрываясь от чтения. — Они, оказывается, задумали живые картины на бале, впрочем, ты, должно быть, знаешь. Пишет, что необходима *répétition*...

Как жаль, что нельзя поехать туда прямо сейчас, а еще лучше, погостить недельку-другую, мысленно вздохнула Катя. Если не считать перепалок с Ринальди, в доме Гагариных ей всегда было очень хорошо, ее там любили. И с Женни они уже успели достаточно сблизиться. Так что, мечта пожить какое-то время вдали от родных, отдохнув от постоянного диктата и напряженной атмосферы родного дома, была очень соблазнительна, но увы... Небрежно бросив ей распечатанный конверт, Софья Петровна осведомилась:

— И какова же твоя роль в живых картинах?

— Саломея, — неохотно призналась Катя, почти уверенная, что мать найдет к чему придраться.

— Мон Dieu, — поморщилась та. — Что за дикая выдумка! И что же, ты собираешься позировать с отрубленной головой на блюде?

Катя кротко кивнула, подавив невольную усмешку.

Мапан хмыкнула:

— На сей раз Комета просто превзошла себя! Но, надеюсь, твой костюм приличен и не

состоит из одних лишь семи вуалей?

— Разумеется, нет, маман, — заверила Катя. — Он... очень приличен. Я покажу его вам, когда его пришлют от модистки.

— Непременно, — проворчала Софья Петровна. — А как твои успехи в танцах?

— Кажется, неплохо, маман. По крайней мере, маэстро не так уж сильно бранит меня в последние дни, — Катя чуть улыбнулась.

Поднявшись на ноги, мать мимоходом похлопала ее по плечу:

— Занимайся каждую свободную минуту. Саша прекрасно танцует, попроси его помочь тебе. От дебютного бала зависит очень многое, как ты понимаешь...

Когда Софья Петровна ушла, Катя не без удивления перебрала в памяти произошедший разговор. Маман была непривычно мягка с ней сегодня, и почти не попрекала, как обычно, хотя повод был. Что же явилось причиной подобной перемены? Понять было невозможно, но в сердце мгновенно затеплилась надежда. Быть может, ей все-таки удастся наладить с матерью добросердечные отношения?.. Видит Бог, ей бы очень этого хотелось!

Остаток дня Катя провела в обществе Акулинушки, пытаясь загладить свою вину перед ней. Тетка, несмотря на свой кроткий нрав и скорую отходчивость, на сей раз очень долго не желала слушать извинений племянницы, но в конце концов ее обида отступила перед Катиной настойчивостью и горячими поцелуями. Раскаяние Кати было вполне искренним, тетку она очень любила и теперь, когда остыл гнев, стыдилась своей недавней вспышки, понимая, что обижать бедную родственницу, живущую в доме из милости, было попросту мерзко. Не говоря уже о том, что Акулинушка любила ее, как никто другой, и желала только добра.

— Ладно, кто старое помянет — тому глаз вон, — заключила под конец тетка. — Я все понимаю, Катенька. Давно вижу, что с тобой творится. Душа у тебя не на месте, видать, кавалер-то светлокудрый глубоко в сердечке твоём угнезвился. Вот только не пойму пока, кто же это — Илюша Щербатов или Миша Бахметьев?

Катя замерла, ощутив, как к щекам приливает кровь.

— Акулинушка, неужели это так заметно? — тихо сказала она.

Чуть улыбнувшись, тетка пожалала плечами, взяла корзинку с вязанием и спицы задвигались у нее в руках.

— Я прозорливостью не бахвалюсь, Катенька, ты не думай. Ни прозорливости, ни мудрости мне Господь не дал, но на то его воля. Только если молодая барышня то вздыхает, то кричит и ножкой топает, какие же еще могут быть причины, кроме сердечных?

Акулинушка, без сомнения, скромничала. Что-то подсказывало Кате, что видит она куда больше, чем говорит, просто по давней привычке предпочитает оставаться в тени, не выпячивая без нужды своих наблюдательности и ума.

— Множество может быть причин, Акулинушка, — отозвалась Катя. — Но я лукавить не буду, ты права.

Опустив вязанье, тетка с интересом уставилась на племянницу:

— И кто же, Катенька?

— А ты угадай, — хмыкнула та.

— Гадать попусту не стану, но, зная вкусы барышень, предположение сделать могу. Небось, душегуб этот девичий, Бахметьев? Как в глаза глянет, аж ноги слабеют... Гол, как сокол, красив, как архангел Михаил и дерзок, как Антихрист, прости, Господи! Он?

Катя безотчетно улыбнулась, мысленно повторяя краткую и точную характеристику

любимого.

— Значит, Бахметьев, — вздохнула Акулина при виде мечтательной улыбки племянницы. — Ох, до чего ж глупы вы, девицы! На что ты надеешься, Катерина? Разве он пара тебе?

Катя решительно встряхнула головой:

— Я за другого не пойду, Акулинушка. Руки на себя наложу, из-под венца убегу, но не пойду!

— Пречистая Богородица! — вздрогнув, тетка уронила вязанье. — Думай, что говоришь, Катерина!

Должно быть, на языке у нее крутилось еще немало упреков и нравоучений, но глянув в несчастное и злое лицо племянницы, она предпочла оставить их при себе.

— Что ж давно не появляется красавчик твой? — негромко осведомилась она.

— Не знаю, Акулинушка, — с тяжелым вздохом отозвалась Катя. — Мне кажется, Щербатов знает об этом больше, чем говорит, но выпытывать у него бесполезно, он все равно не скажет. И у Саши я спрашивать не хочу.

— А к Гагариным-то на куртаг приглашен Бахметьев?

— Да, я спрашивала у Женни, они присылали ему приглашение. Но если он придет туда, не увидевшись прежде со мной и не позаботившись, чтобы я оставила для него танцы, я его просто растерзаю!

— Да быть того не может, Катенька, чтобы он здесь не появился, чтобы за такой красавицей ухаживать не пожелал! — отмахнулась тетка. — А что нет его так долго, — так, может быть, по службе занят. Офицеры-то московской полковой команды, Саша рассказывал, редко на одном месте сидят. То в Петербург и Кронштадт, то в Новгород их отправляют по казенной надобности — обозы с вещами и провизией сопровождать, или еще что. Может быть, и Бахметьева сейчас нет в Москве, а придет — непременно явится, не сомневайся!

* * *

О том, чем именно заняты по службе прапорщик Бахметьев и его друг поручик Шехонской, Катя узнала на следующий день.

— Под арестом твой братец, на полковой гауптвахте прохлаждается, — не без сарказма сообщил отец, когда Катя, вернувшись вечером от Гагариных, робко осведомилась о причине его дурного настроения. — Где-то куролесил всю ночь, пришел в полк на утренний развод пьяный, как свинья, да еще нахамил капитан-поручику. Ну ничего, пусть посидит, ему полезно!

— Как вы можете?.. — взвилась мать. — Пять суток ареста за ничтожную провинность! Пять суток в этом сыром погребе!

— Люди и в остроге за меньшие провинности сидят, — отрезал отец. — Ничего не случится с вашим драгоценным мальчиком, может, хоть немного дури выветрится из головы. Черт побери, если б я не знал, что в Петербурге гвардия ведет себя еще более гнусно и расхлябанно, чем здесь... Один выход — отправить его в какой-нибудь армейский полк с глаз долой от позора. Лучше всего на Кавказ, в егерскую команду, там ему живо объяснят, что почем. Может, наберется под пулями хоть немного ума!

Софья Петровна схватилась за сердце.

— Да что вы за изверг? — вскричала она, придя в себя. — Вы что, смерти желаете единственному сыну?

Катя молча слушала родительскую перепалку. На сей раз она была вполне согласна с матерью: отец относился к Саше слишком сурово. Понятно, что он был просто обеспокоен чрезмерным пристрастием сына к вину, но лечить это пристрастие пулями?.. Оставалось надеяться, что это лишь произнесенные в запале слова, не более того.

Отец некоторое время молчал, потом заговорил тоном ниже:

— Все, чего я хочу, чтобы Александр стал достойным человеком. Гвардии нужна твердая рука, а ее величество, увы, просто неспособна обуздать это стадо зарвавшихся оборотов!

— Мой сын служит в гвардии и будет служить в гвардии, пока я жива! — отозвалась мать. — И речи не может быть об армии! Когда в Петербурге образуется вакансия для него, Александр будет служить при дворе, и я не сомневаюсь, что он сделает отменную карьеру. У вас еще будет повод гордиться сыном, Жорж.

— Я уже сказал вам все, что думаю по этому поводу, — устало сказал отец, прикуривая сигару. — Это вы можете гордиться тем, что Александр станет очередным никчемным придворным шаркуном, не я. Мне осточертело все это, я умываю руки. Можете делать из вашего ненаглядного сыночка все, что вам заблагорассудится, мадам.

Оставив родителей продолжать нелегкий разговор, Катя вернулась к себе и едва успела переодеться, как в спальню заглянула Акулина.

— Ты уже знаешь? — прошептала тетка, когда Катя отпустила горничную.

— Про Сашу? Да.

Тетушка интригуяюще улыбнулась:

— Стало быть, знаешь не все.

Катя чмокнула прильнувшего к ней Шанку в курчавую макушку и, расправив юбки, опустилась в кресло.

— Ладно, Акулинушка, не томи. Что там у тебя? Что, Сашу разоблачили, как главу гвардейского заговора?

— Типун тебе на язык, дурочка! — Акулина сердито покачала головой и, оглянувшись на дверь, наклонилась к самому уху племянницы: — Красавчик твой тоже на гауптвахте сидит.

— Миша? — Катино сердце пропустило один удар. — А он за что?

— Да за то же самое! Они вместе кутили, оба пьяными явились в полк и с командиром пререкались. Мне камердинер Сашин сейчас рассказал.

— Боже, — вздохнула Катя, не в силах сдержать улыбки, — какие же они оба еще мальчишки! Но от Миши я такого не ожидала. Всегда считала, что он куда более рассудителен.

— И то верно. Только видишь, вместо того, чтобы добрым примером Сашеньке послужить, он безобразничать взялся вместе с ним! Ну да Бог с ними. Ты хоть понимаешь, Катенька, для чего я тебе все это рассказываю?

Катя от всего сердца надеялась, что понимает и понимает правильно. Она могла отправиться в Семеновскую слободу, чтобы навестить брата и, если повезет, как бы невзначай увидеться с Михаилом. Осознав все это, Катя подняла на тетушку сияющие глаза:

— Акулинушка, не хочешь ли ты сказать, что мы могли бы...

— Конечно, могли бы, Катенька! — закивала довольная Акулина. — Не думаю, что маменька твоя будет против. Она, как я слышала, завтра к Сашеньке собирается, а мы послезавтра отправимся. Не знаю, конечно, удастся ли тебе с кавалером своим повидаться, но кто знает?..

Вскочив, Катя бросилась тетушке на шею:

— Акулинушка, я тебя обожаю!

— Ну-ну, — та с улыбкой похлопала ее по плечу. — На что же еще старые тетки надобны? Если ты будешь счастлива, Катенька, значит, не напрасно я на белом свете живу...